

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PG
41
K79

UC-NRLF
8B 81 883

П. Н. М. ...
авторъ

А. В. Крымскій.

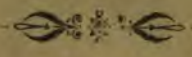
ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даютъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волинскомъ происхожденіи малоруссовъ?

I—IV.

Разборъ общаго историко-филологическаго данныхъ и обзоръ письменныхъ памятниковъ старо-кіевскихъ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

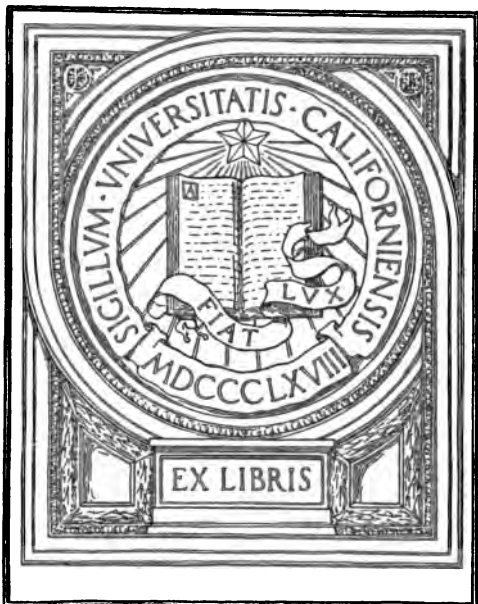

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1904.

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·

EX LIBRIS

Крымскій, Сызранскій, Симонид,

А. Е. Крымскій.

№ 111

ФИЛОЛОГИЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волинскомъ происхожденіи малоруссовъ?

I — IV.

Разборъ общихъ историко-филологическихъ данныхъ и обзоръ письменныхъ памятниковъ старо-кіевскихъ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1904.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

SEP 14 1994

Дозволено цензурою. Київъ. 28 мая 1904 года.

Мілютин

P6141
K79

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый первый выпуск моего изслѣдованія (главы I—IV) представляет собою оттискъ изъ пяти статей, печатавшихся съ перерывами въ «Кіевской Старинѣ»: въ іюнь 1898 г., стр. 347—365 (=стр. 1—19 отдѣльнаго изданія), въ сентябрѣ того же года, стр. 234—266 (=стр. 19—51 отд. изд.), въ январѣ 1899 г., стр. 9—29 (=стр. 51—69), въ іюнь того же года, стр. 307—316 (=стр. 69—77), въ сентябрѣ, стр. 277—311 (=стр. 77 и до конца). Такъ какъ писались онѣ очень далеко отъ Россіи, то лишь по напечатаніи первыхъ двухъ главъ мною были получены посмертная рецензія Потебни на диссертацию г. Соболевскаго (въ «Извѣстіяхъ Отд. Русск. яз. и слов. въ Акад. Н.» 1896, кп. IV) и замѣтки г. Соболевскаго «Изъ исторіи русскаго языка» (Ж. М. Н. Пр. 1897, май), въ которыхъ онъ ужъ не допускаетъ возможности признавать старыхъ кіевлянъ за чистыхъ великоруссовъ; съ этими двумя статьями я считаю только со страницы 19-й. Изслѣдованіе г. Шахматова: «Къ вопросу объ образованіи русскыхъ нарѣчій» (Ж. М. Н. Пр. 1899, апрѣль), въ которомъ почтенный академикъ совершенно отказывается поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго, появилось въ свѣтъ во время печатанія послѣдней главы настоящаго выпуска, и я посвятилъ названному изслѣдованію только заключительныя страницы перваго выпуска, а до страницы 93-й естественно принимаю г. Шахматова еще за сторонника Погодинской гипотезы. Кромѣ того,

уже послѣ напечатанія каждой моей статьи въ «Кіевской Старины» мною были замѣчаемы нѣкоторые пропуски, иногда—не-точности въ выраженіяхъ (такъ, на стр. 47-й въ строкѣ 6-й напечатано «не вѣрна» вмѣсто «не несомнѣнна») и наконецъ—типографскія ошибки, особенно непріятныя въ отношеніи филологическомъ. Посылая въ журналъ каждую слѣдующую статью, я при ней сообщалъ читателямъ пропуски и печатки, замѣченные мною въ предыдущихъ; а въ этомъ, отдѣльномъ изданіи всѣ дополненія и поправки собраны мною вмѣстѣ и пополнены новыми, и я прошу читателя не читать моей книги, не сдѣлавши сперва слѣдующихъ надлежащихъ исправленій:

Стр. 3, примѣчаніе 4-е. Добавить: Очень интересныя свѣдѣнія о томъ, до какой степени (непредубѣжденные) великоруссы считаютъ рѣчь малоруссовъ за чужую, см. въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», в. XXXII, стр. 124.

Стр. 7, примѣчаніе къ 1-й строкѣ: Мы, конечно, исключаемъ населеніе южной степной окраины современной Кіевской губерніи (окраины, не входившей въ область стараго кіевского княжества), исключаемъ и населеніе Слободской Украины, и Кубанщины, и Новороссіи, и Сибири: тамъ современные малоруссы, дѣйствительно, пришельцы.

Стр. 8, примѣчаніе 2-е: Рецензія А. Потебни на диссертацию г. Соболевскаго (не сохранившаяся, къ сожалѣнію, въ цѣлости) была издана въ послѣдней книгѣ за 1896-й годъ «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка Академіи Наукъ» и получена мною вскорѣ послѣ напечатанія указаннаго примѣчанія. Потебня находитъ, что диссертация г. Соболевскаго цѣнна только своимъ матеріаломъ, а «разборъ частныхъ положеній автора можетъ скорѣе ослабить, чѣмъ подкрѣпить хорошее мнѣніе о его сочиненіи». Потебня обстоятельно указываетъ также на незнакомство г. Соболевскаго съ малорусскою діалектологіей.

Стр. 9, строка 6-я. Вмѣсто «куплю дающими» надо читать «куплю дьющими».

Стр. 9, примѣчаніе 1-е. Добавить: Въ послѣдніе годы г. Соболевскій значительно умѣрилъ свое мнѣніе и наконецъ скло-

нился къ мысли, что въ старомъ Кіевѣ было нарѣчіе сѣверно-малорусское. Объ этомъ см. четвертую главу нашей работы стр. 87—95.

Къ стр. 10-й, послѣ строки 6-й. Въ тотъ моментъ, когда я писалъ строки 7-ую и слѣдующія, я не успѣлъ еще разсмотрѣть статью *А. Колессы* и ознакомился было съ нею только слегка. Потомъ я прочиталъ ее внимательно, и не могу сказать, чтобы она отличалась высокими достоинствами. Надо, впрочемъ, замѣтить, что статья эта («Dialectologische Merkmale des südrussischen Denkmals Žitije sv. Savy», въ Arch. f. sl. Phil., XVIII, 203—228 и 473—523) не есть въ сущности самостоятельное изслѣдованіе г. Колессы, а просто зачетное студенчески-развѣченное изложеніе соответствующихъ страницъ изъ Ягича; при этомъ г. Колесса, какъ робкій ученикъ, постоянно *jurat in verba magistri* и повторяетъ даже очевидныя обмолвки г. Ягича, снабжая ихъ благочестиво-наивнымъ примѣчаніемъ, что это слѣдуетъ допустить «nach der Meinung Jagičs»¹⁾. Представленная, какъ зачетный студенческой рефератъ, статья г. Колессы удовлетворяла своему назначенію и для поощренія могла быть даже напечатана. Но теперь, вѣроятно, и самъ г. Колесса сознаетъ всѣ ея промахи и слабыя стороны и не можетъ быть въ претензіи, если и другіе ему это укажутъ.—Найденное въ Палестинѣ «Житіе Савы» XIII вѣка, котораго ужъ коснулся г. Ягичъ и котораго г. Колесса касается въ этомъ своемъ рефератѣ поподробнѣе, есть памятникъ бѣлорусскій, безъ всякихъ малорусскихъ чертъ²⁾, напротивъ—съ видными бѣлорусскими особенностями, типа приблизительно

¹⁾ Какъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ такой наивности, укажу стр. 509, гдѣ г. Колесса, самъ отмѣчая, что звуковыя сочетанія **ьк**, **ью**, **ье** вмѣсто **нк**, **ню**, **не** присущи еще памятникамъ церковно-славянскимъ, и несомнѣнно зная (потому что такого крупнаго факта нельзя не знать), что они—обязательная черта *всѣхъ трехъ* русскихъ нарѣчій, все таки набожно повторяетъ обмолвку г. Ягича, будто они сообщаютъ памятнику южно-русскій колоритъ.

²⁾ Нѣтъ даже смѣшенія **ь** и **н**, **ъ** и **н**. Примѣры, которые приводитъ г. Колесса, доказываютъ только его незнаніе великорускаго и бѣлорускаго нарѣчій.

полоцко-смоленскаго ¹⁾; г. Соболевскій, на основаніи употребленія буквы ѣ вмѣсто є, причисляетъ «Житіе Савы» къ памятникамъ «галицко-волынскимъ», а г. Ягичъ, идею котораго въ своемъ рефератѣ и развиваеъ г. Колесса, хочетъ сдѣлать изъ «Житія Савы» памятникъ кievскій XIII вѣка. Идея г. Ягича въ краткихъ словахъ сводится къ тому, что не иначе, какъ за кievскіе, мы должны признавать всѣ тѣ памятники, въ которыхъ имѣется «галицко-волынское» употребленіе буквы ѣ вмѣсто є и другія (якобы) «галицко-волынскія» особенности, но въ которыхъ нѣтъ присущаго прочимъ «галицко-волынскимъ» памятникамъ взаимнаго смѣшенія в и оу и смѣшенія шипящихъ и свистящихъ звуковъ ²⁾. Статья г. Колессы, подробно развивающая идею г. Ягича, служитъ однако хорошимъ свидѣтельствомъ, что эта идея никуда не годна. Одинъ изъ критеріевъ г. Ягича, отсутствіе взаимнаго смѣшенія в и оу ³⁾, подорванъ самимъ г. Ягичемъ, который затѣмъ самъ отмѣтилъ въ «Житіи Савы» взаимное смѣшеніе в и оу ⁴⁾; и г. Колесса тоже не рѣшился утверждать, что въ «Житіи Савы» нѣтъ обоюднаго смѣшенія в и оу ⁵⁾. Что же касается втораго критерія, то, хотя г. Колесса и увѣряетъ, будто въ «Житіи Савы» нѣтъ смѣшенія шипящихъ и свистящихъ, оно есть; такъ, на л. 421 мы находимъ **златопла[ть]уамъ палестннськимъ вмѣсто златопла[ть]цамъ** (τοῦς τραχτεοταῖς). Я не знаю, извѣстно ли г. Соболевскому при-

¹⁾ Объ этомъ будетъ сказано обстоятельнѣе во II выпускѣ, при общемъ обзорѣ всѣхъ многоязычныхъ памятниковъ, приписанныхъ г. Соболевскимъ галицко-волынскому нарѣчію.

²⁾ Г. Колесса, кромѣ того, предлагаетъ еще считать кievскимъ критеріемъ выдвинутое г. Соболевскимъ написаніе о вмѣсто ѣ передъ слѣдующимъ о (напр., предо олтаремъ). Но я въ четвертой главѣ своего изслѣдованія (стр. 64—65 нынѣшняго оттиска и стр. XVI предисловія) показалъ на рядѣ примѣровъ, что эта особенность встрѣчается во многихъ русскихъ памятникахъ (въ томъ числѣ и въ Ипатской лѣтописи, которую г. Соболевскій относитъ къ „галицко-волынскимъ“ памятникамъ), а отсутствуетъ именно въ подлинныхъ кievскихъ памятникахъ. Поэтому про такой мнимый кievскій и мнимый „не галицко-волынскій“ критерій я ужъ и говорить дальше не буду.

³⁾ Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, стр. 17.

⁴⁾ Критич. замѣтки по исторіи русск. яз., стр. 84 и стр. 17.

⁵⁾ Archiv, т. XVIII, стр. 221, 522.

сутствие начертаній вродѣ «златопла[ть]чамъ» въ «Житіи Савы», — во всякомъ случаѣ онъ можетъ спокойно смѣяться себѣ въ бороду, пока его будутъ опровергать при помощи *такихъ* памятниковъ, какъ «Житіе Савы», потому-что бѣлорусское «Житіе Савы» нисколько не отличается отъ тѣхъ прочихъ бѣлорусскихъ памятниковъ г. Соболевскаго, которые и г. Ягичъ, вмѣстѣ съ Соболевскимъ, согласился признать за специально «галицко-волинскіе», а не кіевскіе; одинъ изъ бѣлоруссизмовъ «Житіа Савы» **ѣблыко** (19,21) тоже можетъ быть истолкованъ г. Соболевскимъ въ вѣдущую пользу своей теоріи, потому что изъ современныхъ малор. говоровъ кіевскіе совершенно не знаютъ такой фонемы, но она существуетъ въ говорахъ галицкихъ; и другой бѣлоруссизмъ «Житіа Савы» **ѣцин** (л. 317) вмѣсто **ѣще**¹⁾ можетъ съ точки зрѣнія малорусской діалектологіи быть объясненъ только какъ черта галицкая, но никакъ не кіевская. Такимъ образомъ, вслѣдъ за Ягичемъ и г. Колесса, пока будетъ спорить противъ великорусско-кіевской гипотезы г. Соболевскаго nach der Meinung Jagićs да на ятевой основѣ г. Соболевскаго, обязательно будетъ терпѣть пораженіе и скорѣе поддержитъ, чѣмъ опровергнетъ, эту антиисторическую гипотезу. Правда, избыточная филологическая каша, которую мы находимъ въ рефератѣ «Dialectologische Merkmale» г. Колессы, въ огромной степени объясняется не столько вѣроу г. Колессы въ малорусскость буквы **ѣ** памятниковъ г. Соболевскаго и рабскимъ, ученическимъ разивѣченіемъ идей г. Ягича, сколько личною филологическою неподготовленностью г. Колессы въ 1894 году (когда писался его рефератъ) и его необыкновенно слабымъ знаніемъ малорусской діалектологіи. Его нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что въ «Житіи Савы», наряду съ церковно-славянскими формами **къде** и т. п. (съ буквою **є**), встрѣчается **къдѣ** (съ буквою **ѣ**; см., напримѣръ, л. 81, 253 и т. п.); какъ извѣстно, это—черта специально сѣверно-русская (бѣлорусская и великорусская), рѣзко антимаполорусская и, во всякомъ случаѣ, не кіев-

¹⁾ Срв. въ современныхъ бѣлорусскихъ „Матеріалахъ“ Шейна, т. II, 1893, стр. 474, „Восинь кажиць: рожу. А вясна кажиць: *ицѣ* я погляджу“.

ская, потому-что въ подлинныхъ кievскихъ памятникахъ (Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года) ея нѣтъ; г. Соболевскому, въ противность г. Колессѣ, это извѣстно ¹⁾. Такъ же не г. Соболевскій виновать, если г. Колесса, противопоставляя говоры галицкіе и буковинскіе говорамъ украинскимъ, полагаетъ, будто подольская рѣчь (Руданскаго) относится къ типу говоровъ украинскихъ, а не галицкихъ ²⁾. Не г. Соболевскій виновать въ томъ, что г. Колесса приписываетъ современному малорусскому языку фонему «**нѣгде**» ³⁾. Не г. Соболевскій виновать въ томъ, что г. Колесса считаетъ возможнымъ производить кievско-малорусскія формы мѣстнаго и дательнаго падежа прилагательныхъ единственнаго чісла «славнімъ», «грішнімъ», «чистімъ», «новій», «славній», «святій» и т. д. изъ «славнѣмъ», «грѣшнѣмъ», «чистѣмъ», «новѣи», «славнѣи», «святѣи» и т. д., а не изъ «славнѣомъ», «грѣшнѣомъ», «чистѣомъ», «новѣой», «славнѣой», «святѣой» и т. д. ⁴⁾. Не г. Соболевскій виновать, если г. Колесса причисляетъ фонемы, послѣдовательно и постоянно соблюдаемыя въ извѣстныхъ говорахъ: «ци» и «зичити»—тоже къ случаямъ смѣшенія шипящихъ и свистящихъ (онъ въ этихъ фонемахъ видитъ... «die[selbe] Verwechslung des **ч** mit **ц** und **ж** mit **з**, welche den alten Mundarten von Novgorod, Pskov und Polotsk—Smolensk—Vitebsk eigen war») ⁵⁾.

¹⁾ Лекціи, 1-е изд., 37; 2-е и 3-е изд., 64; Исслѣдованія въ области русской грамматики, Варшава, 1881, стр. 2.

²⁾ Archiv, XVIII стр. 220, сноска 1.

³⁾ Стр. 508.

⁴⁾ Стр. 494—495. Свое грубое незнаніе малорусской діалектологін г. Колесса сугубо подчеркнул въ этихъ примѣрахъ тѣмъ, что мягкое произношеніе здѣсь звука **і** (которое онъ такъ и изображаетъ: „славнымъ“, „грішнымъ“ и т. д.) приписалъ онъ говорамъ кievскимъ, къ памятникамъ которыхъ онъ относитъ „Житіе Савы“ XIII вѣка; между тѣмъ даже до настоящихъ временъ кievскіе говоры имѣютъ въ названныхъ формахъ очень твердое **і** (**ѣи**) или двугласный **уи**.

⁵⁾ Archiv, XVIII, стр. 505. И при этомъ случаѣ г. Колесса еще лишній разъ подчеркнул свое незнаніе малорусской діалектологін, добавивши, что *зичити* „anstatt *жичити*“ принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя, молъ, свойственны только галицкимъ и вольнскимъ говорамъ, но не кievскимъ. Между тѣмъ именно *зичити* (а не *жичити*) есть общеизвѣстная фонема кievская. И еще одну черту не-

Не г. Соболевскій виновать, если г. Колесса не подозрѣваетъ существованія смѣны звуковъ **в** и **у** въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчїи ¹⁾, и т. д. Справедливость, впрочемъ, заставляетъ насъ еще разъ напомнить, что статья г. Колессы: «*Dialectologische Merkmale*» обезоруживаетъ критику и имѣетъ право на полную снисходительность, потому что она вѣдь не болѣе, какъ зачетная, студенческая работа, поданная г. Колессой г. Ягичу на его семинаріяхъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшія филологическія работы, которыя произведетъ г. Колесса впоследствии, занявши профессорскую кафедру, будутъ имѣть самостоятельную научную цѣнность и значеніе... Для этого, правда, требуется условіе, чтобы онѣ не походили на недавно опубликованную имъ статью (одну изъ, покаместъ, очень малочисленныхъ его филологическихъ работъ): «Лаврівські пергаминові листки з XII—XIII віку» ²⁾, потому что въ этой статьѣ г. Колесса обнаруживаетъ прямо непростительное невѣдѣніе важнѣйшихъ, основныхъ фактовъ старорусскаго и церковно-славянскаго языковъ,—напримѣръ, въ области склоненія. Встрѣчая въ томъ памятникѣ, который онъ приписываетъ XII вѣку, фразу: «и собрашася паки народи» (л. 1, а), г. Колесса воображаетъ, что **и** въ словѣ «народи» поставлено русскимъ переписчикомъ вмѣсто долженствующаго-де быть **ы**, и что «така поява **и** замість **ы** в слові **народи** має діалектологічне значіне і характеризує давні пам'ятники південно-руського походження» ³⁾!! Просто не вѣрится, что тѣ вещи, которыя у насъ твердо знаетъ гимназистъ 4-го класса, въ Галичинѣ не извѣстны университетскому профессору ⁴⁾.

знанія малорусской діалектологїи,—черту въ которой неповиненъ г. Соболевскій, проявилъ г. Колесса, дѣлая тутъ же ссылку на гродненское „через“: вѣдь въ Гродненщинѣ мазуракають,—обстоятельство, которое могло бы быть извѣстно г. Колессѣ просто изъ учебныхъ „Лекцій“ того же г. Соболевскаго, (2-е изд. стр. 128—129).

¹⁾ Archiv, XVIII, стр. 497.

²⁾ Въ 53-мъ томѣ „Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка“, 1903.

³⁾ См. стр. 8, отд. отт.

⁴⁾ Отсутствіе преподаванія грамматики церковно-славянскаго языка въ галицкихъ гимназіяхъ и необходимость каждому начина-

Стр. 11, строка 10-я. Въмѣсто «отвергнутое теоріей» должно быть «отвергнутое исторіей».

Стр. 13, примѣчаніе 1-е. Добавить: Такъ и г. Шахматовъ въ одномъ и томъ же сочиненіи употребляетъ выраженія: «малорусскій языкъ» и «малорусское нарѣчіе», смотря по тому, какой терминъ болѣе подходитъ къ общему ходу рѣчи. Такъ и г. Ягичъ въ своихъ недавнихъ «*Einige Streitfragen*», признавши, что по отношенію къ остальнымъ славянскимъ языкамъ русскія нарѣчія составляютъ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе употребляетъ выраженія: «*die russischen Sprachen*» (стр. 24).

Стр. 14, строка 13-я. Пропущена ссылка: «Исслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 120.—Въ апрѣлѣ 1899-го года г. Шахматовъ высказалъ совершенно иное мнѣніе, о чемъ подробно у насъ сказано въ четвертой главѣ.

Стр. 17, строка 15-я. Добавить: А на стр. 54-й г. Соболевскій не постѣснялся приписать малоруссамъ неопредѣленное наклоненіе «печь».

Стр. 17, строка снизу 4-я. Вм. «слова» чит. «словá», съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

Стр. 21, первая строка 1-го примѣчанія. Въмѣсто: «отъ Путило или» должно быть: «подобно Путило отъ».

Стр. 21, примѣч. 2-е: Поставить вопросительный знакъ.

Стр. 23, первая строка 3-го примѣчанія. Напечатано: А. Соловьевъ. Должно быть: А Соловьевъ.

Стр. 26, строка 7-я. Напечатано: Мъстишенскій. Должно быть: Мъстишинскій.

Стр. 27, пятая строка 13-го примѣчанія. Напечатано: со-варищѣ. Должно быть: товарищѣ.

Тамъ же, снизу строка 2-я. Напечатано: сільські. Должно быть: сѣльські.

Стр. 30, строка 7-я. Пропущено: Въ Полтавской губерніи въ Гадяцкомъ уѣздѣ—Грыша (Онысько Грыша—сільський хло-

ющему гал. филологу изучить церковно-славянскую грамматику самостоятельными усиліями едва ли можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ для лица, занимающаго кафедру. Правда, эта кафедра—не спеціально-филологическая, а скорѣе историко-литературная.

пець. См. «Матерьялы до украинсьько-русьькой этнольоги, за редакцею Хв. Вовка», Львивъ 1899, т. I, стр. 111).

Стр. 31, въ строкѣ 11-й пропушено имя: Стецько.

Стр. 32, строка 17. Добавить послѣ имени «Андріяша»: Въ пѣснѣ 1789-го года фигурируетъ имя: Марьянуша. См. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. III, стр. 605.

Стр. 33, строка 3-я. Добавить: Въ Проскуровскомъ уѣздѣ Подольской губерніи отмѣчено имя: Петруша (см. Народныя преданія въ Подоліи—гр. Биберштейна, Кам.-Подольскъ, 1881, стр. 39, 40). Отъ Иванъ—уменьшительное Иванюша, встрѣчается въ пѣсняхъ о козакѣ, въ Новоушицкомъ уѣздѣ (см. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, III, 271, 272). Это же пмя Иванюша извѣстно на Волыни въ Острожскомъ уѣздѣ (Гринченко: Этнографическіе матеріалы, III, 369). Къ списку галицкихъ уменьшительныхъ добавимъ: Гануша (=Ганна) въ Пѣсняхъ Головацкаго. См. Записки Наукового Товариства імени Шевченка 1901, т. XXXIX, Библиографія, стр. 27.

Стр. 33, строка 19-я, 20-я и 23-я. Напечатано: Ратоша, Мостиша. Надо читать: Ратъша, Мъстиша.

Стр. 34, вторая строка въ выноскѣ. Напечатано: по словамъ. Должно быть: по словарю.

Стр. 36, строка 21-я. Напечатано: кекоть. Должно быть: кокотъ.

На той же страницѣ, строка снизу 5-я. Напечатано: кривногій. Должно быть: кривоногій.

Тамъ же, въ 1-й выноскѣ въ первой строкѣ. Напечатано: Десятинѣ. Должно быть: Делятинѣ.

Стр. 37, строка 13-я. Напечатано: великорусское. Должно быть: общерусское.

На той же страницѣ, въ 1-омъ примѣчаніи. Напечатано: Заря. Должно быть: Зоря (галицкій малорусскій журналъ).

Стр. 38, строка 12-я. Въмѣсто *qargula* чит. *gargula*.

На той же страницѣ, послѣ перечисленія примѣровъ на *ша*, добавить: Очень интересные примѣры малорусскихъ словъ на *ша* подмѣтилъ И. Верхратскій въ архаическомъ говорѣ угорскихъ ма-

лоруссовъ. Таковы: голубеша=голуба ввця, *Namen eines blaugrauen Schafes*; сыншоша=корова сына, сира, *Namen einer blaugrauen Kuh*. См. Знадобы до пизнання угорсько-руськихъ гово-ривъ, стр. 49 (Запыскы Наукового Товариства имени Шевченка. т. XXVII).

Стр. 39, строка 6-я. Добавить: Угорско-малорусскія клички коровъ и овецъ «голубеша» и «сыншоша» (подобно великорусскому «буренушка») съ одной стороны выражаютъ ласку, а съ другой стороны подчеркиваютъ преобладаніе сивой масти въ этихъ животныхъ.

На той же страницѣ послѣдующая фраза извращена пропускомъ цѣлой строкы. Строка 8-я должна читаться такъ: понимать ли ихъ какъ ласкательныя сокращенія, или какъ прозвища, обозначающія постоянное качество.

Стр. 41, къ строкѣ 10-й прибавить: Форму «бабуся» см. еще въ рассказѣ П. Засодимскаго изъ жизни сѣвера («Задушевные рассказы», т. II, стр. 4, Спб. 1884). «Мамуся»—въ великорусскомъ рассказѣ П. М. Невѣжина (Новости Дня 1898, № 5595, стран. 2, столб. 4-й). Въ Петербургскомъ рассказѣ П. Боборыкина: «Отслужила» (Русскія Вѣдомости 1898, № 295) героиня названа Катуся,—уменьшительная форма отъ имени Катерина (подобно малорусскому Катруся).

Стр. 41, строка 11-я, Напечатано: твердое. Должно быть: тверское.

Стр. 41, строка послѣдняя. Напечатано: милушка. Должно быть: милуська (употребляется преимущественно по отношенію къ дѣтямъ).

Стр. 42, къ строкѣ 18-й: П. Н. Милюковъ говорить: «У насъ, русскихъ, вопросъ о происхожденіи славянъ до сихъ поръ продолжаетъ иногда ставиться не только даже такъ, какъ можно было его ставить во времена Пикте и Будиловича; нѣтъ, мы иногда возвращаемся къ временамъ Забѣлина и Иловайскаго и даже, наконецъ, ко временамъ Надеждина». Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXXVII, стр. 141.

Стр. 43, въ 1-мъ примѣчаніи, въ чешской цитатѣ, вмѣсто Otdřleč должно быть Oldřich и мѣсто veleslwny—veleslawny.

Стр. 44, въ 1-мъ примѣчаніи добавить: г. Гинкенъ считаетъ «Борисъ» уменьшительнымъ отъ Боримиръ или Бориславъ и принимаетъ съ за особый суффиксъ. См. его статью въ Живой Старинѣ 1893 г., вых. IV, стр. 445: «Древнерусскія двусловныя имена и ихъ уменьшительныя».

Стр. 45, примѣч. 3-е. Напечатано: Вав. Миллеръ. Должно быть: Всев. Миллеръ.

Стр. 46, строка 2-я. Напечатано: кырта. Должно быть: кырпа. Въ той же строкѣ напечатано дубаса. Должно быть: дубаса и дубоса.

Стр. 47, строка 6-я. Напечатано: не вѣрна. Должно быть: не несомнѣнна. Тамъ же пропущена выноска: Роль *Галичины* въ заселеніи Слободской Украины, въ противоположность роли Подолія, Кіевщины и восточной Волыни, недостаточно выяснена. Историческихъ указаній на движеніе колонизаціи изъ Галичины на Лѣвобережье нѣтъ.

Стр. 47, строка 18-я. Напечатано: гуцулами. Должно быть: гуцалами.

Стр. 47, первая строка 1-го примѣчанія. Напечатано: производныхъ. Должно быть: сродныхъ и производныхъ.

Стр. 47, въ томъ же примѣчаніи прибавить послѣ точки въ девятой строкѣ: Отсюда одно изъ значеній существительнаго «буць»—быстрый и ловкій ударъ (Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Одесса 1894, стр. 95). Напомню объ очень распространенной прибауткѣ при дѣтскихъ шалостяхъ: ребенокъ съ разбѣга ударяетъ лбомъ въ животъ другаго ребенка и говоритъ: «баранъ, баранъ, буць»; иногда и взрослые употребляютъ ту же прибаутку, играя съ малыми дѣтьми и бодая ихъ двумя пальцами въ животикъ, отчего дѣти съ крикомъ съезживаются.

Стр. 47, добавить примѣчаніе къ строкѣ 18-й. Прозвище «буць» встрѣчается не только въ Черкащинѣ; многія соображенія заставляютъ думать, что первоначально такое прозвище да-

валось исключительно сѣвернымъ полѣшукамъ и, быть можетъ, бѣлоруссамъ. Въ рѣдкой малорусской брошюрѣ: «Спліотни» (Житомірь 1872) Михалка Семенюка, признающагося, что онъ самъ отчасти буць, есть обстоятельныя разъясненія о смыслѣ этого слова. Сдѣлаю выписки изъ названной брошюры, причемъ огориваюсь, что, по необходимости, ихъ транскрибирую обязательнымъ правописаніемъ. «Мои спліотни ¹⁾ не въ далекій пидуть свить; а вже-то за Днипръ—то и не думаю! тамъ зъ пыхъ насміються та назныцаються якъ надъ чимъ непотрибнымъ. Бо Заднипровскія пивци такъ звучно поють, якъ Эольская гарфа. А я—звычайне, якъ полишукъ—разъ завью якъ вовчинята, колы то въ гнизди голодны обзываются, або зарыкаю, якъ сблуканная въ лиси скотына, або часомъ защебечу, якъ лисная птычка. (Стр. 5). Каждая птычка по своему щебече. Такъ и я: по своему,— якъ научывся помыжь крестьянамы ²⁾ и Буцамы (хочъ то кажутъ: Буцы—не люде). Для того найдете у мене ударенія и выраженія, протывны малороссійскому заднипровскому языку, потому-що въ мистностяхъ отъ Буга до Тетерева ³⁾ и йеще немного дальше къ Кіеву змишано и поплутано, якъ въ испорченномъ ткацькимъ варстатъ (стр. 6). Прыходьтєся теперь объяснить, що то значить «Буць». Есть то чоловікъ ²⁾, але чоловікъ похожъ на литовскихъ изъ багень ⁴⁾ людей, котрого колы сиросышь: «звитки чоловікъ?» отвитыть: «я не чоловікъ, я пинчукъ». Буць получивъ свое названіе отъ того, що, якъ то диты забавляються и одынь другого бє лобомъ и промовляють: «баранъ, буць!»—такъ понеже сіи люде безпрестанно напываются и деруться, отъ того названо ихъ Буцамы (стр. 11). Але Буцовъ есть два сорта: одынь—«Буць-васпанъ», а другій—«Буць-мужыкъ». Буць-васпанъ

¹⁾ Стихи.

²⁾ Напомню, что по-малорусски терминъ „малорусь“ выражается словами „чоловикъ“, „люде“. Слово „люде“ означаетъ еще „крестьяне“ (въ противоположность другимъ сословіямъ), откуда терминъ „крестьяне“ можетъ такъ же обозначать: „чистые малоруссы“. Необходимо это помнить для уразумѣнія приведенной фразы и дальнѣйшаго изложенія.

³⁾ На Волынскомъ Полѣсьи.

⁴⁾ Болотъ.

хуже мужыка, потому-що твердшы[й] невыжа ¹⁾ и безпримирно ленывъ. И Буць-васпанъ дорожыть своимъ васпаньствомъ, бо при соотвѣтственномъ случаи обызываетъ: «я до васпана, васпань!», «васпань! а, васпань, до мене ты?» Буць же мужыкъ не мае въ соби той амбиціи и буває совѣстнѣйшій, але вони вси плуты, пьяницы и злодіи на лись. Така въ нихъ въ сымъ отношеніи закостнила безсовѣстность, що не считаютъ соби въ выну красты лись и пры случаи объясняются: «Той, що лизе до коморы, то той— злодій. А зъ лиса якъ що соби зробишь та продасы, то нема гриха: шъ чого жъ будешъ жыты! вшакъ, лись Богъ сотворывъ для всихъ». (Стр. 12). Сіи Буцы— есть то люде захожи изъ разныхъ сторонъ: изъ-за Буга, изъ-за Дзвины и ызъ-за Днистра. Помыжь слободамы, населеннымы самымы Буцамы, есть слободы, населенны изъ выходцивъ изъ-за Волги, старообрядцивъ, поселывшихся отъ вика. До крестьянъ и Буцовъ перешлы некоторы слова чисто вылыкоруцкіи. Тамъ же по лисамъ есть села, населенны крестьянамы въ смиси зъ Буцамы, и есть села, населенны самымы лышь крестьянамы безъ ніякой примиси. Але, же крестьянѣ сообщаютъся съ Буцамы, оттого що и входятъ въ бракосочитанія съ собою ²⁾, то и у крестьянъ есть искажены[й] языкъ Буцовскі[й]». (Стр. 13—14). Слишкомъ ясно, что «лицьвинки изъ-за Дзвины» ничего общаго не имѣють съ галицкими бойками, какъ этого желалъ бы г. Соболевскій.— За двадцать лѣтъ до Семенюка Руликовскій писалъ о буцахъ въ средней Кіевщинѣ, въ мѣстности совсѣмъ близкой къ Черкащинѣ. Въ своей книгѣ: *Opis powiatu Wasylkowskiego* (Варшава 1853) Руликовскій сообщаетъ, что только сѣверная лѣсистая, предросская часть Васильковскаго уѣзда заселена коренными малоруссами, а южная часть, степная, зароская, получившая много новаго населенія въ новое время, заселена людьми, которые собрались изъ разныхъ мѣсть, въ томъ числѣ въ большемъ количествѣ изъ «Литвы».

¹⁾ Невѣжда. Звукъ ж иногда произносится въ этомъ корнѣ твердо не только на Польсьи, гдѣ вообще рефлексы звуковъ ж и н смѣшиваются, но и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи.

²⁾ = z soba, другъ съ другомъ.

По словам Руликовского, жители сѣверной, исконно-малорусской части уѣзда относились къ приплыльмъ южнымъ поселенцамъ съ насмѣшкою и издѣвались надъ ихъ рѣчью, «z przekaŝem nazuwajac ich *bucami* i *hesztakami*, bo ci za kaŝdym wyrazem maja we zwyczaju powtarzac wyraz «heta» na sposob *poleski* (str. 148—151)». Изъ сообщеній Семенюка и Руликовского ясно устанавливается, что буць—это полѣшукъ, и притомъ не кievскій и не волинскій, а пинскій. Отсюда можно сдѣлать вѣроятное предположеніе о причинахъ примѣненія этого прозвища къ подолянамъ: Подоля, покинутая прежними жителями во времена Руины, приняла затѣмъ, по всему вѣроятію, достаточное количество новыхъ поселенцевъ изъ Пинщины, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ Кіевщиной, и оттого черкасцы называютъ подолянъ буцами.

Стр. 48, къ примѣчанію 1-му. Что касается происхожденія прозвища «гуцуль» у галицкихъ горцевъ, то у насъ тоже нѣтъ никакихъ данныхъ считать его за очень старое, возникшее въ домонгольскую эпоху. Наоборотъ, у насъ есть свѣдѣнія, что галицкіе горцы были прозваны гуцулами за отчаянное сопротивление, которое они оказали венграмъ при насильственномъ введеніи у нихъ церковной уніи. См. М. Левченко: Мѣстныя названія русиновъ (Основа 1861, январь, стр. 264).

Стр. 48, послѣдняя строка главнаго текста. Послѣ словъ: «переносить этотъ выводъ на Кіевщину» пропущено: съ ея особымъ географическимъ и топографическимъ положеніемъ, съ ея особымъ архаическимъ нарѣчіемъ.

Стр. 50, строка 4-я. Напечатано: сосѣдніе. Должно быть: сосѣднія.

Стр. 51, строка снизу 10-я. Напечатано: собственно еще. Должно быть: собственно, еще.

Тамъ же, снизу строка 6-я. Напечатано: обособленія. Должно быть: обособленія малорусскаго и великорусскаго.

Стр. 52, послѣд. строка текста. Въ Екатеринодарскомъ изданіи моей брошюры «Хто жъ вынень» (1897) наборщикъ на стр. 17-й (строка снизу 6-я) набралъ «до себе».

Стр. 53, строка 21-я. Послѣ словъ: «Отмѣтимъ чередованіе *е* и *я* прежде всего» пропущено: «во всѣхъ существительныхъ средняго рода, оканчивавшихся въ общерусскомъ языкѣ на *іе* или *ыѣ*. Напримѣръ: *жытѣя*; *здоровѣя*, *насіинѣя*, *даннѣя* и т. д.» Затѣмъ съ новой строки начать: «Далѣе—въ страдательныхъ причастіяхъ» и т. д.

Тамъ же, въ послѣдней строкѣ, къ слову «паляныця». Покойный М. А. Дикаревъ, незадолго до своей смерти, когда онъ уже страдалъ сильнымъ психическимъ разстройствомъ, написалъ по поводу слова «паляныця» особую статью («Кіев. Стар.» 1899, окт., 31), въ которой сближаетъ малорусское «паляныця» съ древне-греческимъ «*πέλαγος*» (языческій жертвенный пирожокъ) и, такимъ образомъ, оспариваетъ мое производство этого слова отъ страдательнаго причастія «паляный». Замѣчу при случаѣ, что предложенная мною этимологія есть не моя личная, а общепринятая (срв. у Миклошича: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, стр. 235). Опровергать же сколько-нибудь подробнѣе статью покойнаго Дикарева, этотъ плодъ его предсмертнаго сумасшествія, представляющій собою вопіющее нарушение всѣхъ законовъ сравнительнаго языковѣдѣнія и опубликованный лишь по недоразумѣнію, я считаю совершенно излишнимъ: всякому, кто хоть немного изучалъ сравнительное языковѣдѣніе, понятна полнѣйшая филологическая несостоятельность Дикаревскаго возведенія малорусскаго «паляныця» наряду съ греческимъ «*πέλαγος*» въ староязыческій, доисторическій обще-индоевропейскій періодъ. Правда, можно бы предположить еще, что малороссы прямо заимствовали отъ грековъ ихъ слово *πέλαγος* въ историческую, христіанскую византійскую эпоху; но для этого надо доказать, что самимъ грекамъ еще извѣстно было слово *πέλαγος* въ позднюю, христіанскую пору; доказать же это едва ли удастся. Что же касается великорусскаго «пеленица» (и «пеляница»), тоже приводимыхъ Дикаревымъ, то это слово (оно значитъ «пирогъ») находится въ этимологической связи со словомъ «пелена» (о значеніяхъ котораго см. Словарь Даля, III, 22), «пеленать» (=свивать, свертывать) и др.

Стр. 54, отдѣль а), послѣ слова «Печарыца» прибавить: Печара—у Франка (Зѣ вершынь и пызынь. Друге выданія. Львѣвъ 1893 стр. 176). Пидпечары—село въ Галичинѣ, педалеко отъ г. Станиславова. Чалядь—въ Под. губ. (Правда 1890, падолистъ, стр. 207).

Стр. 55, строка 13-я. Ссылка на Тобилевича попала сюда по недосмотру.

Стр. 56, строка 3-я. Напечатано: Халяма. Должно быть: Халяма (иначе: халепа, т. е. затруднительное положеніе).

Стр. 56, строка 6-я. Добавить: Лятычѣвъ—имя города Летицева по подольскому произношенію (Ныва, Одесса 1885, стр. 164).

Стр. 57, къ отдѣлу ж) добавить: Скрыбатыся—у Мордовцева (Саратовскій литературный сборникъ, 1859, стр. 178). Ралгійный («Руслан» 1903, № 156, стр. 2). Кареливка—Кіев. Ст. 1904, февр., II, 62—63.

Стр. 58, четвертая строка въ сноскѣ. Напечатано: Шурата. Должно быть: Щурата.

Стр. 59, (строка 14-я), стр. 60 (строка 1-я и 15) и стр. 61 (строка 7, второе слово)—напечатанъ юсь малый вм. юса большого.

Стр. 59, послѣдняя строка въ примѣчаніи. Напечатано: Андриѣ. Должно быть: Андрія.

Стр. 60, строка 4-я. Напечатано: двугласный. Должно быть: двугласный.

Стр. 61, строка 4-я. Напечатано: 1976. Должно быть 1076.

Стр. 61, въ примѣчаніи 8-я строка снизу. Напечатано: поставитъ. Должно быть: поставитъ.

Стр. 62, стр. 63, стр. 66 и стр. 67. Напечатана много разъ церковно-славянская буква ѿ вмѣсто ѿ.

Стр. 62, строка послѣдняя въ 4-мъ примѣчаніи. Должно быть: видниѣ, ннсть, пнванѣ.

Стр. 63, строка 9-я. Напечатано: про. Должно быть: что.

Стр. 65, строка 23-я. Напечатано: Пансіевомъ. Должно быть: Пансіевомъ. Количество примѣровъ появленія о вмѣсто ѡ передъ слѣдующимъ о можетъ быть дополнено еще слѣдующими: ото овецъ (ἀπό)—Быт. IV, 4 по списку XIV вѣка; ото очию—Пут. Генн. и Позн. 6 (=Древне-русскій словарь Срезневскаго, т. II, стр. 770); подоостри—въ Лаврент. лѣтоп. подъ 6694 годомъ; подооштраѣтъ—Пчел. Имп. Публ. Библ. л. 91 (=Словарь Срезневскаго, т. II, стр. 1044).

Стр. 66, третья строка 2-го примѣчанія. Напечатано: «ъ вм. ѿ братья». Должно быть: ѿ вмѣсто ѿ въ словѣ братья.

Стр. 70, строка 13-я. Напечатано: могли. Должно быть: могли бы.

Стр. 74, въ выноскѣ строка 12-я. Добавить: Напримѣръ, новгородецъ, побывавшій въ стольпомъ городѣ Кіевѣ и возвратившійся опять въ Новгородъ, могъ быть названъ Кіяншиномъ, подобно тому какъ и теперь въ русской деревнѣ пнтерщикомъ зовутъ крестьянина, прожившаго зиму на заработкахъ въ Петербургѣ.

Стр. 76, строка 15-я. Напечатано: о(ть)цъними. Должно быть: о(ть)цънями.

Стр. 79, строка 8-я. Напечатано: онъ не писалъ. Должно быть: онъ же писалъ.

Тамъ же, предпоследняя строка текста. Должно быть: детей, иметь.

Стр. 80, строка 6-я. Вмѣсто славянскаго і надо читать малорусское современное і. Да и на слѣдующихъ страницахъ сплошь да рядомъ напечатаны церковно-славянскія буквы совсѣмъ неумѣстно, въ формахъ современныхъ народныхъ.

Тамъ же, последняя строка. Надо читать: писали и теперь пишутъ.

Стр. 81, строка 12-я въ ссылкѣ. Читай: рознорѣчійхъ (какъ писалъ и Головацкій).

Стр. 82, въ строкѣ 8-й и 9-й уничтожить курсивное и.

Тамъ же, стр. 13-я. Читай: дидизнѣ.

Тамъ же, 1-я выноска, 1-я строка. Вмѣсто: текста—должно быть: текстъ.

Стр. 83, 1-я выноска, строка 1—2. Родительный падежъ [какъ у Головацкаго] долженъ быть написанъ съ окончаніемъ *ого*.

Стр. 83, выноска 3-я, строка 2-я снизу. Напечатано: едва ли князь. Должно быть: едва ли могъ князь.

Стр. 86. Вмѣсто церковно-славянскихъ буквъ должно читать русскія, причемъ вмѣсто і должно быть і.

Стр. 87, строка 9—10. Напечатано: освободившимся, Должно быть: обособившимся.

Стр. 90, строка 2-я въ сноскахъ. При формахъ урънига и урънига надо поставить звѣздочку, такъ-какъ обѣ онѣ возстановлены мною гипотетично. Съ чередованіемъ фонемъ «Черныгивъ»

«Чернигивъ» можно еще сопоставить двѣ параллельныя увеличительныя формы отъ имени Васыль: «Васылыга» и «Васылига». (Часто встрѣчается въ видѣ фамиліи,—см., напр. «Кіевлянинъ» 1899, № 209, стр. 3, столбець 3-й).

Стр. 91, послѣдняя строка текста. Напечатано: предположить. Должно быть: предположить.

Стр. 93, въ выноскѣ, 14-я строка. Добавить: Когда эти строки ужъ были посланы въ редакцію «Кіевской Старины» для напечатанія, появилась тамъ же, въ «Кіевской Старинѣ», статья В. Милорадовича о близости Полтавскаго фольклора съ бѣлорусскимъ. Пожалуй, бѣлорусскости Полтавскаго фольклора г. Милорадовичу доказать не удалось (всѣ сближенія, какія онъ сдѣлалъ, прекрасно объясняются не бѣлорусскимъ, а просто сѣверно-малорусскимъ влияніемъ), но статья его важна въ томъ отношеніи, что устанавливаетъ ббльшую близость этнографическаго матеріала Украины (или хоть Полтавщины) къ сѣверному, чѣмъ къ западному, къ галицкому.

Стр. 94, строка 8. «Примѣсь» эту, которую усматриваетъ г. Соболевскій, надо однако принимать съ оговорками. Такъ, напрасно онъ хочетъ думать, что чередованіе *к* съ *т* и *г* съ *д* передъ мягкими гласными въ кіевскихъ памятникахъ есть черта немалорусская или, по крайней мѣрѣ, чуждая нынѣшнимъ кіевскимъ говорамъ. Что эта черта существуетъ у галицкихъ гуцуловъ (а они, напомнимъ, безусловно вѣдь чужды всякаго великорусскаго воздѣйствія!), это и г. Соболевскому извѣстно¹⁾, а мы отъ себя сообщимъ ему, что она существуетъ во 1-хъ въ самомъ городѣ Кіевѣ (гдѣ, пожалуй, ея туземность не поддается провѣркѣ въ виду постояннаго прилива и отлива и смѣшенія жителей этого «русскаго Парижа», какъ его называлъ Барановичъ), а во 2-хъ, и это самое главное,—она имѣется и въ захолустныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ Кіевъ, особенно съ сѣвера, причемъ переходитъ и на лѣвую сторону Днѣпра, въ Черниговскую губернію, въ Переяславское Приднѣпровье и отчасти въ сосѣднюю полосу Слободской Украины. Въ числѣ прочихъ примѣровъ какъ разъ можно отмѣтить сугубо убѣдительное для г. Соболевскаго сѣверно-кіев-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1897, май, стр. 49; Лекціи 3-е изд., стр. 132.

ское названіе пятнистой болотной рыбки: «овдютка», или «овдотка» (южно-украинск. «явдошка»), не говоря ужъ о такихъ примѣрахъ, какъ «ковкни», «ковкнѣть» (повелительное н-нѣе отъ «ковнути» — «проглотить») ¹⁾; чередующаяся форма имени Келимонъ и Телимонъ (Пантелеймонъ) извѣстна, съ обычной перегласовкой е на а, до сѣверо-востока Слободской Украины (Калимонъ и Талимонъ у Квитки); другой такой общеизвѣстный примѣръ чередованія т и к — «стирта» и «скирта»; и въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи нѣкоторыя села совсѣмъ затерли разницу между т и к передъ мягкими гласными, и даже когда нарочно просишь ихъ жителей произнести, напримѣръ, «тісний», «тісто» и т. п., они невольно произносятъ «кісний», «кісто» ²⁾.

Стр. 95, послѣ строки 4-ой. Правда, въ нововышедшемъ изданіи «Лекцій» (М. 1903, стр. 278—279) г. Соболевскій, заявивши, что кіевскіе памятники послѣ татарскаго времени XIV—XVI вв. не даютъ ясныхъ указаній на судьбу кіевскаго говора, упоминаетъ затѣмъ о южно-великорусскихъ (точнѣе—бѣлорусскихъ) именахъ въ кіево-печерскомъ памятникѣ XVI вѣка; но такъ какъ изъ контекста не видно, чтобы богомольцевъ, отовсюду стекающихся въ Кіево-Печерскую лавру, г. Соболевскій считалъ за представителей населенія цѣлаго города Кіева, а тѣмъ болѣе—цѣлой Кіевской области, то я не рѣшаюсь утверждать, что онъ отступилъ отъ мнѣнія, выраженнаго въ «Журн. Мин. Нар. Пров.» 1897, и опять вернулся къ нелѣпой и смѣхотворной гипотезѣ о великоруссизмѣ старыхъ кіевлянъ.

Стр. 95, 10-я строка въ выноскѣ. Напечатано: *Ө. Я. Коршъ*. Должно быть: *Ө. Е. Коршъ*.

Стр. 96. Выписки, помѣченныя №№ 1 и 2 (послѣ 7-й строки), должны быть помѣчены № 2 и 3. Церковно-славянскія буквы должны быть измѣнены на гражданскія. Къ 3-ей ссылкѣ

¹⁾ См., между прочимъ, и въ такомъ характерномъ по языку произведеніи, какъ „Спліотни“ полѣщука М. Семенюка (Житом. 1872), стр. 29: „ковкни слинку“.

²⁾ Это явленіе наблюдалъ, между прочимъ, В. Н. Доманицкій (современный малорусскій писатель) въ произношеніи жителей села Каврай (по новому оно же—Троицкое) возлѣ м. Ирклѣва, золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи.

можно бы добавить еще одну черту сѣвернаго свойства въ нынѣшнемъ западно-украинскомъ нарѣчїи, а именно то смѣшеніе *к* съ *т* и *г* съ *д* передъ мягкими гласными, о которомъ была рѣчь выше, въ добавленїи къ стр. 94-ой.

Стр. 101, строка 5. Напечатано: царей. Должно быть: князей.

Тамъ же, въ сноскѣ, 2-я строка. Читай: «интеллигенціи» (*sit venia verbo*). Въ 3-й строкѣ выноски, послѣ слова «Кіева» пропущено: этого «русскаго Парижа», какъ его называлъ Барановичъ.

Стр. 104, строка 15-я должна заканчиваться двоеточіемъ.

Стр. 106, строка 5-я. Напечатано: уступать. Должно быть: отступать.

Тамъ же, во 2-й выноскѣ, 2-я строка. Напечатано: кое-гдѣ желая. Должно быть: кое-гдѣ, желая...

Стр. 107, къ строкѣ 19-й. Вскорѣ послѣ своей апрѣльской статьи г. Шахматовъ, въ сентябрьской книгѣ Журнала Министерства Нар. Просвѣщенїя, слѣдующими словами формулируетъ свое воззрѣніе на рѣчь стараго Кіева: «Древне-кіевскіе памятники писаны на малорусскомъ нарѣчїи, принявшемъ нѣкоторыя древне-сѣверскія черты (населеніе Кіева было смѣшаннаго характера)». Наконецъ, въ 55-мъ полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Эфрона акад. Шахматовъ помѣстилъ (ст. 564—581) прекрасную компактную статью: «Русскій языкъ», которая надолго останется руководящей питью для всѣхъ, кто будетъ заниматься исторїей русскаго языка и его нарѣчїй. Названная статья, это покамѣстъ послѣднее слово науки¹⁾, окончательно устанавливаетъ тотъ фактъ, что домонгольскіе жители Кіевской области—родоначальники современныхъ сѣверныхъ малоруссовъ.

Сдѣлавши эти необходимѣйшія поправки, я долженъ оговориться еще по поводу одного пункта.

Наряду съ очень лестными для меня отзывами ученыхъ о моемъ изслѣдованїи, высказанными или устно и черезъ письма,

¹⁾ Несомнѣнно, что и въ задуманной послѣ съѣзда славистовъ славянской энциклопедїи статью объ исторїи русскаго языка напишетъ акад. Шахматовъ.

или черезъ печать ¹⁾), я встрѣтилъ слѣдующее не слишкомъ для меня пріятное замѣчаніе проф. С. Булича, котораго я очень уважаю: «Полемиическій и не всегда объективный характеръ имѣють статьи Крымскаго и Михальчука» ²⁾). Я не понимаю, на основаніи чего г. Буличъ находитъ необъективнымъ мое отношеніе къ неосновательнымъ гипотезамъ г. Соболевскаго и его целогичнымъ приемамъ: г. Соболевскаго я не знаю лично, никогда его не видалъ, ничего о немъ, какъ о лицѣ, не слыхалъ и противъ него, какъ противъ лица, безусловно ничего не имѣю;—смѣю увѣрить и г. Булича, и г. Соболевскаго, что въ своей оцѣнкѣ гипотезъ и научныхъ приемовъ г. Соболевскаго я совершенно не былъ субъективенъ. Несомнѣнно впрочемъ, что г. Буличъ, высказывая свое неопредѣленное замѣчаніе, имѣлъ въ виду и порицалъ не внутреннее, а виѣшнее мое отношеніе къ г. Соболевскому, мой стиль, мою рѣзкость въ выраженіяхъ, насмѣшливую недипломатичность и вообще (если позволительно употребить сравненіе изъ исторіи французской литературы) непригодность моего критическаго стиля для салоновъ г-жъ Рамбулье и Скюдери. Что касается стиля, то и самъ я теперь, *sine ira* вновь просмотрѣвши эти давно напечатанныя статьи, готовъ сознаться, что та невольная рѣзкость, которую я по временамъ допускалъ въ нихъ, была въ сущности излишней, тѣмъ болѣе что огромный рядъ фактическихъ данныхъ, собранныхъ мною для опроверженія беспочвенныхъ гипотезъ г. Соболевскаго, и безъ того падалъ на него несомнѣнно очень тяжелымъ ударомъ; высказывать при этомъ еще насмѣшливость, пожалуй, было и не великодушно; я даже публично готовъ здѣсь извиниться передъ г. Соболевскимъ за эти промахи своего стиля и тщательно постараюсь. печатая слѣдующія главы и без-

¹⁾ Изъ печатныхъ голосовъ, отмѣтившихъ убѣдительность или важность моего изслѣдованія (отрицательныхъ я, впрочемъ, и не встрѣчалъ), я назову особенно цѣнные для меня голоса—специалистовъ по исторіи русскихъ нарѣчій и русской этнографіи: проф. Е. Будде („Журналъ Министерства Народнаго Просв.“ 1899, сентябрь, 170), акад. А. Н. Пыпина („Исторія русской литературы“, Спб. 1898, т. IV, 601) и акад. А. А. Шахматова („Энциклопед. Словарь“, Брокгауза и Эфрона, полут. 55, стр. 581), а кромѣ того—голосъ специалиста-историка Кіевской земли, проф. М. С. Грушевскаго („Исторія Руси-України“, Львів, 1898, т. I, стр. 380 и т. III (1900), стр. 581).

²⁾ „Энциклоп. Словарь“ Брокгауза и Эфрона, полут. 55, стр. 832.

пошадно разбивая г. Соболевскаго, какъ и раньше, фактами, соблюдаютъ при этомъ самую полную сдержанность въ выраженіяхъ и, указавши, положимъ, что отъ глагола «зирваты» или «зорваты» 2-е лицо будетъ «зорвешъ» а не «зорвесы», ограничиваться голымъ констатированіемъ этого яркаго факта, безъ прибавки насмѣшливыхъ комментаріевъ на счетъ качества и степени мало-русскихъ знаній г. Соболевскаго. Однако, чтобы нѣсколько оправдать себя за тотъ ироническій тонъ, который часто проскальзываетъ въ нынѣшнемъ выпускѣ, я принужденъ отмѣтить одно обстоятельство: вѣль не я одинъ, но и многіе другіе ученые, когда имъ приходилось касаться мнѣній или сочиненій г. Соболевскаго, теряли подобно мнѣ свою сдержанность и впадали въ полемическо-ироническій тонъ; очевидно, что та необыкновенная самоувѣренность г. Соболевскаго, съ которою онъ высказываетъ утвержденія, или завѣдомо неправильныя, или крайне гадательныя, и та, къ сожалѣнію, мелко-завистливая злоба, съ которою онъ выражается про заслуженныхъ филологовъ, обладающихъ, въ противность ему, правильнымъ научнымъ методомъ, дѣйствуютъ на свѣдущаго читателя отпорнымъ образомъ. Я долженъ напомнить г. Буличу въ хронологическомъ порядкѣ нѣсколько рецензій на г. Соболевскаго и попрошу сопоставить тонъ ихъ съ моимъ тономъ. Въ сообщеніи этихъ рецензій заключается еще и тотъ общій интересъ, что онѣ, служа дополненіемъ къ стр. 5—9, показываютъ, какимъ образомъ относится критика къ неосновательнымъ гипотезамъ г. Соболевскаго.

Въ «Недѣлѣ» 1887 г., въ № 14, на стр. 461—464, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Профессорскіе курьезы». Филологическіе методы г. Соболевскаго напоминаютъ автору статьи времена «блаженной памяти Тредьяковскаго», который произвѣдиль имя Германіи «отъ словенскаго языка, какъ бывшаго у всѣхъ целтовъ и скитовъ общаго: она есть или отъ холмовъ—Холманія, Халманія и Алманія, для того, что ни одна изъ европейскихъ земель ни толь лѣсиста, ни толь гориста, коль Германія; или она есть Ярманія отъ ярма, означающаго жителей своихъ трудолюбными и неусынными въ земледѣліи; или, наконецъ, она Корманія, по обилію корма и паствы».—Такъ *мнилъ* Тредьяковскій (продолжаетъ авторъ статьи)—и Богъ ему судья! Но «то было въ ты филологическія рати и въ ты плѣкы». Въ наше же

время, когда наука филологіи болѣе точно опредѣлила свой методъ, казалось бы, встрѣтить что-либо подобное вышеприведенному—немыслимо. Но увы!—современный намъ присяжный филологъ, заявившій себя нѣсколькими учеными работами, докторъ русской филологіи и ординарный профессоръ кievскаго университета г. Соболевскій оказывается не чуждымъ такихъ же дѣтски-наивныхъ промаховъ»¹⁾. Далѣе авторъ статьи указываетъ на курьезное толкованіе г. Соболевскимъ²⁾ общеизвѣстнаго мало-русскаго выраженія «припалую пыломъ» (т. е. покрывшуюся пылью) въ смыслѣ «возникшую, благодаря усердію». Авторъ статьи дивится и невѣжеству и развязности г. Соболевскаго и тутъ же сообщаетъ другой образчикъ его развязности; въ университетской рѣчи по поводу смерти Пушкина³⁾, начатой приглашеніемъ, чтобы непосвященная публика ушла, г. Соболевскій заявилъ, что среди образованной Россіи, присутствовавшей въ Москвѣ при открытіи памятника Пушкину въ 1880 году и повторившей опредѣленіе Бѣлинскаго въ рядѣ восторженныхъ рѣчей и статей, находились, и притомъ во главѣ, Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Некрасовъ. «Итакъ, *приталымъ пыломъ* г. Соболевскаго воскресъ изъ мертвыхъ поэтъ Некрасовъ, умершій, какъ всѣмъ извѣстно, 27 декабря 1877 года, и не только присутствовалъ въ Москвѣ при открытіи памятника Пушкину 6-го іюня 1880 года, но даже участвовалъ въ произнесеніи восторженныхъ рѣчей. Дѣйствительно, непосвященной въ такія таинственныя продѣлки лектора публикѣ слѣдовало уйти заранѣе!»⁴⁾. Оказывается, что г. Соболевскій, невнимательно пользуясь обстоятельнымъ указателемъ Межова, смѣшалъ И. С. Некрасова, читавшаго по случаю Пушкинскихъ дней рѣчь въ Новороссійскомъ университетѣ, съ покойнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ. «Такой промахъ простиительно было бы сдѣлать ординарному писателю, но не ординарному профессору, представителю науки русской филологіи и исторіи литературы въ Кіевскомъ университетѣ»⁵⁾.

¹⁾ Стр. 461.

²⁾ Журналъ Министерства Нар. Просвѣщ. 1887, мартъ, стр. 42.

³⁾ Кіевлянинъ 1887, № 24.

⁴⁾ Недѣля, цитир. мѣсто, стр. 462.

⁵⁾ Стр. 462.

П. И. Житецкій въ своемъ «Очеркѣ литературной исторіи малорусскаго парфія въ XVII—XVIII вѣкѣ» (Кіевъ 1889), когда доходить до взаимно противорѣчивыхъ звуковыхъ объясненій, которыя далъ г. Соболевскій буквѣ **ѣ**, имѣющейся въ его мнимыхъ «галицко-волинскихъ» памятникахъ, измѣняетъ своему обычному спокойному тону и не можетъ удержаться отъ насмѣшки. Сперва онъ буквально выписываетъ толкованія самого г. Соболевскаго, который подъ одною и тою же буквою **ѣ** усмотрѣлъ цѣлую серію совсѣмъ разныхъ звуковъ: «Старый **ѣ**, по словамъ г. Соболевскаго, былъ дологъ, произносился какъ мягкое **е**, но всегда имѣлъ склонность къ переходу въ **і**. Относительно новаго **ѣ** г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долго **е**, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ... не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ. Эта двойственность въ воззрѣніи г. Соболевскаго, на новый **ѣ** выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: «новый **ѣ** первоначально отличался отъ **е** только количествомъ; имѣя всѣ качества **е**, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ **с**, которой не имѣлъ древній **ѣ**, онъ никогда не былъ тождественъ съ этимъ послѣднимъ. Впрочемъ, въ этомъ новомъ **ѣ** сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ **ѣ**. Можно думать, говорить г. Соболевскій, что **ѣ** переходитъ въ **с** чаще, чѣмъ **е**, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость». Повторивши всѣ эти противорѣчивыя утвержденія г. Соболевскаго, П. И. Житецкій пытается ихъ резюмировать: «Такимъ образомъ, новый **ѣ** есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ; кое-что онъ сохранилъ изъ древняго **ѣ**, но не все. кое-что изъ основнаго **е**, но не все; въ немъ есть *всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться вѣмъ чѣмъ угодно*... Естественно, что такой новый **ѣ** г. Соболевскаго признается П. И. Житецкимъ за «фиктивный, составленный изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ», и представленія г. Соболевскаго за «сбивчивыя и неопредѣленныя» тѣмъ болѣе, что «въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ этого новаго **ѣ** изъ **е**, указаны по галицко-волинскимъ памятникамъ *еще два новые **ѣ***»¹⁾.

А. Н. Пыпинъ, знаменитый, заслуженный русскій ученый, всегда отличающійся замѣчательною, академическою сдержанностью,

¹⁾ Очеркъ литер. исторіи мал. нар. въ XVII и XVIII в., стр. 120—122.

въ «Вѣстникѣ Европы» 1891 (апрѣль, стр. 878—886) пишетъ по поводу статьи г. Соболевскаго, разбирающей его прекрасную «Исторію русской этнографіи»¹⁾: «Статья эта меня подивила... Съ первыхъ строкъ и до конца рецензія пропитана какимъ-то предвзятымъ злобнымъ (затрудняемся назвать иначе) отношеніемъ къ автору книги, отношеніемъ, за которымъ не видно даже интереса къ самому предмету,—хотя бы этотъ интересъ подобалъ ученому специалисту. Занявшись вмѣсто предмета авторомъ, критикъ относится къ нему постоянно только съ враждой, и лишь подь копецъ, какъ будто по остатку критической совѣсти, онъ напелъ нужнымъ дать мѣсто нѣкоторому одобренію. Можетъ привести въ нѣкоторое недоумѣніе вопросъ: откуда взялась такая вражда? Можно было бы предположить, что эта вражда есть, такъ сказать, идейная,—вражда направленій; но особенныхъ идей въ статьѣ г. Соболевскаго не оказывается (ихъ можно угадать только по разнымъ отрицательнымъ признакамъ); самое различіе направленій не только не освобождало бы отъ обязанности безпристрастія, но человекъ и ученый порядочный считалъ бы безпристрастіе въ такомъ случаѣ тѣмъ больше необходимымъ. При этомъ отношеніи къ дѣлу, мы, конечно, не имѣемъ особенной охоты входить въ діалогъ съ критикомъ о сдѣланныхъ имъ замѣчаніяхъ; если онъ не желалъ правильно понимать сказаннаго въ книгѣ, столь же мало онъ уразумѣлъ бы и теперь. Но рецензія любопытна, какъ образчикъ вульгарной критики, довольно типической для нашего времени. Возьмемъ два-три примѣра. Занявшись авторомъ, критикъ объясняетъ, что этотъ авторъ есть «старый западникъ», человекъ «либеральнаго направленія», конечно, недобрительнаго, не признающій вслѣдствіе того заслугъ многихъ патріотическихъ писателей, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ его свѣдѣнія «поразительно скудны» и т. п.»²⁾... «Дальнѣйшее нападеніе составляетъ верхъ критическаго искусства, практикуемаго г. Соболевскимъ. Обвинивъ

¹⁾ Статья г. Соболевскаго помѣщена въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, февр.

²⁾ Вѣстникъ Европы, указ. мѣсто, стр. 881. Сказать про Пынина, что его свѣдѣнія „поразительно скудны“!!!

меня въ преслѣдованіи Сахарова за то, что онъ не принадлежалъ къ либерально-западническому лагерю (хотя въ то время, когда началъ дѣйствовать Сахаровъ, не было никакого западническаго лагеря), критикъ продолжаетъ, что отъ меня «сильно достается Мельникову: онъ *имѣлъ несчастье* служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ»... Мы не удивились бы, если бы встрѣтили подобныя слова въ какой-нибудь газетѣ, торгующей патріотизмомъ и потерявшей всякое чувство общественнаго приличія; но мы встрѣчаемъ эти слова въ статьѣ профессора университета, напечатанной въ официальномъ ученomъ журналѣ... Критикъ, не ограничиваясь предметами литературными, даетъ понять, что я не совсѣмъ благонадеженъ и въ гражданскомъ отношеніи: приведенныя слова могутъ означать только одно—что я человѣкъ столь превратнаго либеральнаго образа мыслей, что достаточно кому-либо находится на службѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы я возымѣлъ къ нему вражду. Точки, поставленныя критикомъ въ концѣ приведенной фразы, должны указывать, повидимому, что онъ еще не все договорилъ. Въ началѣ статьи онъ говорить о себѣ, какъ о человѣкѣ, сравнительно со мной, новѣйшаго поколѣнія. Дѣйствительно, въ томъ поколѣніи, къ которому принадлежу я, подобная выходка считалась бы крайне неприличной для университетскаго профессора... Собственно, такой извѣтъ долженъ былъ бы быть прямо направленъ въ то учрежденіе, которое вѣдаетъ дѣла о гражданской благонадежности; по крайней мѣрѣ, дѣло бы выяснилось. Надо предполагать, что въ учрежденіи этотъ предметъ былъ бы рассмотрѣнъ спокойно и безпристрастно, и по всей вѣроятности извѣтъ былъ бы отвергнутъ, такъ-какъ въ немъ нѣтъ человѣческаго смысла, и къ вопросамъ науки онъ не относится¹⁾... «Разсказанная исторія непріятна мнѣ не столько потому, что касается именно моего труда, сколько потому, что указываетъ на очень грубое отношеніе къ интересамъ науки и общественнаго образованія въ самой ученой средѣ... Неприятно было видѣть, что у насъ ученость и просвѣщеніе все еще не ото-

¹⁾ Стр. 884—885.

ждествляются,—объ этомъ свидѣтельствуя пріемы статьи г. Соболевскаго»¹⁾...

Въ «Русской Мысли» 1891 (декабрь, стр. 539—540) рецензія на «Лекціи по исторіи русскаго языка» г. Соболевскаго (Спб. 1891) начата была выпискою изъ предисловія самого г. Соболевскаго: «Уже давно у насъ чувствуется недостатокъ въ руководствѣ по исторіи русскаго языка. Единственный трудъ, посвященный этому предмету «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка» Колосова (въ настоящее время не можетъ быть пріобрѣтаемъ даже антикварнымъ путемъ)—даже при самомъ появленіи своемъ въ печати не отличался ни полнотою, ни достоинствомъ историческаго матеріала. *Въ виду этого*, мы рѣшились издать свои лекціи... *Несомнѣнная цѣнность* находящихся въ нихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и являющихся въ свѣтъ впервые, по нашему мнѣнію достаточно оправдываетъ нашу рѣшимость»... Сдѣлавши эту выписку, «Русская Мысль» продолжаетъ: «Такія фразы, болѣе умѣстныя въ коммерческой рекламѣ, чѣмъ въ предисловіи къ ученому изданію, г. Соболевскій предпослалъ своему труду; черезчуръ рѣшительный и побѣдоносный тонъ, который ярко сквозитъ въ этой интродукціи, проходитъ черезъ всю книгу. Г. Соболевскій не только специалистъ по исторіи русскаго языка, но и глубокій знатокъ антропологии и русской исторіи. Это, по крайней мѣрѣ, подчеркиваютъ слѣдующія, не допускающія никакихъ сомнѣній фразы: «Русскій народъ какъ въ *антропологическомъ*, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ единое цѣлое; инородческая, финская кровь... не внесла ничего въ русскій антропологическій типъ» (стр. 1); «малорусское нарѣчіе, первоначально занимавшее большой уголъ между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Карнатами и еще до XVI вѣка расширившееся въ своихъ предѣлахъ, въ этомъ столѣтіи и слѣдующихъ значительно подвинулось къ востоку и югу и заняло земли отъ Днѣпра до Дона и побережье Чернаго моря, причемъ кое-гдѣ смѣшалось съ

¹⁾ Стр. 886.

южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и образовало новые говоры» (стр. 253) и проч. Въ послѣдней фразѣ, нѣсколько неопредѣленно и сбивчиво высказанной, г. Соболевскій видимо избѣгаетъ прямой постановки вопроса, но, несомнѣнно, имѣетъ въ виду «печальной памяти» гаданія Погодина и считаетъ ихъ чѣмъ-то непререкаемымъ. Все это придаетъ очень антипатичный оттѣнокъ труду, имѣющему несомнѣнныя достоинства. Г. Соболевскій—хорошій начетчикъ въ старыхъ рукописяхъ; имъ собранъ богатый матеріалъ, хотя и не всегда въ немъ хорошо разбирается нашъ авторъ, благодаря слабой методологической подготовкѣ и склонности къ эфемернымъ гипотезамъ. Книгой его можно пользоваться, но съ большою осторожностью; оцѣнка трудовъ предшественниковъ произведена г. Соболевскимъ слишкомъ пристрастно и несправедливо; ихъ нашъ авторъ совершенно не признаетъ, считая, очевидно, свои лекціи альфой и омегой филологической премудрости ¹⁾... Заключение содержитъ въ себѣ нѣсколько выводовъ, по большей части фантастическихъ» ²⁾...

Профессоръ Харьковскаго университета Н. Θ. Сумцовъ въ своемъ трудѣ: «Современная малорусская этнографія» ³⁾, коснувшись незабвеннаго Потебни, оказавшаго исторіи русскаго языка общеизвѣстныя великія заслуги, говоритъ: «Г. Соболевскій замѣтилъ недавно въ рецензіи на «Исторію русской этнографіи» Пыпина, что „первообразомъ“ Потебни былъ Штейнталь. Если съ такой легкостью отыскивать „первообразы“; то не останется ни одного мыслителя, ни одного художника. Потебню затретъ Штейнталь, Александра Веселовскаго—Бенфей; у Штейнтала и Бенфея окажутся свои „первообразы“, по естественной преемственности научной мысли, и въ концѣ концовъ выйдутъ столь же скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ имя нашего петербургскаго рецензента-филолога. Эта вылазка г. Соболевскаго противъ Потебни, правда, запрятанная въ подстрочномъ примѣчаніи, намъ

¹⁾ Стр. 539.

²⁾ Стр. 540.

³⁾ Печаталась сперва въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г.

представляется тѣмъ болѣе неудобной для самого г. Соболевскаго, что въ Харьковѣ еще живо помнятъ его докторскій диспутъ въ университетѣ, крайне снисходительное отношеніе Потебни къ молодому ученому и своеобразную защиту послѣдняго»¹⁾.—Три года спустя проф. Сумцову пришлось еще разъ высказать свое мнѣніе относительно пріемовъ г. Соболевскаго. Дѣло въ томъ, что, когда вышли въ свѣтъ извѣстныя «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» П. И. Житецкаго, по ихъ поводу очень похвальные и сочувственныя рецензіи были написаны академиками Ягичемъ²⁾ и Пыпинымъ³⁾, а г. Соболевскій⁴⁾ позволилъ себѣ по отношенію къ сочиненію глубокоуважаемаго П. И. Житецкаго неумѣстную выходку.—«Критикъ, очевидно, считаетъ новизну мыслей какимъ-то недостаткомъ», замѣтилъ Н. Θ. Сумцовъ⁵⁾. «точно для всякаго ученаго обязательны проторенные и избитые пути... Критикъ развязно принимаетъ думы подъ свое покровительство», продолжаетъ Н. Θ. Сумцовъ и цитируетъ слова изъ рецензіи г. Соболевскаго. Потомъ онъ переходитъ къ рецензіи акад. Ягича и отмѣчаетъ, какъ пріятно остановиться на ней послѣ «критики» г. Соболевскаго.

Въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1892, № 5 (стр. 229—230) читаемъ: «А. И. Соболевскій: Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Спб. 1892, 23 стр., цѣна 40 коп.—Подъ столь пышнымъ и многообѣщающимъ заглавіемъ г. Соболевскій издалъ жидкую брошюру, содержаніе которой совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что долженъ былъ бы встрѣтить въ ней читатель. Въ брошюрѣ нѣтъ ни слова объ образованности въ древней Руси..., все время рѣчь идетъ о степени распространенія грамотности въ древней Руси и о школахъ грамотности. Замѣтивъ, что хочетъ обратить просвѣщенное вниманіе читателей «на образованіе московской Руси», авторъ начинаетъ изложеніе вопросомъ,

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1892, стр. 7—8.

²⁾ Archiv für slavische Philologie, т. XV.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1893. іюнь.

⁴⁾ См. его рецензію въ „Живой Старинѣ“ 1893, кн. II.

⁵⁾ „Кіевская Старина“ 1895, февраль, 196—197.

«на сколько была распространена грамотность въ московскомъ государствѣ». Выходить, какъ будто, что образованіе и грамотность—одно и то же, что стоитъ только выучиться читать и писать, чтобы прослыть образованнымъ. Не будемъ спорить, что во многихъ случаяхъ у насъ именно такъ и понимаютъ образованіе, но едва ли такое пониманіе приличествуетъ автору названной брошюры, имѣющему честь быть профессоромъ петербургскаго университета. Не было ли бы менѣе притязательнымъ озглавить брошюру: «Къ вопросу о грамотности въ московскомъ государствѣ»? Тогда читатель заранѣе зналъ бы, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ смыслѣ замѣтки о грамотности въ московскомъ государствѣ брошюра г. Соболевскаго также представляетъ мало интереснаго и пичего новаго. Основная цѣль автора... достигается нѣсколько страннымъ средствомъ: одною смѣлостью сужденія!.. Брошюра г. Соболевскаго наводитъ читателя на очень печальныя размышленія... Для изученія очень мало одной смѣлости, а надо много разносторонней эрудиціи... Если г. Соболевскій памѣренъ и впредь касаться культурно-историческихъ вопросовъ главнымъ образомъ при помощи смѣлости, то можемъ искренне посовѣтовать ему оставить это неблагодарное занятіе».

По поводу переизданія г. Соболевскимъ той же его статьи («Образованность Московской Руси») другой критикъ писалъ ¹⁾: «Мы совершенно не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось второе изданіе этой жиденькой и на живую нитку сметанной брошюрки. Руководствуясь, повидимому, словами проф. Владимірскаго-Буданова о значеніи рукоприкладствъ для исторіи древне-русскаго образованія, г. Соболевскій пересмотрѣлъ рядъ документовъ и житій, извлекъ изъ нихъ нѣсколько данныхъ и пробуетъ выступить съ ними противъ обычнаго взгляда, опирающагося на разнообразныя свидѣтельства. Производитъ это нашъ авторъ очень нехитрымъ образомъ: вмѣсто образованности онъ моментально подставляетъ грамотность и затѣмъ умнѣе прикладываетъ руку. Нахватавъ рядъ случаевъ такого умнѣнья даже изъ такихъ сомни-

¹⁾ „Русская Мысль“, 1894, октябрь, стр. 501.

тельной «достоверности» памятниковъ, какъ „украшенныя житія“, онъ съ самоповольствомъ старается подорвать значеніе такихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о всеобщемъ невѣжествѣ, какъ жалобы Геннадія, слово Посошкова, свидѣтельства Стоглава, Котошихина, Курбскаго и проч. Забыта шаблонность житій, игнорируются свидѣтельства документовъ вродѣ поручной записи Ив. Петр. Яковлева: «Кто изъ князей и дѣтей боярскихъ въ этой записи написанъ, а у записи рукъ ихъ пѣтъ, тѣ князья и дѣти боярскіе, ставъ передъ дьякомъ Ив. Дубенскимъ, сказали, что они за Ив. Петр. поручились, а у записи ихъ рукъ нѣтъ, потому-что они грамотѣ не умѣютъ» (Собраніе госуд. грам. и догов., I, № 184). Вѣроятно, не столько желаніе во что бы то ни стало сказать новое слово, сколько случайность является причиною того, что именно такого рода свидѣтельство и отсутствуетъ блистательно въ брошюркѣ г. Соболевскаго.

Въ 1899-мъ году на XI Археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ г. Соболевскій прочиталъ докладъ о «древне-славянскихъ стихотвореніяхъ». Референтъ этого сѣзда ¹⁾ характеризовалъ докладъ его такъ: «Онъ утверждаетъ, что проза нѣкоторыхъ древнеславянскихъ литературныхъ памятниковъ—стихи, и самъ наивно признается, что, несмотря на всѣ насилія надъ текстомъ, подстаповки и перестановки, ему удалось возстановить вполнѣ меньше $\frac{1}{10}$ всѣхъ стиховъ... И это читаютъ главнымъ образомъ официальные жрецы науки..., которые должны были бы учить другихъ здравымъ научнымъ приѣмамъ!»

Въ 1900 году г. Соболевскій на диссертацию В. Н. Щепкина о языкѣ Саввинной книги помѣстилъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» ²⁾ рецензію; по словамъ г. Щепкина, напечатавшаго въ томъ же журналѣ возраженіе ³⁾, эта рецензія г. Соболевскаго, «вполнѣ высказывающая ея автора», написана «необычайно откровеннымъ тономъ» ⁴⁾, который застав-

¹⁾ „Русская Мысль“, 1899, кн. XII, стр. 101.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1900, мартъ.

³⁾ 1900. апрѣль, стр. 392—396.

⁴⁾ Стр. 395.

ляетъ г. Щепкина напомнить, что «и въ научной критикѣ всякая смѣлость имѣетъ свои границы, которыя пишущему указываетъ среда» ¹⁾.—«Мои выводы о языкѣ Саввиной книги»,—говоритъ г. Щепкинъ, «подтверждены доводами, которые всѣ почерпнуты изъ спеціальнаго палеографическаго изслѣдованія рукописи и не могутъ быть уничтожены голословнымъ приговоромъ критика, повторившаго ту же работу шагъ за шагомъ, съ лупой въ рукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказали бы мы объ ученомъ, который, довольствуясь достигнутымъ знаніемъ, съ досаднымъ чувствомъ старается отстранить отъ себя новые факты, которые не перестаютъ приносить безпокойная наука? И что сказали бы самъ проф. Соболевскій о человѣкѣ, который отрицаетъ всѣ данныя новѣйшей бактеріологіи исключительно на основаніи своего незнакомства съ благодѣтельными услугами микроскопа»?... ²⁾ Далѣе г. Щепкинъ указываетъ, что первая мысль о связи Саввиной книги съ глаголической письменностью, принадлежитъ покойному Срезневскому (лицу, заслуги котораго въ области славяновѣдѣнія и исторіи русскаго языка г. Соболевскій всюду ревностно старается заглушевать); г. Щепкинъ отмѣчаетъ это «съ особымъ удовольствіемъ» ³⁾.—«Смѣемъ думать», продолжаетъ онъ, «что наблюденія, собранныя нами по этому вопросу, настолько доказательны, насколько вообще доказателенъ методъ палеографіи. Но, быть можетъ, проф. Соболевскій находитъ болѣе безопаснымъ обходиться безъ шаткихъ указаній этой вспомогательной науки?... Своеобразный критическій методъ, избранный г. Соболевскимъ, не пролагаетъ новыхъ путей; онъ служитъ лишь подтвержденіемъ истины, совершенно не новой,—что успѣшную оцѣнку спеціальной работы можетъ дать только спеціалистъ» ⁴⁾.

Даже изумительно мягкій въ своихъ выраженіяхъ проф. Ляпуновъ долженъ былъ нарушить свою обычную мягкость и дать не совсѣмъ лестную характеристику научнымъ приѣмамъ г. Собо-

¹⁾ Стр. 393.

²⁾ Стр. 392.

³⁾ Тамъ же, стр. 392.

⁴⁾ Стр. 396.

левскаго, когда тотъ отпустилъ рядъ скороспѣлыхъ замѣчаній по поводу тщательнаго и кропотливаго изслѣдованія г. Ляпунова и свысока добавилъ, что проф. Ляпуновъ не прочиталъ «двухъ-трехъ» рукописей изъ «сотенъ», прочитанныхъ имъ, г. Соболевскимъ. — «Извѣстная доля фантазіи неизбежна при изученіи древняго языка даже на основаніе *сотенъ* рукописей», возражаетъ проф. Ляпуновъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1900 (ноябрь, стр. 247—263). «Не предполагаю, чтобы проф. Соболевскій, имѣвшій у себя въ рукахъ массу памятникъ, успѣвалъ каждому изъ нихъ удѣлять столько же вниманія, сколько я одному» ¹⁾. «Я расхожусь съ нимъ во взглядѣ на *методъ* изслѣдованія языка этихъ (сотенъ) рукописей: какъ и онъ, я считаю хорошими тѣ методы изслѣдованія, которые даютъ хорошіе результаты, но именно въ оцѣнкѣ результатовъ и расходятся наши взгляды» ²⁾... «Кропотливое статистическое изученіе *одного* текста проф. Соболевскій считаетъ настолько не важнымъ, что (мои) осторожно высказанныя соображенія на основаніи такого изученія называетъ не болѣе, какъ фантазированіемъ на научныя темы»..., продолжаетъ проф. Ляпуновъ и скромно, но съ достоинствомъ указываетъ, что тѣмъ не менѣе ему удалось достигнуть извѣстныхъ результатовъ. «Этими результатами, которыхъ мнѣ удалось достигнуть, несмотря на скудость матеріала, и которые составляютъ лишь небольшую лепту въ рѣшеніи сложнаго вопроса объ ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ XIII—XIV вѣка, я обязанъ ничему другому, какъ *точности метода*, воспринятаго мною отъ моихъ глубокоуважаемыхъ учителей; они же внушили мнѣ и *осторожность*, которую я считаю необходимою принадлежностью всякаго научнаго изслѣдованія, вслѣдствіе чего я высказываю свои выводы *не въ формѣ категорическихъ заключеній*, всегда сильнѣе дѣйствующихъ на большинство читателей, а въ качествѣ скромныхъ предположеній, нисколько

¹⁾ Журн. Мин Нар. Просв., 1900, нб., стр. 248.

²⁾ Стр. 247.

не выдавая своихъ «фантазій» за несомнѣнныя истины... Характеръ моей работы преслѣдуетъ не столько количество, сколько *качество* добываемыхъ данныхъ, т. е. возможно бѣльшую ихъ точность»... 1)

Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, новѣйшимъ печатнымъ отзывомъ о трудахъ г. Соболевскаго является бѣглая рецензія на его книгу: «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. (СПБ. 1903)» 2). «Это—груда сырыхъ библиографическихъ данныхъ», говорится тамъ по поводу названной книги г. Соболевскаго,—«почти совершенно безъ выводовъ, но съ рѣшительными утверженіями—безъ особыхъ доказательствъ—во многихъ спорныхъ и запутанныхъ вопросахъ... Будущій изслѣдователь ими, конечно, воспользуется; обыкновенному же читателю не добраться до нихъ въ книгѣ слишкомъ громоздкой и разчитанной исключительно на специалистовъ».

Остановлюсь еще на одной рѣзкой славистической критикѣ, направленной уже не противъ г. Соболевскаго.

Академикъ Бодуэнъ де Куртенэ, рецензируя нѣкогда одну толстую докторскую диссертацию,—объемистое сочиненіе, профессоръ-авторъ котораго, несомнѣнно, отличается филологической эрудиціей, но не имѣетъ научнаго метода и логичности, а кромѣ того старается проводить въ науку всякія политическія тенденціи,—отнесся къ этой диссертации очень безпощадно; показывая ея несообразности, выражаемая авторомъ, однако, съ большою притязательностью, г. Бодуэнъ де Куртенэ иногда высказывалъ при этомъ свое негодованіе, иногда же присоединялъ сюда и насмѣшку. Закончилъ онъ свой разборъ, между прочимъ, слѣдующими выводами:

а) «Бойкость и самоувѣренность не могутъ замѣнить строго научной сообразительности.

1) Стр. 249.

2) См. Русск. Мысль, 1903, іюль, II, стр. 239.

б) «Такой методъ, какъ у автора названной докторской диссертации, возвращаетъ языковѣдѣніе къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда можно было, «*mutatâ literâ x in y*», выводить все изъ всего, смотря по вкусу и обстоятельствамъ. А такой методъ дѣлаетъ невозможною какую бы то ни было науку.

в) «Можно бы подумать, что авторъ хотѣлъ подшутить надъ здравымъ смысломъ, если бъ въ его сочиненіи не было громадной доли ученой наивности»...

Послѣ этихъ замѣчаній, проф. Бодуэнъ де Куртенэ прибавилъ еще объясненіе, въ силу какихъ причинъ онъ не считалъ нужнымъ соблюдать черезчуръ большой парламентаризмъ въ выраженіяхъ. Вотъ выдержка изъ этого объясненія:

— «Не подлежитъ сомнѣнію, что мой разборъ этой книги многимъ покажется слишкомъ рѣзкимъ, пожалуй, даже «неприличнымъ». И въ самомъ дѣлѣ, хотя я сдерживался въ выраженіяхъ и избѣгалъ пустой брани, все-таки старался высказывать свои мнѣнія о недостаткахъ разбираемаго сочиненія безъ всякихъ обиняковъ. Относясь такъ къ одному произведенію, я имѣлъ въ виду общій недугъ, которымъ страдаетъ ученый отдѣлъ русской литературы.

«Въ русской научной литературѣ, и прежде всего въ области наукъ историческихъ, филологическихъ и лингвистическихъ, завелась особая порода бравыхъ молодцовъ, обладающихъ только храбростью и готовностью говорить и писать о томъ, чего не знаешь и не понимаешь. Шарлатанство и недобросовѣстность, при полномъ незнаніи элементовъ науки,—вотъ качества, характеризующія эту породу. Многіе изъ этихъ господъ, рѣшающихъ въ послѣдней инстанціи важнѣйшіе научные вопросы и для интеллигентной толпы олицетворяющихъ собою «послѣднее слово науки», походятъ на математиковъ, которые, не зная первыхъ четырехъ дѣйствій, принялись бы за самостоятельную обработку и пердѣлку высшей математики.

«Трудно не согласиться, что ученые этого пошиба наносятъ положительный вредъ тому, что называется наукою, а между тѣмъ они получаютъ ученые степени магистровъ и докторовъ и,

затѣмъ, преподавательскія мѣста въ русскихъ университетахъ. Самымъ печальнымъ является при этомъ фактъ, что многіе изъ нихъ поддерживаются не только себѣ подобными, но даже людьми знающими и научно-честными.

«Въ виду этого я считаю долгомъ всякаго человѣка, дорожащаго успѣхами науки въ какой-бы то ни было странѣ и въ какомъ бы то ни было государствѣ, и имѣющаго случай высказаться, относиться безпощадно къ подобнымъ проявленіямъ научнаго «ташкентства». Конечно, въ данную минуту это не можетъ имѣть практическаго значенія и зла не устранить. Но, по крайней мѣрѣ, не скажутъ, что тотъ или другой, имѣя возможность протестовать, не протестовалъ и не отличилъ клеймомъ шарлатанства то, что подобнаго клейма вполне заслуживаетъ»...¹⁾

Прошу многоуважаемаго проф. Булича сопоставить тонъ этой критики съ тѣмъ тономъ, который попадаетъ у меня. А надѣюсь, что никто не рѣшится утверждать, будто у акад. Бодуэна де Куртенэ мало или когда-либо было мало объективности.

Батумъ, 13 сентября 1903 г.

Москва, 20 сентября 1903 года.

¹⁾ См. стр. 41—42, 45—47 отдѣльной брошюры, озаглавленной: Критика и библиографія. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ и т. д. Рецензія И. Бодуэна де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay). Казань (Универ. Тип.), 1879.

ФИЛОЛОГИЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волинскомъ происхожденіи малоруссовъ?

Г. Александръ Колесса, профессоръ малорусскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, прислалъ мнѣ, съ просьбой дать рецензію, оттиски своей статьи: „Dialectologische Merkmale des südrussischen Denkmales: Zitierte sv. Savy“ *). Я, вмѣсто того чтобы рецензировать статью г. Колессы, принужденъ былъ заняться рецензіей сочиненій г. Соболевскаго и увазаніемъ филологическихъ приемовъ послѣдняго; читатель ниже увидитъ, почему мнѣ пришлось такъ поступить. Опровергнуть мнѣнія г. Соболевскаго можно было бы двумя путями. Одинъ— болѣе короткій: пересмотрѣть тѣ рукописные подлинники, о которыхъ онъ говоритъ. Какъ будетъ показано ниже, есть много основаній думать, что г. Соболевскій указалъ не всѣ факты, и такимъ образомъ пересмотръ затронутыхъ имъ рукописей сразу далъ бы матеріалы для опроверженія теорій его. Для меня однако, въ Сиріи, вдали отъ московскихъ и петербургскихъ рукописныхъ книгохранилищъ, этотъ путь невозможенъ, и я избралъ другой: провѣрить показанія г. Соболевскаго о рукописяхъ печатными показаніями другихъ филологовъ, равно какъ

*) Изъ „Archiv für slavische Philologie“, т. XVIII.

подвергнуть внимательному осмотру тотъ матеріалъ, который обнаруженъ самимъ г. Соболевскимъ. Быть можетъ этотъ второй путь будетъ нѣсколько длиннѣе, но и онъ хорошо приведетъ въ истинѣ.

Вѣруть. 1898. Апрѣля 14.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое галицко-волинская гипотеза и какъ смотрятъ на нее ученые.

Малорусское нарѣчіе, довольно консервативное въ области морфологіи, является далеко не такимъ въ области фонетики (вспомнимъ, напр., утрату звука *ы*, переходъ *ѵ* въ *і* и т. п. и т. п.); великорусское же нарѣчіе—наоборотъ—въ фактахъ фонетическихъ отступило отъ древне-русскаго типа гораздо менѣе, чѣмъ въ морфологическихъ. Долгая раздѣльная историческая жизнь обѣихъ народностей и разныя условія этой жизни сдѣлали то, что и лексическій матеріалъ обоехъ нарѣчій сталъ значительно различаться. Такимъ образомъ къ настоящему времени оба нарѣчія успѣли обособиться настолько, что великоруссы и малоруссы уже съ трудомъ понимаютъ другъ друга.

Ощутительная разница обоехъ нарѣчій повела къ тому, что обыкновенно они признаются не за два нарѣчія, а за два отдѣльныхъ языка. Поляки, напр., считаютъ малорусскую рѣчь за вѣтвь польской; нѣкогда это мнѣніе было распространено и среди русскихъ, благодаря Гречу. Сами малоруссы въ повседневномъ разговорѣ и въ сочиненіяхъ нефилологическихъ (а многіе—даже въ филологическихъ) называютъ свое нарѣчіе языкомъ, находя его языкомъ самостоятельнымъ, независимымъ ни отъ великорусскаго (т. е. русскаго), ни отъ польскаго. Самостоятельнымъ языкомъ называютъ малорусское нарѣчіе и такіе знаменитые западные славяновѣды, какъ Миклошичъ. И среди великоруссовъ часто слышатся такіе же голоса. Известный знатокъ великорусскихъ нарѣчій Вл. Даль не согласился внести

словъ малорусскихъ въ свой „Словарь“, такъ-какъ находилъ, что рѣчь малоруссовъ—это совсѣмъ особый языкъ *). А казалось бы, что Даль, изучившій такъ хорошо всевозможныя нарѣчія великорусскія и бѣлорусскія, менѣе чѣмъ кто-либо долженъ былъ бы находить рѣчь малоруссовъ такую чужою для себя! Извѣстный славяновѣдъ П. Лавровскій даже раздражался, если говорили, что рѣчь малоруссовъ близко родственна великорусской, а не образуетъ самостоятельнаго нарѣчія **). Историкъ Погодинъ, при всемъ своемъ стремленіи объединить малорусскую народность съ великорусскою ***) , открыто сознавался, что малорусское и великорусское нарѣчье разнятся *между собою* болѣе, чѣмъ *между другими* славянскими нарѣчьями, и даже отказывался вѣрить, что бы они принадлежали „къ одному роду“ ****). Это воззрѣніе привело его наконецъ къ особой исторической гипотезѣ.

Съ идеей о полной самостоятельности какого-нибудь языка у многихъ какъ-то невольно рождается другое представленіе (далеко не всегда вѣрное)—что признаки самостоятельности даннаго языка должны датироваться *издавна*. Даже среди очень почтенныхъ филологовъ можно найти порядочное число лицъ, признающихъ за малорусскимъ языкомъ не меньшую давность, чѣмъ за любымъ славянскимъ языкомъ. Неудивительно послѣ этого, если нефилологъ Погодинъ рѣшилъ, что два такъ рѣзко различающіеся языка, какъ малоруссовъ и великоруссовъ, должны были возникнуть до начала исторической жизни Руси; этнографическія особенности племени малорусскаго и великорусскаго еще болѣе утверждали Погодина въ его мысли, что

*) Толковный словарь живого великорусскаго языка. М. 1863, ч. I стр. XXVII—XXVIII.

**) См. его статью въ „Основы“ 1861 г., авг.: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину“. Здѣсь авторъ резюмировалъ свою статью, помѣщенную въ Журналъ Минист. Нар. Просв. 1859 г.

***) Воспоминанія его дѣятельности въ Галичинѣ и его роль въ исторіи развитія той партіи, которую поляки прозвали „москалефильскою“.

****) Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина, т. II. Происхожденіе Варяговъ-Руси. О славянахъ. М. 1846, стр. 390.

это издавна было два самобытных племени.— „Такъ! но какое же изъ двухъ племенъ жило въ древнемъ Кіевѣ, въ этой матери городовъ русскихъ“?—представляется вопросъ. Погодинъ рѣшеніе этого вопроса думалъ найти въ изслѣдованіи языка Начальной лѣтописи. Филологомъ онъ не былъ *), понятія о филологическихъ приемахъ и объ исторіи языка не имѣлъ,—не мудрено, что въ полудерковномъ языкѣ лѣтописи онъ находилъ большее сходство съ великорусскою рѣчью (собственно фонетикою), чѣмъ съ малорусскою; а того соображенія, чтобы въ начальный періодъ русской исторіи могъ быть *одинъ* общерусскій языкъ, не малорусскій и не великорусскій, онъ не допускалъ и считалъ за „новость неслыханную“. Такимъ образомъ у Погодина составилось мнѣніе: „До татарскаго нашествія въ Кіевѣ малороссовъ не было; они жили гдѣ то вдали, за Карпатами, а въ южную Русь пришли они ужъ въ XIII в., послѣ разоренія кіевской земли татарами и бѣгства ея кореннаго населенія на сѣверъ. До того времени въ Кіевѣ жили великороссы, и не только въ Кіевѣ, но и южнѣе: близъ береговъ Чернаго моря и въ окрестностяхъ Солуны; великорусское нарѣчіе было тождественно съ церковно-славянскимъ языкомъ“ **). Такъ возникла въ Россіи пресловутая „галицкая“ теорія происхожденія малоруссовъ. Въ 1883 г. ее подновилъ г. Соболевскій на филологическихъ основаніяхъ, причемъ къ числу старо-малорусскихъ областей присоединилъ еще Воынь, а срокъ пребыванія великороссовъ въ Кіевѣ продлилъ до конца XV вѣка.

Какъ отнеслась наука къ галицко-воынской теоріи?

Погодинъ, не чувствуя въ себѣ филологической силы, попытался поддержать свою гипотезу кой-какими историческими соображеніями. Въ происшедшей полемикѣ Максимовичъ, а затѣмъ (1862) Котляревскій нанесли гипотезѣ Погодина сильнѣй-

*) Онъ самъ часто повторялъ: „Я не филологъ, а историкъ“, „филологія не мое дѣло“. срв. „Русск. Бес.“ 1857, кн. IV, стр. 22 и сл. Въ какомъ отношеніи стоятъ его филологическія соображенія въ сочиненіяхъ Средневекаго и Давровскаго, а считаю возможнымъ здѣсь распространяться

***) См. „Извѣстія русск. отд. Акад. наукъ“ 1856: „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“. Тоже въ VII т. „Лекцій“, См. еще „Мѣсяцъликъ“ 1856, № 2.

шіе удары¹⁾. Черезъ десять лѣтъ Бестужевъ-Рюминъ, *sine ira et studio*, подвелъ полемикѣ итоги въ слѣдующемъ отзывѣ о Погодинскомъ мнѣніи: „Подобныхъ предположеній наука, конечно, не можетъ признать“²⁾. Въ 1882 г. авторитетнѣйшій историкъ южной Руси В. Б. Антоновичъ въ своей монографіи о Кіевѣ³⁾ вновь опровергъ мнѣніе Погодина (которое впрочемъ никого ужъ тогда не соблазняло); а насколько убѣдительны его доказательства, видно изъ слѣдующаго факта: проф. Халанскій въ своемъ сочиненіи о былинахъ сознается, что для объясненія отсутствія былинъ у малоруссовъ самымъ удобнымъ средствомъ была бы Погодинская теорія, но онъ не смѣетъ въ ней прибѣгнуть, потому что послѣ изслѣдованій Антоновича считаетъ ее окончательно рѣшенной въ отрицательномъ смыслѣ⁴⁾. Когда она была возобновлена г. Соболевскимъ⁵⁾, В. Б. Антоновичу пришлось еще разъ взяться за ея разсмотрѣніе съ исторической точки зрѣнія и показать ошибочность мнѣнія г. Соболевскаго; одновременно высказались противъ того-же мнѣнія проф. Дашкевичъ и др.⁶⁾. Проф. Владимирскій-Будановъ⁷⁾, признавая, что татары произвели опустошеніе дѣйствительно очень сильное, все

¹⁾ Подробности полемики можно найти въ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ П. И. Житецкаго, въ „Спорѣ южанъ и сѣверянъ“ Пилькина, въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли“ Грушевскаго и наконецъ въ статьѣ г. Колессы (ст. 437 и сл.), изъ-за которой мнѣ приходится писать объ этомъ вопросѣ,

²⁾ Русская Исторія. Спб. 1872, т. I, стр. 294.

³⁾ Кіевск. Стар. 1882, янв. И отдѣльно въ „Монографіяхъ“.

⁴⁾ Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884, № 3, стр. 139 и сл.

⁵⁾ „Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV—XV в.“? Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, Кіевъ 1883, II, стр. 215 и слѣд. А подробно мотивирована теорія въ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“—Университетскія Лавѣткія 1883—1884 г. (есть отдѣльный оттискъ 1884 г.).

⁶⁾ См. названный томъ „Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца“, стр. 223 и слѣд. Съ филологической точки зрѣнія возражалъ тогда г. Соболевскому П. И. Житецкій.

⁷⁾ „Населеніе ю.-в. Россіи отъ половинъ XIII до полов. XV в.“ Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. VII, I, (Малорусскій переволъ, или компиляція этого изслѣдованія помѣщена въ „Правдѣ“ 1889). „Населеніе Ю.-З. Россіи отъ половинъ XV в. до Лублинской униі“—Архивъ т. VII, II.

же находятъ, что опустошеніе не было полное; а изслѣдуя этнографической составъ окраинъ литовскаго государства въ половинѣ 16-го в., онъ приходитъ къ такому заключенію: „Пришлые элементы претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ коренного населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украины сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранялась древняя закваска туземнаго, кievскаго и сѣверскаго, племенного начала. Киевское населеніе не все поголовно было сносимо бурями татарскихъ опустошеній¹⁾. Опровергъ теорію Погодина и Соболевскаго также М. Грушевскій (нынѣшній профессоръ малорусской исторіи въ Львовскомъ университетѣ) въ своемъ трудѣ объ исторіи Киевской земли²⁾. Въ VIII томѣ „Записокъ науковаго товариства имени Шевченка³⁾ проф. Грушевскій, коснувшись статьи А. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“⁴⁾, показалъ еще разъ, къ какимъ историческимъ несообразностямъ приводитъ галицко-волинская теорія. Изслѣдователь русскихъ древностей Ѳ. Леонтовичъ⁵⁾, коснувшись вопроса о мнимомъ запустѣніи южной Руси, присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что оно является ничѣмъ инымъ, какъ историческимъ миражемъ“ (выраженіе В. Б. Антоновича)⁶⁾. „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Эфрона⁷⁾ прямо констатируетъ, что послѣднее слово исторіи стало на сторону мнѣнія Максимовича, а не Погодина. Вообще въ настоящее время нельзя указать ни одного сколько-нибудь серьезнаго русскаго историка, который

¹⁾ См. второе изъ вышеназванныхъ изслѣдованій, стр. 188.

²⁾ Очеркъ исторіи Киевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. К. 1891. стр. 427—443.

³⁾ Рижь 1895, книжка четверта, въ отдѣлѣ „Библиографія“, стр. 9—14.

⁴⁾ Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1894, кн. VI, 1—12.

⁵⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовско-русскаго государства. Ѳ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета. Слб. 1894.

⁶⁾ Стр. 169, примѣч. 3.

⁷⁾ 1896 года, полутомъ 35, стр. 442.

признавалъ бы малоруссовъ выходцами съ запада и утверждалъ бы, что старыя кіевляне не предки нынѣшнихъ. Вскорѣ противъ галицко-волинской теоріи должна заговорить и развивающаяся антропологія, которая и теперь ужъ начинаетъ показывать, что антропологическій типъ западныхъ и восточныхъ малоруссовъ не одинъ и тотъ же.

Итакъ, г. Соболевскій взялся за возобновленіе такой гипотезы, которую историческія свидѣтельства не только не могутъ подтвердить, но—напротивъ—рѣшительно опровергаютъ, и которая историками осуждена. Правда, г. Соболевскій съ своей стороны тоже обратился было къ изслѣдованію дѣтописей и написалъ небольшую историческую статью противъ В. Б. Антоновича, да кромѣ того въ своихъ „Лекціяхъ“ сдѣлалъ нѣсколько желательныхъ для себя толкованій изъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ; но его критика на В. Б. Антоновича ужъ разобрана, какъ слѣдуетъ, у М. Грушевскаго, а до чего странны его прочія историческія соображенія, это читатель увидитъ ниже, въ 3 главѣ. Собственно говоря, показанія исторіи и не могутъ быть важны для г. Соболевскаго, такъ какъ противъ нихъ у него есть превосходный афоризмъ: „Если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ, то недостатокъ историческихъ данныхъ—явленіе обычное“¹⁾. Единственнымъ оружіемъ г. Соболевскаго являются только филологическія его соображенія. Способъ доказательствъ у г. Соболевскаго такой: Онъ подбираетъ извѣстное количество рукописей XII—XV вв. съ особымъ употребленіемъ буквы ѣ вм. е, называетъ эти рукописи галицко-волинскими и утверждаетъ, что названное употребленіе ѣ вм. е есть малорусская черта. Въ старо-кіевскихъ памятникахъ (а ихъ, отъ т. н. кіевского періода мы имѣемъ только два: Изборники Святослава 1073 и 1076 г.) такого ѣ нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что рѣчь древнихъ кіевлянъ

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго языка, 2-е изд., стр. 257. Съ сожалѣніемъ г. Соболевскій забываетъ, что исторія не молчать, а даетъ положительныя указанія о несчастномъ кіевлянъ послѣ татарскихъ погромовъ.

была или великорусская, или составляла особое нарѣчіе во всякомъ случаѣ не малорусское.

Диссертацию свою, въ которой изложена эта теорія, г. Соболевскій защищалъ у незабвеннаго А. А. Потебни. Изъ свидѣтельствъ очевидца—проф. Н. О. Сумцова ¹⁾ выясняется, что защита эта вышла крайне „своеобразной“ (по деликатному выраженію г. Сумцова). Намъ приходится глубоко жалѣть, что разборъ Потебни остался ненапечатаннымъ ²⁾. Изъ печатныхъ возраженій самца важныя тѣ, которыя сдѣлалъ филологъ-славистъ академикъ Ягичъ. Сводятся они къ слѣдующему. 1) Галицко-волинское ѣ отмѣчается впервые въ памятникѣ 1164 г. Въ предыдущихъ галицкихъ памятникахъ, напр., въ Евангеліи 1144 года, такого ѣ нѣтъ,—значить, въ это время оно еще не развилось. Съ какой же стати г. Соболевскій требуетъ, чтобы въ такихъ раннихъ памятникахъ, какъ кіевскіе изборники Святослава 1073 и 1076 года, ужъ было это ѣ!? ³⁾ 2) Въ той группѣ памятниковъ XII—XV вв., которые г. Соболевскій называлъ галицко-волинскими и въ которыхъ есть пресловутое ѣ, находится нѣсколько такихъ памятниковъ, какіе не могутъ быть отнесены въ Галичинѣ и Волыни; слѣдовательно, была еще третья область, въ которой говорили по-малорусски. Такой областью можетъ быть только Кіевская. Притомъ существуетъ памятникъ „Рязанская кормчая“ 1284 г., списанная съ кіевского оригинала и однако заключающая въ себѣ такое же ѣ, какое встрѣчается въ „галицко-волинскихъ“ памятникахъ. Итакъ, въ Кіевѣ XII—XV вѣка говорили по малорусски, но съ извѣстными отличіями отъ малорусскаго нарѣчія Волыни и Галичины, каковая разность нарѣчій сохранилась и до настоящаго времени ⁴⁾.

¹⁾ Кіевская Старина, 1892, янв. стр. 8.

²⁾ Какъ видно изъ 53-го тома (№ 8, стр. 32) Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, упомянутый разборъ сохранился въ бумагахъ покойнаго. Желательно было бы, чтобы онъ былъ поскорѣ изданъ.

³⁾ Послѣ того г. Соболевскій рѣшилъ навязать Кіеву нѣсколько памятниковъ изъ XII—XIII в., безъ „галицко-волинскаго“ ѣ. Объ этихъ странныхъ, мимо-кіевскихъ памятникахъ намъ придется еще говорить подробно.

⁴⁾ См. Ягичъ: „Четыре палеографическія статьи“ въ Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Акад. Н., 1884 г. т. 33-й № 2, и „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ въ сборникѣ Акад. Н., 1889, т. 46, № 4.

Доказательства Ягича считаются вообще убѣдительными. Конечно, ихъ не призналъ г. Соболевскій, въ силу очень понятной психологической причины¹⁾; не признають ихъ также кой-какіе другіе филологи, которые примѣшиваютъ къ наукѣ политику и которые въ храмѣ науки являются не жрецами, а торжниками, продажу и куплю дающими; кромѣ того, сторонникомъ теоріи г. Соболевскаго является и г. А. Шахматовъ²⁾. Но, напр., рецензентъ трудовъ А. Шахматова г. Борисъ Ляпуновъ³⁾ сожалѣетъ, что г. Шахматовъ считаетъ мнѣніе г. Соболевскаго доказаннымъ и не обращаетъ вниманія на возраженія Ягича. Въ большинствѣ русскихъ университетовъ, гдѣ въ видѣ пособія для студентовъ приняты „Лекціи“ г. Соболевскаго, преподаватели велятъ студентамъ пропускать размышленія автора о древне-русскихъ говорахъ, какъ неимѣющія научнаго значенія. Въ западномъ ученomъ мѣрѣ, понятно, господствуетъ мнѣніе Ягича, а не Соболевскаго.

Мы подошли къ статьѣ г. Колессы. Въ 1890 г. И. Помяловскій издалъ „Житіе св. Саввы Освященнаго“ по рукописи конца XIII в.,—памятникъ, который г. Соболевскимъ внесенъ въ реестръ галицко-волинскихъ, а Ягичемъ отнесенъ къ числу кievскихъ. На этомъ „Житіи“ сперва г. Мочульскій (проф. Новороссійскаго университета) захотѣлъ наглядно повторить возра-

¹⁾ Если онъ и сдѣлалъ уступку въ своемъ мнѣніи, то самую небольшую: въ 1883 г. онъ считалъ древне-кievскій говоръ прямо за великорусскій (Очерки, стр. 68), а въ 1888 г. (Лекція стр. 36) онъ выразился сдержаннѣе,—именно, что о немъ мы имѣемъ „крайне скудныя свѣдѣнія“. Во всякомъ случаѣ нынѣшнее малорусское нарѣчіе Кіевщани г. Соболевскій продолжаетъ считать за прошлое, не происходящее отъ старокievскаго: то исчезло-де безслѣдно.

²⁾ Добавимъ: „незнающій малорусской рѣчи и потому не могущій понять въ чемъ ошибки теоріи г. Соболевскаго“. Впрочемъ (и это мы укажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ), г. Шахматовъ ввелъ въ ученіе г. Соболевскаго о „галицко-волинскомъ“ ъ очень существенныя измѣненія, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи совсѣмъ подрываютъ значеніе того ъ. Что г. Соболевскій далеко не склоненъ считать г. Шахматова своимъ истолкователемъ, это видно изъ его рѣзкой рецензіи на „Исслѣдованія въ области русской фонетики“ Шахматова (см. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1894, апрѣль).

³⁾ Стр. 16 отдѣльнаго оттиска изъ „Живой Старини“, вып. I, 1895. енд. и поч. гипотеза.

женія Ягича противъ теоріи г. Соболевскаго, но сдѣлалъ это неудовлетворительно¹⁾, а затѣмъ ту же задачу обстоятельно исполнилъ г. Колесса въ той статьѣ, о которой мы упомянули въ первыхъ своихъ строчкахъ (Arch. für al. Phil., V. XVIII).

Какое значеніе имѣетъ трудъ г. Колессы? Прежде всего спросимъ: достигаетъ ли онъ своей цѣли?—Если (какъ мы видѣли) возраженія Ягича считаются убѣдительными и опровергающими гипотезу г. Соболевскаго, то и за статьёй г. Колессы надо признать такое-же свойство: ложная галицко-волинская гипотеза г. Соболевскаго, утверждающая, будто древніе киевляне не были малоруссы, статьёй г. Колессы подрывается²⁾. Слѣдовательно, цѣли своей онъ достигъ.

Но значить ли это, что онъ дѣйствительно стоитъ у истины?—Нѣтъ, не значить. Въ возраженіямъ г. Колессы прекрасно примѣняется замѣчаніе одного восточнаго любителя логики: „Если кто-нибудь тебѣ скажетъ: „Нѣтъ безсмертія души! ибо два и три составляютъ семь“, и если ты отвѣтишь: „Ошибаешься: нѣдѣ два и три—пять, а не семь,—значить, душа безсмертна“, то думаешь ли ты, что ты дѣйствительно доказалъ безсмертіе души“?!

Доказательства гг. Ягича и Колессы могутъ имѣть приблизительно только такое значеніе, какое имѣетъ *reductio ad absurdum*: они разбиваютъ г. Соболевскаго его собственными принципами, его собственной теоріей о малорусскости „галицко-волинскаго“ *ъ*. Но ни г. Ягичъ, ни г. Колесса не дали себѣ труда провѣрить анализъ памятниковъ, произведенный г. Соболевскимъ. А если бы провѣрили, то увидѣли бы, что г. Собо-

¹⁾ В. Мочульскій: Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго. Одесса 1894 (оттискъ изъ 62-го тома „Записокъ Новороссійскаго Университета“, стр. 388—406). Недостатки работы Мочульскаго съ нѣкоторой заальчивостью отмѣнены Колессою въ спеціальной рецензій (Записки товариства имени Шевченка“, т. VII) и въ часто упоминаемой нами статьѣ о теоріи Соболевскаго Archiv, XVIII Band.

²⁾ Изъ „Литературно-научнаго Вѣстника“ (1898, февр., отд. II, стр. 136) я узнаю, что проф. Т. Флоринскій, прочитавши статью г. Колессы, призналъ необходимость основательнаго пересмотра цѣлой теоріи г. Соболевскаго.

левскій обращается съ филологическими фактами совершенно произвольно, что его разборъ рукописей страдает натяжками и извращеніями, что его „авторитетные кіевскіе памятники“ никогда Кіева и не видѣли, что его, такъ называемые, „галицко-волинскіе“ памятники написаны большей частью въ сѣверо-западной Россіи, а вовсе не въ какой нибудь малорусской области, что никакого „галицко-волинскаго“ ъ не существуетъ, и что, слѣдовательно, г. Соболевскій не имѣлъ права даже мало-мальски возбуждать, путемъ филологіи, сомнѣніе въ малорусскости старыхъ кіевлянъ, отвергнутое теоріей. Чтобы показать все это г. Колессъ, я приступаю къ пересмотру соотвѣтствующихъ сочиненій г. Соболевскаго. Считаю удобнымъ сдѣлать этотъ пересмотръ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Сперва коснуться возрѣній г. Соболевскаго на малорусскую рѣчь. При этомъ откроются нѣкоторыя (данныя для уясненія филологическихъ приѣмовъ г. Соболевскаго.

2) Разсмотрѣть тѣ доказательства великорусскости старыхъ кіевлянъ, какія предлагаетъ г. Соболевскій сверхъ исслѣдованія своихъ ятевыхъ (мнимыхъ галицко-волинскихъ) памятниковъ. Это также дастъ намъ очень интересныя матеріалы для оцѣнки его научныхъ методовъ.

3) Произвести обзоръ памятниковъ, какъ дѣйствительно писанныхъ въ Кіевѣ, такъ и навязанныхъ Кіеву г. Соболевскимъ. Окажется, что въ древнемъ Кіевѣ не было ничего немалорусскаго.

4) Произвести обзоръ мнимыхъ галицко-волинскихъ памятниковъ. Увидимъ, что почти всѣ они навязаны Галичинѣ и Волини только произволомъ г. Соболевскаго.

5) Въ заключеніе—показать отсутствіе совпаденія „галицко-волинскихъ“ ятевыхъ начертаній съ фактами живого малорусскаго языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе г. Соболевскаго къ малорусской рѣчи и степень его знакомства съ нею.

Что такое малорусская рѣчь? языкъ или нарѣчіе?

Правду говоря, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безусловнымъ образомъ, потому-что каждый языкъ можетъ въ то же время считаться и нарѣчіемъ другого языка. Мы всегда говоримъ: „языкъ польскій“, „языкъ сербскій“ и т. п., но, имѣя въ виду отношеніе ихъ къ общеславянскому праязыку, мы имѣемъ право также говорить о *нарѣчій* польскомъ, о *нарѣчій* сербскомъ и т. д.; да въ нашихъ университетахъ кѣедрѣ славянскихъ языковъ такъ таки и именуется „каедрой славянскихъ нарѣчій“. Что касается рѣчи малорусской, то въ обиходномъ разговорѣ какъ-то странно бываетъ называть „нарѣчіемъ“ ту рѣчь, которая имѣетъ такъ много самостоятельныхъ признаковъ, которая служитъ органомъ обширной литературы, болѣе богатой талантливыми писателями, чѣмъ, напр., литература болгарская и сербская ¹⁾—рѣчь, которая является орудіемъ науки и даже орудіемъ университетскаго преподаванія въ Галиціи. Однако для тѣхъ филологовъ (составляющихъ теперь, повидимому, большинство), которые признаютъ, что малорусская и великорусская рѣчь не выдѣлились изъ общеславянскаго языка одновременно съ польской, сербской и др., но что сперва выдѣлился праязыкъ *обще-русскій*, распавшійся на двѣ вѣтви лишь впоследствии,—для тѣхъ филологовъ гораздо удобнѣе говорить не о языкахъ русскомъ и малорусскомъ, но о *нарѣчій*хъ великорусскомъ и малорусскомъ. Поэтому, напр., Потебня, переведшій на малорусскую рѣчь міровыя произведенія Гомера и, слѣдовательно, считавшій малорусскую рѣчь достойной свѣтлаго будущаго, называлъ ее въ своихъ сочиненіяхъ не иначе, какъ на-

¹⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“, рецензируя въ 1895 г. (дек.) произведенія Кропивицкаго, находитъ, что малорусская литература богаче талантами, пожалуй, даже, чѣмъ чешская.

рѣчіемъ. И П. И. Житецкій тоже въ своихъ трудахъ вездѣ говоритъ: „малорусское нарѣчіе“. Что касается пишущаго эти строки, то и онъ находитъ, что въ филологическихъ сравнительно-историческихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ употреблять терминъ: „малорусское нарѣчіе“, а не „языкъ“: иначе возможна сбивчивость ¹⁾).

Г. Соболевскій тоже говоритъ, что рѣчь малороссовъ не языкъ, а нарѣчіе. Казалось бы, что такимъ образомъ нѣтъ никакой разницы въ нашихъ воззрѣніяхъ на этотъ пунктъ. Однако пути, которыми г. Соболевскій приходитъ къ своему выводу, настолько оригинальны, что заслуживаютъ вниманія и разоблаченія. Если кому-нибудь изъ нашихъ читателей, мыслящихъ логично, предложать силлогизмъ такого рода:

Богъ есть камень.

Камень—существо всевѣдущее.

Ergo: Богъ всевѣдущъ—

то читатель, хоть ничего не будетъ имѣть противъ вывода, будетъ вѣдь съ негодованіемъ протестовать противъ посылокъ. Посылки г. Соболевскаго, которыми онъ мотивируетъ необходимость признать рѣчь малороссовъ за нарѣчіе, очень смахиваютъ на вышеупомянутыя.

На взглядъ г. Соболевскаго малорусское нарѣчіе просто потому должно считаться нарѣчіемъ, а не языкомъ, что никакихъ серіозныхъ отличій отъ великорусскаго нарѣчія у него, будто бы, нѣтъ.—„Какъ?!“ спроситъ читатель: „но вѣдь мы, слава Богу, знаемъ малорусское нарѣчіе и знаемъ, насколько оно отличается отъ великорусскаго. Помнимъ также слова великоросса Погодина и другихъ великороссовъ, что отъ малорусскаго нарѣчія великорусское отличается рѣзче, чѣмъ отъ всѣхъ славянскихъ языковъ“.—Все это—недоразумѣніе,—говоритъ г. Собо-

¹⁾ Если же сбивчивость не угрожаетъ, то я позволяю себѣ употреблять выраженіе: „малорусскій языкъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выраженіе „языкъ“ гораздо удобнѣе, чѣмъ „нарѣчіе“; напр., когда приходится говорить о нарѣчіяхъ украинскомъ, галицкомъ и т. д., то совокупность ихъ удобнѣе называть языкомъ, чѣмъ нарѣчіемъ же. Терминъ „поднарѣчіе“ будетъ для нихъ слишкомъ слабъ, пожалуй

левскій:—все это «крупная ошибка», ибо до сихъ поръ никто не зналъ, что собственно надо считать за типъ малорусскаго нарѣчія.

Какъ же было дѣло до сихъ поръ и чѣмъ г. Соболевскій недоволенъ?—Извѣстно, что преобладающее большинство малороссовъ говоритъ на такъ называемомъ нарѣчіи украинскомъ и галицкомъ. Но есть часть малороссовъ, рѣчь которыхъ сильно уклоняется отъ общаго типа; такъ, напр., въ Галичинѣ лемки имѣютъ языкъ ополяченный, а въ Россіи—другая крайность—польшуки говорятъ рѣчью, плохо понятною для прочихъ малороссовъ и близкою къ бѣлорусской (г. Шахматовъ думаетъ даже, что сѣверные малороссы—омалорусшенные бѣлоруссы, а не чистые малоруссы). При изученіи малорусской діалектологіи никто никогда не игнорируетъ никакихъ малорусскихъ говоровъ, даже самыхъ малораспространенныхъ, но никому также не приходится въ голову считать ихъ за норму малорусскаго нарѣчія: нормальнымъ типомъ малорусскаго нарѣчія всѣ до сихъ поръ считали ту рѣчь, которую употребляетъ *огромное, всецѣло преобладающее большинство* малороссовъ, т. е. рѣчь украинскую и обыкновенную галицкую (безъ горныхъ говоровъ). Вообще, въ цѣломъ мірѣ и ученые, и неученые люди при опредѣленіи типа какого-нибудь языка руководятся рѣчью огромнаго большинства, а не пограничными говорами. Что такое настоящій нѣмецкій языкъ?—языкъ большинства нѣмцевъ, а не пограничныхъ жителей. Что такое французскій языкъ?—языкъ большинства французовъ, а не тѣ пограничные говоры, которые близки къ нѣкоторымъ говорамъ итальянскимъ, и т. д., и т. д. А какимъ бы страннымъ показалось, напр., слѣдующее положеніе: „Если мы возьмемъ всю массу французскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и провансальскихъ, такъ-какъ провансальское нарѣчіе есть, *конечно*, часть французскаго) и сопоставимъ ихъ со всей массой итальянскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основаній видѣть въ каждой группѣ особый самостоятельный языкъ“. Человѣка, который захотѣлъ бы такимъ образомъ отрицать са-

мостоятельность итальянского языка, всё приняли бы или за шутника ¹⁾ или за ненормально размышляющего. А между тѣмъ это разсужденіе находится, *слово въ слово*, въ „Лекціяхъ“ г. Соболевскаго (стр. 2), только вмѣсто итальянскаго языка онъ говоритъ о малорусскомъ, вмѣсто провансальскаго—о бѣлорусскомъ, а вмѣсто французскаго о великорусскомъ. По мнѣнію г. Соболевскаго будетъ „крупная ошибка“—сопоставлять общеупотребительные говоры малорусскіе съ общеупотребительными говорами великорусскими: по его мнѣнію, если требуется производить сопоставленіе, то при этомъ непременно надо съ великорусской стороны выставить окающіе говоры и бѣлорусское нарѣчіе („которое, конечно, есть часть великорусскаго нарѣчія“), а съ малорусской стороны—малоупотребительную и мало понятную прочимъ малоруссамъ рѣчь полѣсскую. Г. Соболевскій не скрываетъ отъ себя, что сѣверные малорусскіе говоры „по своимъ фонетическимъ особенностямъ болѣе близки къ великорусскимъ окающимъ говорамъ, чѣмъ къ другимъ малорусскимъ—къ украинскому, галицкому“ (стр. 2), тѣмъ не менѣе даетъ имъ рѣшающую роль въ вопросѣ о *всей* малорусской рѣчи цѣлкомъ и побѣдоносно заявляетъ, что *вся* она слишкомъ мало отличается отъ великорусской и не заслуживаетъ имени „языка“.

Эта игра въ дѣтское уравненіе съ „полумертвымъ“ и „полуживымъ“—что она такое? Насмѣшка надъ читателемъ? Шутка? Но нѣтъ! это не шутка: г. Соболевскій серьезно думаетъ, что онъ исправилъ „крупную ошибку“ своихъ предшественниковъ!

Я уже имѣлъ случай упомянуть выше, до какихъ курьезовъ можетъ довести сличеніе языковъ по методу г. Соболевскаго: напр., по этому методу итальянскій языкъ окажется тождественнымъ съ французскимъ. Болгарскій и сербскій языки, если дать по способу г. Соболевскаго рѣшающее значеніе рѣчи македонянъ, тоже окажутся очень близкими нарѣчіями, а не от-

¹⁾ Есть, напр., шутовское уравненіе: „полумертвый равенъ полуживому“, изъ котораго заключаютъ: „мертвый равенъ живому“. Заключать о тождествѣ двухъ языковъ по тождеству ихъ небольшихъ частей будетъ видоизмѣненіемъ этого шутовскаго уравненія.

дѣльными языками. Но наибольшій курьезъ—тогъ, что малорусская рѣчь, такъ побѣдоносно введенная г. Соболевскимъ въ лоно великорусской, можетъ, благодаря тому же методу г. Соболевскаго, очутиться не менѣ побѣдоносно въ лонѣ всѣхъ другихъ ея сосѣдей. Если г. Соболевскій сличить говоръ малоруссовъ—лемковъ съ нѣкоторыми говорами мазурскими, то, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ будетъ отнести малорусскую рѣчь къ польскимъ нарѣчьямъ и подать руку галицкимъ колонизаторамъ. Сербы, сравнивши говоры Керештурскихъ или Русевскихъ малоруссовъ съ сербскими, заявятъ, что *всѣхъ* малоруссовъ надо считать сербами (причемъ найдутъ нѣкоторую поддержку себѣ въ сочиненіяхъ Лавровскаго),—а г. Соболевскій долженъ будетъ признать, что и они правы. Чехи, словаки, даже румыны, чего добраго и нѣмцы—всѣ они могутъ, по методу г. Соболевскаго, присвоивать себѣ малоруссовъ!..

Таковъ-то способъ, предложенный г. Соболевскимъ для исправленія „крупной ошибки“ другихъ ученыхъ, которые видятъ у малорусскаго нарѣчья серіозныя оригинальныя черты и склоняются признавать его за особый языкъ. Замѣчательно, что г. Соболевскій позволяетъ себѣ просто замалчивать имена тѣхъ ученыхъ. Въ 1-мъ изданіи „Лекцій“ еще было упомянуто имя Миклошича, хоть въ скобкахъ, а во 2-мъ изданіи г. Соболевскій ужъ совсѣмъ не нашелъ нужнымъ съ нимъ считаться и неуважительно назвалъ его просто „кое-кто“. Но, если мы будемъ поступать такъ съ Миклошичами и вычеркивать ихъ изъ области науки, то, по справедливому замѣчанію проф. Сумцова, въ концѣ концовъ останутся лишь „столь скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ г. Соболевскаго“¹⁾.

Говоря объ отношеніяхъ г. Соболевскаго къ малорусскому нарѣчю, характеризующихъ научныя приемы его, не мѣшаетъ отмѣтить еще одну интересную черту научности г. Соболевскаго: малорусскаго нарѣчья, о которомъ онъ берется судить вкривъ и вкось, онъ не знаетъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно взять наудачу нѣсколько примѣровъ изъ его „Лекцій“.

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 1892, янв., стр. 8.

Извѣстно, что въ малорусскомъ нарѣчїи до сихъ поръ вполне сохранилась особая форма для повелит. наклоненїя 1-го лица мн. ч. и строго различается по смыслу и употребленїю отъ изъявит. накл. Никто никогда не смѣшаетъ „будемо братамы“ съ „будемо братамы“, „тикаймо“ съ „тикаемо“, „втечимъ“ со „втечемо“, „ходимъ“ съ „ходимо“; „заберимъ“ съ „заберемо“ и т. п. А г. Соболевскїй на стр. 226 говоритъ: Формы 1-го мн. пов. н. на ѣмъ, живущїя еще въ бѣлорусскомъ нарѣчїи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ, мѣсто заняли формы 1-го мн. настоящего времени съ значенїемъ будущаго“. Г. Соболевскїй, значитъ, не знаетъ самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ малорусскаго нарѣчїя, онъ даже не повтѣресовался прочитатъ стр. 143 „Studien“ Огоновскаго. Кстати: на той же 226-й страницѣ „Лекцій“ г. Соболевскїй сочиняетъ несуществующее повелит. наклоненїе: „ищїте“.

Глаголь „бути“ до сихъ поръ сохранилъ свои формы наст. вр.—у западныхъ малоруссовъ. Первое лице—„есъмъ“, „емъ“ (гуц. „сме“ и „сми“); 2-е лице—„еси“, „есь“, „сь“; 1 л. мн. ч.—„есьмо“, „смо“; 2-е л. мн. ч.—„есте“, „сте“ и т. п. Хотя это факты общеизвѣстные и о нихъ обстоятельно говорится въ „Studien“ Огоновскаго (стр. 112, 138, 144), но г. Соболевскїй ничего этого не знаетъ и заявляетъ, что въ малорусскомъ нарѣчїи изъ формъ 1-го и 2-го лица глагола „быть“ есть только одна: „еси“ (стр. 220).

На стр. 157-й „Лекцій“ читаемъ: „Формы род. множ. на *овъ*, *евъ* имѣютъ широкое распространенїе во всемъ русскомъ языкѣ.. Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. падежа мн. ч. больше: „годъ“, „часъ“, „конь“, но они все таки являются исключенїями“. Что въ малорусскомъ нарѣчїи еще попадаются старыя формы род. мн., сходныя съ имен. ед., это правда (напр: „шість візь“, „пять годъ“ и др.), но, вздумавши привести для примѣра слова „часъ“ и „конь“, г. Соболевскїй обнаружилъ свое незнанїе малорусской рѣчи, такъ какъ эти слова имѣютъ род. пад. всегда „часівъ“ и „коней“. Форма „конь“ уродлива еще и потому, что написана через „о“, тогда-какъ

въ этомъ словѣ малороссы имѣютъ „Ѣ“ (т. е. „живъ“ или „куонъ“).

На стр. 171: „Вмѣсто древнихъ формъ; мѣстоименій (им. п. мн. ч.) „ты“, „оны“, „одны“, „самы“, „ины“ и т. д. явились новыя формы: „тъ, онъ, однъ, самъ, инъ. Формы ть, онъ въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусскія: ті, воні, самі и т. д.“. По поводу мѣстоименія „воні“ (съ і, и притомъ съ і мягкимъ, ятевымъ) замѣтимъ, что оно всецѣло принадлежит фантазіи г. Соболевскаго (пожалуй, слово „воні“ существуетъ у малоруссовъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстоименію „віа“, а означаетъ „дурные запахи“). Форма „ті“ (съ ятемъ), которая, по словамъ г. Соболевскаго, тождественна съ великорусскимъ „тъ“, также сочинена г. Соболевскимъ, потому что у малоруссовъ въ формѣ „ті“ звучитъ не ять (т. е. мягкое і), но і твердое.

На стр. 167: „Современный языкъ знаетъ формы род. ед. твердыхъ основъ на ѣ вм. ѣ: у голодной кумъ все хлѣбъ на умъ, изъ Москвъ; малорусское „справді“, „до торбинкі“ и т. п.“ Мнимоятевая форма „торбинкі“ — сочиненіе самого г. Соболевскаго: если бы онъ подтверже зналъ малорусское нарѣчіе, то не упустилъ бы изъ виду, что передъ ѣ заднебные звуки смягчаются переходнымъ смягченіемъ и что „торбинкѣ“ должно было обратиться въ „торбинці“. (Если иногда слышится произношеніе „торбиннѣ“ вм. „торбиннѣ“, то объясняется это присутствіемъ заднебнаго звука к, послѣ котораго и звучитъ мягче обыкновеннаго; срв. „кидати“, „кислий“, „кипѣти“ и т. д.).

Таковы свѣдѣнія г. Соболевскаго въ самыхъ общеизвѣстныхъ вопросахъ малорусскаго нарѣчія! И въ слѣдующихъ главахъ намъ много разъ еще придется отмѣчать полное незнакомство г. Соболевскаго съ общеизвѣстными данными этого нарѣчія. А знакомства съ болѣе мелкими фактами — хоть и не спрашивай! Такъ, г. Соболевскій не подозреваетъ, что „заяць“ (въ Галичинѣ и Подоліи) имѣетъ косвенные падежи „заяця“,

„заяцѣви“ и т. д. (стр. 94), что и въ малорусскомъ нарѣчїи (въ Угорщинѣ) есть „што“ (стр. 102), что твердое окончаніе 3-го л. („любит“, „любят“ вм. „любить“, „любить“) обширно существуетъ на Подольи и Волыни, а въ Кіевщинѣ большей частью отсутствуетъ (стр. 107), что малорусское „рятувати“ (спасать) ни по значенію, ни по происхожденію не тождественно съ великорусскимъ „ратовать“ и происходитъ очевидно отъ нѣмецкаго retten ¹⁾ (стр. 121) и т. д. и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О способахъ, которые г. Соболевскій предлагаетъ, сверхъ сличенія рукописей, для поддержанія своей гипотезы.

Какъ извѣстно, главное оружіе г. Соболевскаго, изобрѣтенное имъ для защиты своей галицко-волинской гипотезы, это—сличеніе рукописей, которыя онъ признаетъ за кіевскія, съ рукописями, которыя онъ называетъ „галицко-волинскими“; разбору этого сличенія посвящена наша четвертая и пятая глава. Г. Соболевскій выступилъ также съ исторической статьей въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (1885), гдѣ онъ пытался раскритиковать В. Б. Антоновича при помощи особаго истолкованія лѣтописей; этого „критикованія“ мы касаться не будемъ, такъ-какъ оно уже разобрано М. С. Грушевскимъ (въ „Очеркѣ исторїи Кіевской земли“). А кромѣ того г. Соболевскій посвятилъ соображеніямъ (преимущественно филологическимъ) о правильности своей гипотезы одну страницу „Лекцій“ ²⁾; ее мы здѣсь и рассмотримъ.

¹⁾ Это вполнѣ ясно изъ слова „ратунокъ“ (Rettung); срв. „рахунокъ“ (Rechnung), „ратунокъ“ (Gattung), „лакунокъ“ (Packung), „вербунокъ“ (Werbung) и т. д.

²⁾ См. по 1-му изданію между стр. 199-ой и 200-ой; по второму изданію—стр. 255—256.

Такъ-какъ ошибокъ, голословныхъ утверженій и искаженій заключается въ той страницѣ столько же, сколько словъ, то не мѣшайтъ, чтобы читатель имѣлъ ее цѣликомъ передъ глазами: не то опъ невольно вообразить, что мы вводимъ напраслину на г. Соболевскаго. Вотъ эта замѣчательная страница:

„Во всякомъ случаѣ, если древнїй кїевскїй говоръ еще сохранялся до XV вѣка, нашествїя Эдигея и Менгли-Гирея на Кїевъ и вообще частыя вторженїя крымской орды въ кїевскую область должны были уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ мѣстными словами и названїями. Отсюда около Днѣпра. уменьшительныя собственныя имена на *сь, ся*: *Петрусь, Маруся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кїевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя современному малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: *Мьстиша* (=Мьстиславъ?), *Путьша* (=Путята?), *Ратьша* (=Ратьмиръ?), *Володша* (=Володиславъ, *Ипатьев.* списокъ лѣтоп. 34, 92, 229, 346), *Святоша* (=Святославъ; сравни въ галицко-волынскій лѣтописи: *Вольдрисъ*=Володаръ? *Ипат. сп.* 509; сравни тамъ же: *Блюсь, Митуса*=*Блюсь, Митуся?*). Отсюда у жителей Черкаскаго уѣзда кїевской губ. слово *шумалї* (это—искаженное галицкое *шумли*), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокъ (т. е. полтавецъ. А. К.), и слово *буци* (это—искаженное старое галицкое *ббйци*—бойки), которымъ они пользуются для означенїя сосѣдей съ запада—подолянъ (Труды этнографич. статистической экспедиціи въ западно-русскїй край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, 463). Отсюда наконецъ для кїевской области („Руси“ по преимуществу древней эпохи) и для земель къ востоку отъ Днѣпра названїе „Малая Русь“, которое принадлежало первоначально западной части кїевского княжества—Галичинѣ (выдѣлилась изъ кїевского княжества въ концѣ XI в.) и Волыни (выдѣлилась около половины XII в.) и употреблялось уже въ XIII и

XIV столѣтіяхъ (*Μικρά Ῥωσσία* у грека Кодина, конца XIII в., *Russia minor* въ грамотѣ волынскаго князя Юрія 1335 г., *Μικρά Ῥωσσία* въ документахъ на греческомъ языкѣ XIV в. Русск. Историч. Библ., VI, прилож.). Это названіе въ XIV в. то означало одну галицко-волынскую землю (грамота Ольгерда 1371 г.: „*Кіевъ*, Смоленскъ, Тверь, *Малая Русь*“). Русск. Истор. Библ. VI, прилож. 140), то уже распространялось и на Кіевъ (постановленіе Константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г.: „городъ въ *Малой Руси*, называемый *Кіевъ*“). Русск. Ист. Библ. VI, 63“.

Разберемъ каждый пунктъ отдѣльно.

Объ именахъ на *ша*.

По словамъ г. Соболевскаго, современное малорусское нарѣчіе не знаетъ уменьшительныхъ именъ на *ша*, тогда какъ у старыхъ кievлянъ такіа имена существовали: Мъстиша (=Мъстиславъ?), Путьша (=Путьга? ¹⁾), Ратьша (=Ратьмиръ?), Володша (=Володиславъ ²⁾), Святоша (=Святославъ ³⁾);—изъ этого, на

¹⁾ Едвали отъ „Путьга“,—скорѣе ужъ отъ „Путьило“ или „Путьиславъ“. А имя „Путьга“ само похоже на ласкательное.

²⁾ Почему Володиславъ, а не Володимиръ (какъ обыкновенно думаютъ).

³⁾ Стави при другихъ (открытыхъ по догадкѣ) именахъ вопросительные знаки, г. Соболевскій счтаетъ возможнымъ обойтись въ послѣднемъ случаѣ безъ всякаго вопросительнаго знака; отъ не сомнѣвается, что „Святоша“ есть уменьшительное отъ „Святославъ“. Между тѣмъ именно здѣсь очень уместно сомнѣніе: имя „Святоша“ принадлежитъ *святому* князю, и потому есть нѣкоторое основаніе думать, что „Святоша“ есть эпитетъ, а не сокращеніе имени „Святославъ“; Карамзинъ (т. II, гл. VI), вѣроятно, правъ, толкуя „Святоша“ въ смыслѣ „святой“ (быть можетъ, онъ имѣлъ даже историческія свидѣтельства объ этомъ). Впрочемъ и насчетъ именъ Ратьша, Путьша и Мъстиша нельзя быть вполне увѣрену, что они—уменьшительныя собственныя, а не нарицательныя (не прозвища). „Путьша“ могло бы означать просто „путникъ“, „Ратьша“—ратникъ“, „Мъстиша“—„мстителъ“, и т. д.; такое мнѣніе мнѣ пришлось однажды слышать. Ниже мы еще возвратимся къ этому вопросу (при разборѣ данныхъ современнаго малорусскаго нарѣчія), а пока-что будемъ вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ считать имена вроде „Мъстиша“ за уменьшительныя, такъ-какъ это—правдоподобіе всего.

взглядъ г. Соболевскаго, ясно, что древніе кіевляне были не малоруссы.

Эти слова заключаютъ и въ методѣ, и въ утвержденіяхъ много путаницы. Коснемся сперва частныхъ, обнаруживающихъ у г. Соболевскаго недостатокъ научнаго метода, а потомъ перейдемъ къ сути и покажемъ, посредствомъ множества примѣровъ, что имена на *ша*—чисто малорусскія.

Маломальски свѣдущему въ исторіи читателю прежде всего бросится въ глаза, конечно, то обстоятельство, что г. Соболевскій, съ цѣлью увеличить бѣдное количество лѣтописныхъ древнихъ *кіевскихъ* именъ на *ша*, присоединилъ къ нимъ имена изъ области черниговской и полоцкой. Приемъ этотъ, конечно, не наученъ, но, собственно, это еще мелочь: взамѣнъ Володши и Святоши, которыхъ приходится исключить, г. Соболевскій могъ бы назвать Ракошу (Глѣбъ Ракошичъ въ Ипат. лѣт. 341) и еще одного болѣе поздняго, но все же чистѣйшаго ¹⁾ кіевлянина—воеводу Юршу (извѣстенъ въ 1438-мъ г.). Гораздо менѣе извинителенъ самый методъ, который положенъ г. Соболевскимъ въ основу его размышлений объ историческомъ значеніи древнихъ именъ: „если у *древнихъ* кіевлянъ были такія имена, какихъ (по мнѣнію г. Соболевскаго) нѣтъ у *современныхъ* малоруссовъ“, то выходитъ, что древніе кіевляне не могли быть предками современныхъ малоруссовъ. Методъ этотъ долженъ былъ бы показаться г. Соболевскому неумѣстнымъ ужъ по тому одному, что г. Соболевскій — филологъ, а вѣдь предложенное имъ разсужденіе противорѣчитъ одному изъ основныхъ наблюденій сравнительнаго языковѣдѣнія ²⁾. Но не нужно быть и филологомъ, чтобы увидѣть, въ какомъ несообраз-

¹⁾ Мы позволимъ себѣ сказать: „чистѣйшаго“, потому что по грамотѣ Витовта, подтвержденной много разъ его наслѣдниками, полагалось „волости кіевскія кінномъ держати, а иному никому“. См. В. Б. Антоновичъ: „Кіевъ“, въ „Кіев. Стар.“ 1882, янв., стр. 29.

²⁾ Вѣроятно, въ каждомъ элементарномъ учебникѣ сравнительнаго языковѣдѣнія можно въ самомъ началѣ найти положеніе: въ теченіи своей исторической жизни языкъ не только развиваетъ свои старые факты, но и теряетъ нѣкоторые изъ нихъ, равно какъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ новыя.

ностямъ можетъ привести подобный методъ. Есть у современныхъ малоруссовъ уменьшительныя на *но* (напр., „Михно“ отъ „Михаиль“), а у великоруссовъ—нѣтъ теперь такихъ уменьшительныхъ; между тѣмъ въ древней Суздали мы встрѣчаемъ имя Михно¹⁾; если методъ г. Соболевскаго правиленъ, то необходимо заключить, что старыя суздальцы были не великоруссы, а малороссы. Малоруссовъ, по методу г. Соболевскаго, можно усмотрѣть и въ началѣ московскаго періода на Шекснѣ, такъ-какъ тамъ въ это время жилъ крестьянинъ—„старожилецъ“ Гавшукъ²⁾,—имя, которое теперь отсутствуетъ у великоруссовъ, а есть у малоруссовъ. Подражая г. Соболевскому, мы имѣли бы полное право заявить, что въ старыя времена въ Суздали и на Шекснѣ жили малороссы, а потомъ были вытѣснены великоруссами. Конечно, сейчасъ же намъ при этомъ представится вопросъ: „но развѣ исторія говоритъ намъ о чемъ-нибудь подобномъ?“ Если г. Соболевскій находитъ, что для опустошенія Кіева достаточно было татарскихъ нашествій, то и по отношенію къ сѣверо-восточной Руси его объясненіе не должно терять своей силы, тѣмъ болѣе, что сѣверо-восточная Русь потерпѣла отъ татаръ гораздо значительнѣе, чѣмъ южная³⁾. Если читатель не удовольствуется такимъ объясненіемъ, но потребуетъ ясныхъ и прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что въ Суздали и на Шекснѣ жили прежде малороссы, а потомъ на ихъ мѣсто пришли великоруссы, то и на это требованіе у г. Соболевскаго есть исто-

¹⁾ Мечникъ Андрея Боголюбскаго. См. Ипатьевскій списокъ 388, 389, 390. Полное собраніе русскихъ лѣтописей II, 100 и слѣд. Соловьевъ (изд. 1869, т. II, стр. 462) думаетъ, что у Андрея Боголюбскаго служило даже два Михна, а не одинъ.

²⁾ Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.

³⁾ Антоновичъ: Кіевъ, стр. 3. А. Соловьевъ въ IV т. (1863 г., стр. 242 и сл.) указываетъ, что въ упоминаемое время на сѣверную Русь приходится 133 непріятельскихъ набѣга; изъ этого числа на долю татарскихъ опустошеній приходится 48; „а если“, говоритъ Соловьевъ, „приложимъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, то получимъ 232,—слѣдовательно, придется по опустошенію почти на каждый годъ“. Кромя того Соловьевъ (loc. cit.) указываетъ на множество опустошительныхъ моровъ, голодовъ и т. п.

рическая „аксіома“: „Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ,—явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ“ („Лекціи“, стр. 257).—Но ясно, что никакіе подобные афоризмы не поддерживать теоріи о малорусскости старыхъ суздальцевъ и пошквенцевъ, построенной на именахъ „Михно“ и „Гавшукъ“, точно такъ-же какъ не поддерживать они теоріи о великорусскости старыхъ киевлянъ, построенной на именахъ „Путьша“, „Ратьша“ и т. п. Дѣло въ томъ, что судьба именъ въ какомъ-нибудь языкѣ бываетъ такая же, какъ вообще всѣхъ формъ и звуковъ языка: одни подвергаются измѣненіямъ, другіе вовсе пропадаютъ, третьи рождаются вновь. Г. Соболевскій своими разсужденіями объ именахъ на *ша* повторилъ, въ обратномъ направленіи, старую ошибку Максимовича, давно изобличенную филологами. Максимовичъ однажды сказалъ: „Въ кіевской глгописи пишется: „въ дорожь“; нынѣшній великорусъ сказалъ бы: „въ дорожь“, а малоруссъ говоритъ и теперь: „въ дорожи“;—поэтому, древніе кіевляне не могли быть великоруссами; и г. Соболевскій говорить: „Въ старомъ Кіевѣ было имя „Ратьша“; теперь уменьшительныя на *ша* (будто бы) не свойственны малоруссамъ, а свойственны только великоруссамъ,—поэтому, древніе кіевляне не были малоруссами“. Но ошибка Максимовича имѣетъ за собой то извиненіе, что въ его время исторія русскаго языка была неразработана, онъ вездѣ выступалъ, можно сказать, еще піонеромъ, и потому ему простибельно было изрѣдка ошибиться въ своихъ разсужденіяхъ. А г. Соболевскій, изслѣдуя исторію русскаго языка, ступаетъ вѣдь по почвѣ вполне разрыхленной (между прочимъ, усиліями того же Максимовича) и имѣетъ передъ собою труды многихъ талантливыхъ изслѣдователей; среди нихъ блещутъ, напримѣръ, имена Срезневскаго, Потемни, Ягича,—людей, у которыхъ можно было бы поучиться правильному научному методу.

И еще есть одно отличіе Максимовича отъ г. Соболевскаго,—отличіе, составляющее главную вину г. Соболевскаго въ его сужденіяхъ объ именахъ на *ша*. Когда Максимовичъ находилъ

для себя доказательнымъ ссылаться на современное малорусское смигченіе : въ з („въ дорози“), онъ не измышлялъ ничего отъ себя: малоруссы на самомъ дѣлѣ таки говорятъ „въ дорози“, и Максимовичъ ссылался на фактъ, существующій и всегда существовавшій у нихъ. Между тѣмъ г. Соболевскій, говоря, что уменьшительныя имена на *ша* не могутъ считаться малорусскими и чужды современному малорусскому языку, говорить не истину. Какъ раньше онъ произвольно навязывалъ малоруссамъ слова вроде „вони“ и „ищите“¹⁾, такъ теперь произвольно отымаеъ у нихъ имена на *ша*.

Самое резонное было бы для г. Соболевскаго, встрѣтивши у старыхъ киевлянъ имена на *ша*, обратиться не къ нынѣшнимъ малоруссамъ, а къ старымъ галичанамъ и волынянамъ, малорусскость которыхъ онъ же ставитъ внѣ всякаго подозрѣнія, да и справиться: не существовали ли у нихъ имена на *ша* въ то время, когда такіа имена существовали въ старомъ Кіевѣ? Есть одинъ памятникъ не галицко-волинскій, но считаеый г. Соболевскимъ за галицко-волинскій: надпись на крестѣ Ефросиніи Полоцкой 1161-го года; тамъ мастеръ называетъ себя „Богъша“ (уменьшительное, вѣроятно, отъ Богуславъ). Надпись эта, какъ мы уже сказали, не галицкая и не волынская, но такъ-какъ г. Соболевскій называетъ ее галицко-волинскою, то мы можемъ только изумляться, почему онъ, встрѣчая имя „Богъша“ въ ней, можетъ видѣть въ старо-кіевскихъ именахъ на *ша* черту противомалорусскую. Мы однако укажемъ старо-малорусскія имена на *ша* не въ подобныхъ памятникахъ, а въ дѣйствительно авторитетныхъ: въ Волинской лѣтописи. Тамъ мы прочитаемъ, напримѣръ (Ипат. спис. 600, нѣск. разъ), что у Владиміръ-Волинскаго князя Володимера былъ „слуга добрый, вѣрный, именемъ Рачъша“ (то же имя, что и въ Кіевѣ!); тамъ же мы найдемъ (стр. 485), что въ 1208-мъ году жилъ галичанинъ Тъбаша, который во время войны угрину Мивѣ „главу стиль“.

Обратимся къ малорусскимъ именамъ на *ша* послѣ татарскаго погрома, вплоть до начала нынѣшняго вѣка. Беремъ на-

1) См. главу вторую, стр. 17 и 18.
Филолог. и педагогическ. институтъ.

удачу три—четыре изданія по исторіи Малороссіи (изъ тѣхъ, которыя имѣются у насъ подъ руками въ нашей дорожной библиотекѣ)—и встрѣтимъ имена на *ша* очень часто. Дочь лудскаго князя Льва Юрьевича (—ок. 1324 г.), которая вышла замужъ за Любарта Гедыминовича, называлась Буша ¹⁾. Въ грамотѣ этого Любарта Гедыминовича 1366-го года упоминается въ числѣ жителей Луцка Иванъ Мъстишенскій ²⁾,—значить, было тамъ и имя Мъстиша, второе изъ трехъ лѣтописныхъ именъ, отмѣченныхъ г. Соболевскимъ какъ специально кievскія ³⁾. Приблизительно лѣтъ черезъ сто послѣ того, или немного больше ⁴⁾, у Лазура Радіевскаго въ Барскомъ староствѣ была дочь Аннуша. Частое женское имя—это Маруша, уменьшительное и отъ „Марія“ (какъ и въ н. вр.), и отъ „Марина“ ⁵⁾. Въ началѣ XVI вѣка (1516 г.), мы встрѣчаемъ въ Подоліи Марушу Иляшовскую ⁶⁾. Тамъ же 1520—1522 г. была Маруша Володовская ⁷⁾. Въ томъ же 16-мъ-мъ вѣкѣ жена Брацлавскаго каштеляна и городничаго въ замкѣ Владимірскомъ—Василія Загоровскаго (извѣстнаго своей горячей любовью къ русской вѣрѣ и народности)—была княжна Маруша Збаражская ⁸⁾. Въ концѣ того же вѣка и началѣ слѣдующаго мы знаемъ на Подоліи Марушу Богдановну

¹⁾ Цитирую это имя просто по памяти и потому не дѣлаю ссылки на какую нибудь книгу. У Иванова эта княгиня названа Буча (стр. 219).

²⁾ Ивановъ: Историческія судьбы Волынской земли. Одесса 1895, стр. 273.

³⁾ Быть можетъ, мы не ошибемся, если въ виду существованія древняго волынскаго рода Путошинскихъ отроемъ на Волыни и третье (значить, послѣднее) изъ тѣхъ трехъ якобы специально-кievскихъ лѣтописныхъ именъ: Путыша. См. Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I, к. 1871, введеніе В. Антоновича, стр. 48. Вирочемъ и безъ Мъстиши, и безъ Путыши Волынь и Галичина знаютъ много именъ на *ша*.

⁴⁾ Грушевскій: Барское староство. К. 1884, стр. 209.

⁵⁾ См. длинный процессъ въ „Архивѣ Ю.-З. Россіи“, ч. III, т. 1-й (1863 г.) стр. 178.

⁶⁾ Грушевскій: Барское староство, стр. 185.

⁷⁾ Названное соч., стр. 199.

⁸⁾ „Про шлюбъ на Руси-Украинѣ въ XVI—XVII столѣтію“. Написавъ Левко Маяченецъ (псевдонимъ). Зори 1885, стр. 209. См. также „Мазепа и его прекрасная Елена“ И. Баманина. Киев. Стар. 1886, ноябрь, стр. 526.

изъ рода Слупиць Лысогорскую ¹⁾. Въ 1611-мъ г. въ Житомирѣ возбудила процессъ волынская пани Маруша (Марина) Пашкевичъ ²⁾. Черезъ семь лѣтъ (1618) въ томъ же житомирскомъ, замѣ разбирается процессъ, въ которомъ упоминается жительница мѣстечка Студеная Вода—Маруша, жена Васька Винника ³⁾. За одно отмѣтимъ здѣсь и Марушу Вагриновскую—въ жалобѣ овруцкихъ дворянъ 1718-го года ⁴⁾ и еще женское имя Ориша, попадающееся въ разводномъ дѣлѣ 1682-го года ⁵⁾. Въ Барскомъ староствѣ въ 1565-мъ г. жилъ Мурша ⁶⁾, по фамилии Берлинскій, въ с. Берлинцахъ ⁷⁾. Опись Овруцкаго замка 1545-го года ⁸⁾ показала, что между прочимъ тамъ живутъ: землянинъ панъ Павша ⁹⁾, крестьянка Катюша—вдова ¹⁰⁾, землянинъ Тыша Бызовскій ¹¹⁾. Около того же времени какой то (вѣроятно, овруцкій) панъ Михайлъ Павша послалъ „листъ“ въ Кіево-Печерскую лавру ¹²⁾. Въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ фамилію Павшей ¹³⁾

¹⁾ „Старинный родъ Слупиць и ихъ помѣстье Куна“. Кіев. Стар. 1886, июль, стр. 568.

²⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. 1-й, ч. III. Ея имя на стр. 168, 182, 183, 184, 185.

³⁾ Тамъ же, стр. 241 и 251.

⁴⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867). стр. 288.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 151.

⁶⁾ Болѣе обычная форма этого имени—на ко: Мурко.

⁷⁾ Грушевскій: Барское староство, стр. 182.

⁸⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867).

⁹⁾ Назв. наданіе, стр. 37.

¹⁰⁾ Названное изданіе, стр. 43.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 48.

¹²⁾ Кіев. Старина 1886, июль, стр. 197.

¹³⁾ Что касается соотношенія между личнымъ именемъ и фамиліей, то читатель долженъ вспомнить, что у малоруссовъ, какъ вообще у славянъ, въ роли потомственного фамильнаго прозвища сплошь да рядомъ фигурируетъ личное имя предка, особенно уменьшительное. Каждый изъ читателей можетъ среди своихъ знакомыхъ найти немало лицъ съ такими фамиліями. Я могу напомнить, напр., о знаменитомъ галицкомъ литераторѣ Иванѣ Франко, о его сотоварищѣ Михайлѣ Павличѣ, о литераторѣ Геронимѣ Лудчикѣ и т. п., и т. п. Даже при современномъ, официальномъ фиксированіи одного какого-нибудь прозвища (путемъ внесенія въ документы) еще не исчезаетъ старинный обычай обращать личное имя въ потомственную фамилію. По поводу процесса возмачиванія малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ существуетъ общезвѣстная статья проф. Н. О. Сумцева (отгаскъ изъ „Кіев. Стар.“ 1886, февр.; см. особенно стр. 217 и 219) и новѣйшая—В. Охримовича: „Про сільські прозвища“, въ журналѣ „Житє и Слово“ 1895, т. III, стр. 302—307.

встрѣчаемъ чрезвычайно часто,—таковы, напримѣръ, дворяне, упоминаемые множество разъ въ орудныхъ книгахъ городскихъ ¹⁾. Понадающеся въ орудной описи имя Тыша ²⁾ встрѣчается и въ другихъ документахъ не разъ; такъ, въ Житомирскомъ процессѣ 1618-го г. выступаетъ цѣлая семья Тышей ³⁾; въ житомирской актовѣ книгѣ 1664-го года говорится о дворянинѣ Львѣ Тышѣ Быковскомъ ⁴⁾; въ 1727 г. въ м. Фастовѣ ⁵⁾ былъ староста Якубъ Тиша ⁶⁾. Въ войскѣ Богдана Хмельницкаго отличался козакомъ Тиша ⁷⁾; (здѣсь „Тиша“, очевидно, уже личное имя, а не фамилія), Въ думахъ о Хмельницкомъ и Барабашѣ полковникъ Бѣлоцерковскій 1637-го г. называется то своимъ полцимъ именемъ—Климъ, то уменьшительнымъ—Клиша ⁸⁾. Въ 1649-мъ г. сотникъ Оржицкой сотни Кропивянскаго полка назывался Матюша ⁹⁾. При Выговскомъ былъ козакомъ Груша ¹⁰⁾.

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи т. 4-й, ч. I, (Кіевъ 1871), стр. 108, 232—235, 243—247, 381—384, 443, 596; Архивъ т. 1-й, ч. IV, (Кіевъ 1867), стр. 333, 335. Было это имя и въ Галичинѣ, гдѣ до сихъ поръ есть село Павшевка.

²⁾ Понимается то „Тыша“, то „Тыша“, или „Тыхонъ“ и его другія уменьшительныя (Тихно, Тихко) нмются въ малорусскихъ документахъ такъ же то съ и то съ и.

³⁾ Архивъ юго-зап. Россіи т. 1-й, ч. III, (Кіевъ 1863), стр. 210, 211, 212.

⁴⁾ Кіев. Стар. 1882, нб., стр. 357.

⁵⁾ Фастовъ находится, конечно, въ Кіевщинѣ, но гдѣ по мнѣнію Соболевскаго она не только въ 1727-мъ году, но еще за долго до того времени была лѣшена своего старо-кіевскаго наведенія, и въ ней жила прицѣпленна галичаге и волычане, такъ что и по его мнѣнію ссылаться на Кіевщину того времени—все равно, что ссылаться на Галичину и Волынь.

⁶⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I (Кіевъ 1871), стр. 518.

⁷⁾ Ригельманъ: лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, изд. 1848 (Москва), часть I, стр. 121.

⁸⁾ Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія вѣсти малорусскаго народа, т. II, (Кіевъ 1875), стр. 3, 8, 17. Теперь есть фамилія Клиша: Тимохій Клиша—козакомъ Лубенскаго уѣзда. См. „Полтавскія Губер. Вѣдомости“ 15 іюля 1898 г № 151.

⁹⁾ Максимовичъ: Собраніе сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 714.

¹⁰⁾ Конечно, имя Груша могло бы происходить просто отъ нарицательнаго „груша“ (die Birne). Но у Ригельмана (II, стр. 6) сказано такъ: „Выговскій послалъ трехъ козаковъ: Павла, Петра и Грушу“. Употребленіе имени „Груша“ наряду съ „Павло“ и „Петро“, думается, ясно показываетъ, что имя третьяго казака есть имя крестное,—то самое, которое имѣетъ еще другія уменьшительныя формы: Грушъ, Грунь, Грушко, Грунько. (Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ или Грушъ Ивановичъ упоминается въ актѣ Бориспольскаго мѣйскаго уряда. „Кіев. Стар.“ 1892, апрѣль, приложеніе, стр. 4 и 5).

Приблизительно въ то же время жилъ въ Брацлавѣ прѣтопопъ Ракуша ¹⁾,—имя, напоминающее лѣтописное имя Ракоша ²⁾, а если удареніе на „Ра“, то и совпадающее съ нимъ ³⁾. Въ началѣ 17-го вѣка жилъ недалеко отъ мѣстечка Черемошны (Бердич. уѣзда) панъ Завиша ⁴⁾. Въ Пирятинской описи 1690-го года значится Ярема Буша, господарь въ Пирятинѣ ⁵⁾. Въ заповождскихъ походныхъ журналахъ прошлаго вѣка записанъ судебный процессъ (съ 1745-го г.), герой котораго—войсковой пясарь (впослѣдствіи войсковый товарищъ) Петруша ⁶⁾. Въ показаніяхъ униатскихъ священниковъ 1752—1768 г. отмѣчается галицкій русинъ Порвиша (иначе—Порвишко) ⁷⁾. Въ купчихъ записяхъ полтавскихъ козаковъ прошлаго вѣка встрѣчаются имена: Кируша ⁸⁾, Куруша ⁹⁾, Труша ¹⁰⁾. Такимъ образомъ мы, взявши нѣсколько первыхъ попавшихся книгъ и раскрывая ихъ наудачу то на той, то на другой страницѣ, легко могли ука-

¹⁾ Ригельманъ, II, 123 и 124.

²⁾ Глѣбъ Ракошичъ жилъ въ Кіевѣ при князѣ Изяславѣ Давидовичѣ. Ипат. лѣт. 341; Соловьевъ: Исторія Россіи (1869), II, 280.

³⁾ Потому что неудачное о во второмъ слогѣ легко могло перейти въ у по законамъ малорусской фонетики. Имя „Ракуша“, впрочемъ, не характерно и можетъ быть исключено изъ нашего списка.

⁴⁾ Отъ каждаго имени происходитъ уменьшительное „Завиша“ а его разновидность „Завишко“, мы не знаемъ въ точности. Вѣроятно же всего отъ имени „Завидъ“, которое великорусскіе этнографы относятъ въ числу т. н. некалендарныхъ именъ.

⁵⁾ Кіев. Стар. 1890, дек., стр. 446.

⁶⁾ „Какъ судили и рядили съ запорожской свѣчи“ А. Скальковскаго. Кіевск. Стар. 1886, мартъ, стр. 604 и сл. Документы о Петрушѣ—стр. 608—609.

⁷⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-В, ч. I, стр. 585.

⁸⁾ И. Лучицкій: Сборникъ матеріаловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ Лѣвобережной Украинѣ (Полтав. губ.). Унив. Извѣстія 1883 и 1884 г., стр. 119.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 92.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 53. Въ настоящее время, какъ извѣстно, обычное малорусское уменьшительное отъ „Трохимъ“ будетъ „Трушко“ и „Трушъ“ (съ окончаніемъ мужескаго склоненія). Такъ, одинъ извѣстный кобзарь (о немъ статья въ „Кіевск. Стар.“ 1882, т. III, стр. 263 и сл.), учитель Остана Вересаю, назывался Трушъ. Въ документахъ, изданныхъ г. Лучицкимъ, встрѣчается и „Труша“ и „Трушъ“, —напр., на стр. 29. Къ этой нашей замѣткѣ мы еще разъ возвратимся ниже.

Вать г. Соболевскому (въ параллель къ его тремъ старо-киевскимъ именамъ) десятка четыре малорусскихъ именъ на *ша* изъ разныхъ періодовъ малорусской исторіи ¹⁾. Укажемъ здѣсь же нѣсколько малорусскихъ фамилій, которыя существуютъ и теперь, но образовались раньше нынѣшняго вѣка. Въ Черниговщинѣ есть фамиліи: Борейша ²⁾, Дейша ³⁾, Корейша ⁴⁾, Тыша-Тыщинскій ⁵⁾, Петруша ⁶⁾. Въ Киевщинѣ есть фамиліи: Кате-

¹⁾ Просимъ читателей помнить, что мы ограничились именно первыми появившимися книгами и лишь бѣгло ихъ перечислили: не то могли бы свободно представить г. Соболевскому нѣсколько *соменъ* такихъ малорусскихъ именъ. Жалѣемъ, что у насъ нѣтъ здѣсь въ Сиріи „Указателя собственныхъ именъ (Новицкаго) къ издаваніямъ Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ при Киевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ“. Изъ него, очевидно, можно было бы почерпнуть немало данныхъ.

²⁾ Напр., вѣра Борейша, попечительница народной школы въ Пирятинскомъ у. Полтав. губ. отмѣчена въ памятной книжкѣ Киевскаго учебнаго округа за 1896-й годъ. Фамилія стаѣнна. Панъ Иванъ Борейшевичъ послалъ, вѣроятно, около половины XVI в., „листъ“ въ Печерскую Лавру (Кіев. Стар. 1886, июль, стр. 298).—Отъ того же имени, отъ какого образовано уменьшительное „Борейша“ (т. е., очевидно, отъ Борисъ), производится уменьшительное съ окончаніемъ *ко*. Напр., Дуагузъ Сирчинскаго въ концѣ прошлаго вѣка называетъ подолянина Борейка, посла на сеймъ 1791-го года (Универ. Извѣстія, 1883, октябрь, приб. IV, стр. 219); въ половинѣ 18-го в. вѣдѣствъ подолянина Фелиціанъ Борейко (Кіев. Стар. 1886, июль, 569); въ православномъ волынскомъ сѣздѣ 1710 г. участвовалъ волынский дворянинъ Янъ Борейко Кнерульскій (Архивъ юго-зап. Р., т. I, ч. IV, стр. 362); въ орудничихъ книгахъ гродскихъ записанъ въ числѣ протестующихъ православныхъ 1699-го года Самуэль Борейко (Арх. ю.-з. Р., т. 1-й ч. IV стр. 348).

³⁾ Въ той же Черниговской губ., а кромѣ того въ Полтавской, есть фамиліи того же корня: Дейко, Дейкунъ, а въ Проскуровѣ (Под. губ.)—Дейчукъ. Чубинск., т. VI, стр. 266.

⁴⁾ Иванъ Корейша—народный учитель въ Борзенскомъ у. Черниговской губ.; Ефимъ Корейша—народный учитель въ Константиноградскомъ у. Полт. губ. См. памятную книжку Киевск. учебн. округа на 1896-й годъ.

⁵⁾ Извѣстенъ малорусскій писатель этой фамиліи, умершій года два назадъ. „Тыщинскій“ произведено отъ „Тышко“, и такимъ образомъ въ обѣихъ составныхъ частяхъ фамиліи „Тыша-Тыщинскій“ заключается указаніе на имя „Тихонъ“. Срв. подобное же образованіе въ двойныхъ фамиліяхъ: Ворона-Воронинскій, Дробинъ-Дробиневскій, Гарничъ-Гарницкій и др.

⁶⁾ Козакъ Анастасій Петруша—попечитель народной школы въ Борзенскомъ у. Черниг. губ. (Пам. книжка Кіев. уч. округа на 1896-й г.). Въ г. Васильковѣ Кіев. губ. живетъ крестьянинъ Петруша (сообщ. Г. А. Иванецъ).

руша ¹⁾, Бушша ²⁾, Поликша и Кукша ³⁾. Въ Подольской губ.: Садоса ⁴⁾, Конша ⁵⁾, Макейша ⁶⁾, Матюша ⁷⁾ Въ Харьковщинѣ — Хоша ⁸⁾.

Переходимъ къ современнымъ малоруссамъ, относительно которыхъ г. Соболевскій прямо утверждаетъ, что имъ уменьшительныя имена на *ша* чужды. Пожалуй, можно отмѣтить то обстоятельство, что въ настоящее время уменьшительныя на *ша* вытѣсняются именами съ мужескимъ окончаніемъ *шъ* (Дорошъ, Иляшъ, Степашъ, Грушъ, и пр.) ⁹⁾, *усь* (Петрусь, Павлусь и др.) и въ особенности именами на *ко* (Илько, Степко, Грицько и т. п.) ¹⁰⁾, но утверждать, будто у малороссовъ

¹⁾ Крестьянинъ Черкаскаго уѣзда Кіев. губ. См. В. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. II (Черниговъ 1896), стр. 339.

²⁾ Чубинскій, т. VI, стр. 167. Выше было нами указано имя Вуша у старинныхъ малороссовъ, напр. въ 1690-мъ г. Происходить оно, очевидно, отъ Буславъ (Вогуславъ).

³⁾ Жители Таращанскаго уѣзда Кіев. губ. Поликша—волостной писарь въ с. Жядовская Гребля.

⁴⁾ Сообщено покойнымъ Ю. Карповичемъ (родомъ изъ Ямпольскаго у.) Сръ. великорусскія имена Садко и Садоска („Этнограф. обзоріе“, кн. IX, стр. 169)

⁵⁾ Сообщение Ю. Карповича. Это имя, не какъ фамиліальное, а какъ личное (очевидно, отъ Кондратъ) существовало и у великороссовъ. „Этнограф. обзоріе“, кн. XVI, стр. 126.

⁶⁾ Крестьянинъ Макейшенко упомянутъ у Чубинскаго, т. VI, стр. 312. У великороссовъ въ 16-мъ в. было имя Макуша или Макоша, которое г. Чечулинъ считаетъ некалендарнымъ. „Библиографъ“ 1890, № 8, стр. 83.

⁷⁾ Чубинскій, VI, стр. 365.

⁸⁾ Степанъ Хоша—крестьянинъ купянскаго уѣзда. „Харьк. губ. Вѣд.“ 1897 с. 17 дек. № 324. „Хоша“ отъ „Фотій“.

⁹⁾ Суффиксъ *шъ* (грамматичѣсь—*шъ*) есть по мнѣнію Миллошита чисто малорусскій; по мнѣнію галицкаго ученаго А. Петрушевича онъ заимствованъ у западныхъ славянъ—мнѣніе высказано въ Przeglądzie Archeologicznym. См. Кіев. Старица 1885, янв., 173; а вѣрнѣе будетъ считать его общерусскимъ. Суффиксъ *шъ* охотно употребляется въ *ша* въ силу того бессознательнаго соображенія, что именамъ мужескаго рода болѣе подобаетъ мужеское окончаніе, чѣмъ женское.

¹⁰⁾ Выше мы мнѣніе случаи отмѣтить въ старыхъ малорусскихъ документахъ нѣсколько образчиковъ параллельнаго и довольно аналогичнаго образованія обоихъ уменьшительныхъ: и на *ша* и на *ко* (напр., Борейша и Борейко).

вовсе нѣтъ теперь уменьшительныхъ на *ша*, значитъ показывать свое незнаніе малорусскаго языка. Въ наибольшемъ ходу уменьшительныя на *ша* (напр. Иванюша) у сѣверо-восточныхъ малоруссовъ ¹⁾, но, въ силу странной случайности, г. Соболевскій помнитъ объ этихъ малоруссахъ только тогда, когда ему хочется провозглашать тождество малорусскаго нарѣчія съ великорусскимъ ²⁾, и забываетъ ихъ тогда, когда такое забвеніе полезно для его гипотезы о великоруссизмѣ старыхъ кievлянъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи уменьшительныя на *ша* не такъ обычны, но все же часты. Возьмемъ, напримѣръ, Полтавщину. Въ селахъ Лохвицкаго и Лубенскаго уѣзда ³⁾ еще можно встрѣтить отъ „Тымохвій“ уменьшительное „Тымоша“, хотя, разумѣется, господствуетъ „Тымишъ“. Въ Кременчугскомъ уѣздѣ ⁴⁾ иногда еще слышится отъ „Матвій“ уменьшительное „Матюша“ ⁵⁾, отъ „Карпо“ — „Карнуша“ ⁶⁾, отъ „Тыхонъ“ — „Тыша“ ⁷⁾, отъ „Свырьдъ“ — „Свырдуша“ ⁸⁾ отъ „Андрій“ — „Андріяша“ ⁹⁾. Въ южной Черниговщинѣ есть имя „Маша“ ¹⁰⁾. Въ Харьковской губ., — „Горпуша“ (Горпина) ¹¹⁾. На Подольи въ

¹⁾ Чубинскій, т. VП, стр. 531.

²⁾ См. Киев. Стар. 1898, июнь, стр. 361.

³⁾ Сообщилъ Вас. Павлов. Цимбалъ, близко стоящій въ народу, уроженецъ с. Ковалей Лохвицкаго уѣзда. Въ настоящее время находится въ г. Звенигородѣ Киевской губ.

⁴⁾ Сообщилъ мѣстный уроженецъ Григ. Антоновъ. Иванецъ, живущій теперь въ Васильковѣ Киев. г.

⁵⁾ Матюша Кулида, по уличному Лелекъ, живетъ на хуторѣ Кривуши Кременч. уѣзда.

⁶⁾ Карпуша Кукоба—наймитъ, известнѣйшій г. Иванцу.

⁷⁾ Тыша Сурмыжъ, по уличному Курмакъ, живетъ теперь въ заштатномъ городѣ Градижскѣ.

⁸⁾ Свырдуша Сурмыжъ—братъ Тыши.

⁹⁾ Г. Иванецъ подчеркиваетъ, что „Андріяша“—уменьшительное именно отъ „Андрій“, а не отъ „Андріанъ“.

¹⁰⁾ Имя это фигурируетъ въ старой малорусской пословицѣ: „Поговоримо Машко, про людей, а люди про насъ ще й больше“. См. малорусскій журналъ „Зоря“ 1894 г., № 23, стр. 505.

¹¹⁾ Ивановъ: Изъ области народныхъ малорусскихъ легендъ въ Кулискомъ уѣздѣ Харьковской губ., стр. 126 и сл. („Этнографич. обзор.“, кн. IX).

Ямпольскомъ уѣздѣ отъ „Кипріанъ“ образуютъ уменьшительное „Кыша“¹⁾, а отъ „Антонина, — „Антоша“ (при болѣе частомъ „Антоха“). На Волини въ 60-хъ годахъ употреблялось имя „Улыша“ и, вѣроятно, употребляется до сихъ поръ²⁾, а я въ дѣтствѣ зналъ тамъ³⁾ крестьянскаго мальчика Куземшу. И въ Галичинѣ не отсутствуютъ уменьшительныя на *ша*; такъ, есть тамъ имя „Маруша“⁴⁾, „Грабынюша“ (болѣе нѣжно „Грабынятко“)⁵⁾ Насколько близки для галицкаго русина имена на *ша*, можно судить по слѣдующему факту: въ „Кіевской Старинѣ“ 1895-го года была статья г. Беньковскаго объ одномъ разбойникѣ по имени «Добрушъ», — галичанинѣ, рецензировавшій въ „Запискахъ Товариства имени Шевченка“ упомянутую статью, передѣлалъ „Добрушъ“ въ „Добруша“⁶⁾. Какъ видимъ, уменьшительныя имена на *ша*, въ изобиліи существовавшія у малоруссовъ въ прежнее время, продолжаютъ существовать у нихъ и теперь.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ коснуться еще малорусскихъ *нарицательныхъ* именъ на *ша*. Нижеслѣдующая таблица покажетъ намъ, что, будемъ ли мы видѣть въ «Мостиша», «Ратоша» уменьшительныя (вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ), будемъ ли мы принимать ихъ за слова самостоятельнаго образованія, выражающія постоянное качество (подобно слову «святоша»), — и въ томъ и въ другомъ случаѣ имена «Мостиша» и прочія будутъ соответствовать духу малорусскаго языка⁷⁾.

¹⁾ Сообщилъ мѣстный уроженецъ Луковскій (теперь учитель въ г. Васильковѣ Кіев. губ.).

²⁾ Ив. Левицкій-Нечуй: Причепа. Львовъ 1889, стр. 209.

³⁾ Съ с. Грозовъ Острожскаго уѣзда.

⁴⁾ См. статью В. Охримовича: „Про сільські прозвища“. Життя і Слово 1895, т. III, стр. 304.

⁵⁾ См. пѣсни, собранныя Теод. Анастасіевскою изъ Сачогова въ „Жіночій бібліотеці“ (видае Н. Кобрицька), кн. III, Львовъ 1896, ст. 89—90. Контекстъ ясно показываетъ, что „Грабынюша“ имя личное (произведено, вѣроятно, всего, отъ „Евграфъ“).

⁶⁾ „Записки“, т. XII, наукова хроніка, стр. 24.

⁷⁾ Нижепомѣщенный списокъ составленъ мною всего изъ пятидесяти словъ, — количество, которое мнѣ кажется вполне достаточнымъ; если бы оказалось нуж. —
 филология и погодиская гипотеза.

Биливша (и биливка)—особое насекомое (*Libellula* по Желеховскому); у великоруссовъ этого слова нѣтъ ¹⁾.

Благоша—юродивый, «дурепыще» (Цымб.) ²⁾. Срв. великорус. «блугуша» (дурачекъ, малоумный) Даль I, 80.

Бокша и бокуша (иначе: бочуля, бочыста корова)—см. объясненіе у Желех. I, 38. По-великорусски нѣтъ.

Брендуша (брендуля, брендушка)—а) изящная, опрятная женщина (срв. глаголь «брендувать», у Желех. «брындувать»), б) цвѣтокъ *Stocus verpis* ³⁾. По великорусски нѣтъ; есть только „брындикъ“ (ряз. и владим.) въ значеніи „щеголекъ“, „франтикъ“. Даль I, 117.

Брандюша ⁴⁾—*stocus reticulatus* ⁵⁾. По-великор. нѣтъ.

Братывша—переборчивый въ ѣдѣ (у Желеховскаго—братившлывый) ⁶⁾. По-великор. нѣтъ.

Волокуша—большой неводъ (Желех.). У великоруссовъ „волокуша“ и „волока“ (Перм. губ.)—нѣчто вродѣ саней и повозки для таски бревенъ. Даль I, 209.

Гнылоша и гнылуша. По-великор. перваго нѣтъ, а второе означаетъ „гниль“ (Даль I, 319). Малорусскій словарь Желеховскаго показываетъ для обоихъ словъ свое специальное значеніе (прозвище третьей четверти мѣсяца и лѣнивая женщина), но

нимъ, то списокъ можетъ быть увеличенъ *ad libitum*. Составивши списокъ, я пробрилъ его по словамъ Желеховскаго: оказывается, у Желеховскаго найдется половина приведенныхъ здѣсь словъ; а къ такимъ словамъ не буду давать подробныхъ объясненій, такъ-какъ читатель можетъ найти самъ нужныя свѣдѣнія у Желеховскаго. Правописаніе Желеховскаго переведено на то, которое принято въ Россіи.

¹⁾ Выраженіе: „у великоруссовъ этого слова нѣтъ“ означаетъ и здѣсь, и ниже только то, что даннаго слова нѣтъ въ великорусскомъ *словарѣ Дала*.

²⁾ Вас. Павл. Цымбалъ сообщилъ мнѣ, по-малорусски, толкованіе нѣсколькихъ словъ на ша, и я привожу его толкованія буквально.

³⁾ Желеховскій пишетъ въ этомъ корнѣ то е, то и,—свѣщеніе вполнѣ понятное, такъ-какъ неударныя е и и у малоруссовъ обыкновенно не различаются.

⁴⁾ Звукъ а (точнѣе: я, отвердѣвшее послѣ р) вм. е—общее явленіе малорусской фонетики. Объ этомъ подробно см. ниже, въ главѣ четвертой.

⁵⁾ Словарь Роговича въ запискахъ яго-зап. отдѣла Имп. Геогр. общ., т. I, стр. 120.

⁶⁾ Желеховскій пишетъ „братившлывий“.

известно, что и по-малорусски они могут означать то же, что и великорусское „гнилуша“. „Гнилушею“ называется село, подаренное Мазепою Лизогубу въ 1689-мъ году ¹⁾.

Гаркуша—то же, что „гаркавый“, т. е. картавый ²⁾. Много историческихъ лицъ носили прозвище Гаркуша, напр., черниговскій полковникъ при Богданѣ Хмельницкомъ (въ 1651-мъ г.), известный разбойникъ и др. У великоруссовъ „гаркуша“ значитъ „крикунъ“ (Даль I, 304).

Горбаша—холмистое мѣсто, „де скривъ горбы“ (Цымб.), иначе—горбатка. На Волини есть село Горбаша ³⁾. У великоруссовъ, вѣроятно, нѣтъ этого слова.

Гопша—по значенію немного сильнѣе, чѣмъ „гопка“. Чубинскій (т. VII, стр. 262) объясняетъ, что гопшею называется „худая, высокая и неуклюжая женщина“ (що гопае), но на самомъ дѣлѣ это существительное общаго рода ⁴⁾. По-великорусски нѣтъ.

Гудеша—особый видъ жука (гудыкъ, по Верхратскому, *Melolontha solstitialis*, у Желех.) Лаврентій Гудеша—житель г. Умани Киев. губ. ⁵⁾.

Довбеша—„довбня“, „довбешка“.

Довгуша—особая муха. Есть въ Харьковщинѣ крестьянинъ Довгуша ⁶⁾.

Доброша—добрячище. Великор. „добруша“. Даль I, 395.

Дядюша—„дядына“ (тетка). Въ Полтавщинѣ есть фамилія Дядюша ⁷⁾.

¹⁾ Киев. Стар. 1882, янв., стр. 105.

²⁾ Россійско-украинскій словарь М. Уманца і Спілки (Львів 1894), т. II, стр. 10.

³⁾ Упоминается въ жалобѣ 1611-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3, стр. 155.

⁴⁾ По крайней мѣрѣ мнѣ приходилось слышать его въ муж. родѣ на Волини. То же подтверждаетъ полтавецъ г. Цымбалъ.

⁵⁾ „Киевлянинъ“ 1898, № 147.

⁶⁾ Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

⁷⁾ Иванъ Яковлевичъ Дядюша живетъ въ Хорольскомъ уѣздѣ. См. „Полтав. губ. Вѣдомости“ 1898 г. 5-го февр. № 28.

Катуша—пыточное орудіе (Желех.). У великоруссовъ только „катушка“. Даль II, 713.

Кывша—кывунъ, кывуха, кывливый (кокетливый). Есть фамилія Кывшенко (по-русски пишется „Кившенко“,—напр., живописецъ). Великор. „кывуша“ (=кывунья). Даль II, 721.

Кедруша (Жел.)—птица-кедровка, *Corvus caucatactes* ¹⁾. По великорусски нѣтъ.

Клапша—оборванецъ (клапуля, клапавый, клапшывый—у Жел.). По великор. нѣтъ.

Кобаша (Жел.)—круглая корзина (коба, кобка, кобея). По великор. нѣтъ.

Колоколуша—черемуха (*Rubus radus*). Въ словарѣ Даля (II, 751) это слово указано, какъ существующее у западныхъ великоруссовъ.

Кокша. Обыкновенно это слово—женскаго рода и значить курица (срв. великорусское новгородское „кокша“ въ томъ же значеніи, Даль II, 746; старорусское и соврем. галицкое кокошь, польск. kokosz). Въ Полтавщинѣ же „кokoша“—общаго рода, и такъ называется очень хорохорящійся человѣкъ; говорятъ пренебрежительно: „у, ты! кокоша убогий!“ (Цымб.); срв. „кевоть“, „кокотень“ (рѣзвухка), „кокотить“ (хорохориться).

Колотуша—кушанье, приготовленное изъ взбитаго творога и сметаны (Желех.). По великорусски это слово значить „водяная мельница“. Даль II, 752.

Красоша—красавецъ, „красоха“. По великор. нѣтъ.

Кривша и кривуша—кривногій. Михаилъ Кривша—житель г. Василькова Кіев. губ. ²⁾; Иванъ Кривуша—священникъ въ Черниговскомъ уѣздѣ ³⁾; Иванъ Кривуша—козакъ-помѣщикъ Прилукск. у. Полтав. губ. ⁴⁾. И по великорусски есть „кривуша“. (Даль, II, 800, 2-й столб.).

¹⁾ По объясненію, полученному г. Верхратскимъ въ Десятинѣ (Галичинѣ), названіе это дано птицѣ за то, что она „ѣсть насилье кедръ“. Правда 1878, т. II, стр. 237.

²⁾ Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

³⁾ См. Памятную книжку Кіевск. учебн. округа на 1896-й годъ.

общилъ Г. А. Иванецъ. Кромѣ того онъ знаетъ крестьянъ съ подобными прозвищами въ Харьковщинѣ.

Брякша — крива. Великор. „крякуша“. Даль II, 799, столб. 2-й.

Кукша — неуклюжий человек (общаго р.) По великорусски это слово ж. р. (Даль II, 819).

Крыкуша. См. рассказ: „Черезъ кривушу. Съ народнихъ усть“¹⁾.

Ливша — а) лѣвая рука, б) человекъ, дѣйствующій лѣвою рукой²⁾,

Лукша — прибрежная кора подъ корнемъ дерева. Срв. старинное „лукно“ (бобровая нора).

Макуша (Желех. по Федьковичу) — старая кокетка („макуха“). По великорусски значить „маковка“. Даль II, 891.

Малюша — то же, что великор. „малуша“ и западно-великорусское „малюшка“. Даль II, 893.

Матуша — а) матушка, б) тетя (Желех.), вѣроятно, съ материнской стороны.

Мылуша — милочка. Есть въ Полтавщинѣ фамилія Мылуша³⁾.

Мурмоша (иначе «мурмоса») — дующійся и ворчунъ. Срв. „балабае, явъ мурма“ (Цымб.).

Панбша — баричъ (иронич.). У Желеховскаго (вѣроятно, подъ польскимъ вліяніемъ) истолковано, какъ собирательное. По великор. нѣтъ.

Пакыша — неуклюжий. По-великорусски „пакша“, „пакуша“. Даль III, 5. Срв. „пакля“ (неуклюжая рука).

Перкоша — драхва. По объясненію, записанному г. Верхратскимъ, „самецъ (драхвы), явъ токуе, крычить: перкъ, перкъ!“⁴⁾ По-великорусски нѣтъ.

Правоша (иронич.) — хозяйничающій, заправило. (Отсюда глаголъ „правошты“). По-великорусски нѣтъ.

¹⁾ Правда (галицкая) 1895, См. „Зара“ 1895, стр. 340.

²⁾ Примѣчаніе Желеховскаго, что „ливша“ есть несклоняемое, простая описка, или опечатка.

³⁾ Данило Мылуша — крестьянинъ Золотоношскаго уѣзда, „Полтав. Губ. Вѣд.“ 1898 г. 13 янв. № 9.

⁴⁾ Правда 1878, т. II, ст. 240.

Правша—а) противоположность лѣвшѣ, б) правая рука. У Желеховскаго первое значеніе не показано.

Пукыша—толстый ребенокъ (срв. напукаться—наѣсться до-отвалу, „пукатый“—толстый). У Желех. „пукишка“¹⁾ съ і вѣроятно, въ силу небнаго произношенія к, хотя возможно, что „пукишка“=„пукѣшка“ (въ такомъ случаѣ это послѣднее слово происходитъ отъ предполагаемаго „пувоша“). По-великор. нѣтъ, а слово „пукша“ означаетъ птицу сою. Даль III, 492.

Ревша—рева, ревунь. По великор. „ревуша“. Даль IV, 46.

Роцша (отъ „ропа“) —торфъ (Желех). По-великор. нѣтъ.

Серуша—іс, qui saepe casat.

Сыводравша—птица Согасіас цаггца, „сыводрава“²⁾

Скупоша—скупецъ (Жел).

Смакоша—любитель смаковать („смакунь“). См. „Жиноча бібліотека“, кн. III, стр. 107. Польск. smakosz.

Святоша—то же, что и по великор. Срав. Б. Гринченко: Этнографич. матеріалы, т. II, стр. 153; Рудченко: Сказки: т. I стр. 46.

Сынаша (и „сынашь“, съ муж. оконч.)—сынокъ.³⁾

Трабша—бѣгущій рысью („трабомъ“) Фамилія „Трабша“ распространена въ Малороссіи⁴⁾.

Черкуша—особая порода сливъ. По великорусски таѣъ называется сошка съ желѣзнымъ зубомъ. Даль IV, 542.

Юноша—а) молодой человѣкъ (Желех.), б) холостякъ (сообщено г. А. Борковскимъ изъ народныхъ устъ. См. Желех. II-1109). Въ великорусскомъ употребленіи это слово, кажется, заимствовано изъ церковнаго языка.

Достаточно просмотрѣть эту полусотню малорусскихъ словъ на *ша*, чтобы составить заключеніе о ихъ смыслѣ: а) они

¹⁾ Записано г. Верхратскимъ.

²⁾ Фора, записанная г. Верхратскимъ въ Подольской губерніи. Правда 1878, т. II, стр. 237.

³⁾ Г. Иванецъ пишетъ мнѣ „Сынашемъ меня называли въ дѣтствѣ дома, и въ другихъ семьяхъ въ Кременч. уѣздѣ я слышалъ эту форму, употребляемую для выраженія ласки“.

⁴⁾ Напр., Владиміръ Трабша—б. учитель Лубенской гимназій. Есть Трабши въ Киевѣ Киев. Стар. 1895. янв., отд. II, стр. 18.

бываютъ формою ласкательной,—не то уменьшительной, не то скорѣе увеличительной, ¹⁾ б) они выражаютъ усиленное, интенсивное, постоянное качество или дѣйствіе (подобно словамъ на *тель* и *унъ*). Оба значенія въ тѣсной связи между собою, и напримѣръ „благша“ одинаково служатъ ласкательнымъ въ „благый“, какъ и обозначеніемъ человѣка, всегда благого Старобіевскія имена „Мстиша“, „Ратьша“ „Путьша“, понимать ли ихъ какъ прозвища, обозначающія постоянное качество („мститель“, «воитель», «путникъ», или „путный—порядочный“),—во всякомъ случаѣ они вполне въ духѣ малорусскаго языка.

Итакъ, достаточно было бы г. Соболевскому взглянуть въ Волынскую лѣтопись, въ нѣсколько книгъ или документовъ по исторіи Малороссіи, да въ словарь Желеховскаго, и ему стало бы ясно, что странно говорить, будто имена на ша чужды малоруссамъ ²⁾. Г. Соболевскаго ослѣпило и лишило проницательности тенденціозное, предвзятое мнѣніе о великорусскости древнихъ киевлянъ, и сбылось предсказаніе незабвеннаго Потебни, что „предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе

¹⁾ Что увеличительная форма имени выражаетъ ласку, вещь общезвѣстная. Слуга Андрея Боголюбскаго назывался Кузьмище (Ипат. лѣт 400—401). Въ былинахъ встрѣчаются ласкательныя названія: „сильный Иванище“ (Кирѣевскій, 1, стр. 18); Илья Муромецъ (Гальфердингъ, № 4 и № 48) привѣтливо величаетъ калыку: „Ты, Иванище, да е могучи“ или „здравствуй, сильной, могучо ты Иванище“. См. еще у Гальфердинга № 245: „славно Иванище“; также № 15 у Рибникова, и пр., и пр., и вездѣ въ этому Иваннму пѣвцу относятся сочувственно. Увеличительный суффиксъ *има* (великор. „домина“, малор. „хлопчаина“) образуетъ ласкательную форму именъ собственныхъ: Кузьмина (заглавіе одной сказки В. Чайковска), Иваннина, (Иваннина, или Иванъ Берлинскій—походившій около 1551 года, —Грушевскій: Барское старство, стр. 182), Федина (въ документѣ 1767 г., — Лучицкій: Сборн. матер. для истор. общ. землевл., стр. 190), Гриндина (такъ называется одинъ галичанинъ,—Зоря, 1886, стр. 84), Марусина (т. е. Маруса) — имя, встрѣчающееся въ пѣсняхъ. Увеличит. суффиксъ *ица* (срв. малор. „хлопчаина“—мужичище, „братница“—братище) встрѣчается въ собственныхъ именахъ: Иванница (Полт. актъ прошлаго вѣка,—Лучицкій, назв. соч., стр. 250), пощъ Микулица (во Владиміръ на Клязьмѣ при Андрей Боголюбскомъ,—Ипат. лѣт. 402). Собственныя имена: Сашура, Матира (въ актѣ 1650 г., Киев. Стар., мартъ, 489) составлена по образцу: „дичура“ (дѣвчище), „чапура“ (цапица, отъ „чапла“).

²⁾ Это утвержденіе находится въ обихъ наставіяхъ „Лекцій“: 1888 и 1891 гг.

основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одно-стороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора“¹⁾).

Объ именахъ на съ и ся.

Въ параллель въ старокіевскимъ мнимо-малорусскимъ именамъ на *ша* г. Соболевскій находятъ или старается найти старыя галицкія и волынскія имена: Волъдрись (и производитъ его отъ „Володарь“), Блюсь и Митуса (въ нихъ онъ видитъ „Блюсь“ и „Митуса“). Имена на съ, ся, по мнѣнію г. Соболевскаго, спеціально малорусскія, и разъ ихъ вѣтъ въ старо-кіевскихъ памятникахъ, то это должно доказывать, что старыя кіевляне не были малоруссами, а если теперъ такія имена есть „около Днѣпра“, то это значить, что современные жители Кіевщины пришли изъ Галичины и Волыни.

Для оцѣнки общенаучныхъ приемовъ г. Соболевскаго обратимъ вниманіе на два пункта: 1) Самъ г. Соболевскій (ставя вопросительный знакъ при „Володарь“) питаеть нѣкоторое сомнѣніе на счетъ „Волъдриса“, а имена „Блюсь“ и „Митуса“ прямо создаетъ отъ себя, какъ гипотезу, а затѣмъ, чтобы доказать другую гипотезу о великорусскости старыхъ кіевлянъ, ссылается на первую гипотезу, т. е. доказываетъ неизвѣстное неизвѣстнымъ. 2) Видитъ онъ доказательство въ умолчаніи. Ну, а если въ старомъ Кіевѣ были таки ласкательныя на съ, то развѣ они *непремьнно должны были* попасть и въ лѣтопись?

Филологическія знанія и филологическіе приемы г. Соболевскаго характеризуются здѣсь тоже двумя обстоятельствами: 1) онъ говоритъ, что уменьшительныя на съ, ся—спеціально малорусскія, тогда какъ они общерусскія, 2) въ созданіи именъ

¹⁾ Извѣстія Академіи Наукъ (отдѣл. русск. языка и слов.) 1896, т. I, кн. 4, стр. 807. Наклонность настаивать на своемъ до того сильна у г. Соболевскаго, что во 2-мъ изданіи „Лекцій“ сохранены странности 1-го изданія, указанныя съ полною очевидностью такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Ягичъ.

„Волядрисъ“, „Блюсь“ и „Митуся“ допущенъ г. Соболевскимъ рядъ грубыхъ ошибокъ и странностей.

Уменьшительныя на съ, ся (напр., Петрусь, Маруса), дѣйствительно, существуютъ въ малорусскомъ нарѣчьи ¹⁾. Но они въ изобилии существуютъ также въ нарѣчьи бѣлорусскомъ, „которое, конечно, есть часть великорусскаго нарѣчья“ ²⁾, существуютъ и въ великорусскомъ. Въ словарь Даля (I, 29) отъ „баба“ показано великорусское уменьшительное „бабуся“, „бабусенька“ и приведена также пословица: „Была бѣ моя бабуся—никого не боюся“. Отъ „дѣдь“ (Даль I, 454) уменьшительное „дѣдуса“; твердое слово „дидко“ Даль поясняетъ (I, 387) словомъ: „дѣдусь“,—значить, на его взглядъ форма „дѣдусь“—одна изъ наиболѣе обычныхъ и удобопонятныхъ для великорусса. Отъ „мать“ (Даль II, 905)—великорусское уменьшительное „матуса“ (южн. и зап.) и отъ „мама“—„мамуся“; отъ „мама“ есть еще уменьшительное „мамусь“ или „мамысь“ (костромское,—Даль II, 895). Въ параллель къ „мамысь“ укажемъ московское слово „мурысь“, т. е. малорослая женщина (Даль II, 954, 2-ой столб.) ³⁾. Отъ—„тетка“—уменьшительное „тетуся“ (Даль IV, 369, 1-й ст.). Отъ „тата“ ⁴⁾ уменьшительное „татуса“ (Даль IV, 417). Въ Москвѣ употребляются ласкательныя: „милуся“ (и „милушка“) и „дуся“ ⁵⁾. И такъ, эта

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что уменьшительныя на съ, ся (Петрусь, Маруса), чрезвычайно распространенныя въ Полтавской губ., очень рѣдки въ Киевской губ., и насколько мнѣ извѣстно, среди крестьянъ Киевщины они и вовсе не встрѣчаются. Должно быть, это обстоятельство извѣстно было и г. Соболевскому, когда онъ вмѣсто „Киевская губ.“ употребилъ неопредѣленное выраженіе: „около Днѣпра“ (Лекція, 2-е изд., стр. 255).

²⁾ Выраженіе самого г. Соболевскаго „Лекція“, стр. 2.

³⁾ При случаѣ отмѣчаемъ, что подобно тому, какъ окончаніе ся (ж. р.) чередуется у великоруссовъ съ съ, окончаніе ша чередуется у нихъ съ шь. Напр., наряду съ „матуша“ есть казужское „матушь“. Даль II, 905.

⁴⁾ Для тѣхъ, кто вообразилъ бы, будто это слово не чисто великорусское, сообщимъ (по Далю IV, 359), что оно употребляется даже въ губерніи архангельской и исковской.

⁵⁾ Фабричная подмосковная ильня поетъ:

Два годочка миновало,
Съ милымъ я въ лѣсу гуляла.

Филология и погодня. гипотеза.

форма уменьшительныхъ именъ не есть исключительно малорусская, но есть *общерусская*; присутствіе ея въ галицко-волинской лѣтописи само по себѣ не могло бы еще служить доказательствомъ малорусскости старыхъ галичанъ и волянчанъ, равно какъ присутствіе этой общерусской формы теперь около Днѣпра не можетъ свидѣтельствовать о галицко-волинскомъ происхожденіи современныхъ приднѣпровцевъ.

Но этой формы вовсе и нѣтъ въ галицко-волинской лѣтописи. Присмотримся ко всѣмъ тремъ именамъ, которыя предлагаетъ г. Соболевскій: 1) Волѣдрисъ, 2) Блюсъ и 3) Митуса.

1) *Волѣдрисъ*. Г. Соболевскій думаетъ, что отъ „Володарь“ можетъ быть уменьшительное „Волѣдрисъ“. Не такъ еще давно А. Вельтманъ ¹⁾ доказывалъ, что если съ умѣньемъ прочесть имя „Кыяне“, то выйдетъ „Gyni“ и „Hyni“, и поэтому гунскаго царя Аттилу онъ титуловалъ: „Аттила, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ“ ²⁾. Г. Соболевскій, образуя отъ „Володарь“ уменьшительное „Волѣдрисъ“, показалъ, что попытки гг. Вельтмановъ еще не отошли въ область преданія: ни одинъ филологъ не пойметъ, почему звукъ *o* (Володарь) перешелъ въ *z* (Волѣдрисъ), куда дѣвалось *a* послѣ *d* (бывшее въ Володарь) и откуда передъ *z* появилось *u* (Волѣдрисъ). Но на самомъ дѣлѣ имени „Волѣдрисъ“ и не было никогда. Единственное мѣсто Ипатьевского списка лѣтописи, содержащее въ себѣ имя даннаго лица, читается вотъ какъ ³⁾: „посла сѣдѣльничего своего по невѣрныхъ Молибоговичихъ и по Волѣдрисѣ“. Не трудно сообразить, что „по Волѣдрисѣ“ значить: „по Ольдрихѣ“ ⁴⁾, причемъ начальный призвукъ *o*, чрезвычай-

Онъ шепталъ мнѣ: „Моя душа!

На тебѣ, ей-ей, женюсь я“.

Хотя ш въ „душа“ принадлежитъ корню, но отношеніе между „душа“ и „душа“ совершенно такое же, какъ напримѣръ, между „Маруша“ и „Маруса“.

¹⁾ А. Вельтманъ: Аттила и Русь IV вѣка. Москва 1858.

²⁾ Назв. соч., стр. 119.

³⁾ Это стр. 509-ая; на нее ссылается и г. Соболевскій.

⁴⁾ Если-бы имен. падежъ былъ Волѣдрисъ, то мѣстный падежъ, по правилу, означивался бы не на *o*, но на *u* и былъ бы: по Волѣдриси. Правда, Ипатьевскій

но любимый малоруссами, здѣсь почти неизбеженъ, ради устранения зянiя между двумя о („по Ольдрисѣ“). Имя „Ольдрихъ“ — совершенно обычное имя у западныхъ славянъ ¹⁾. Въ Галичинѣ и на Волыни, какъ извѣстно, всегда въ изобилiи циркулировали западныя имена, а тѣмъ болѣе при Даниилѣ, при которомъ происходилъ цѣлый наплывъ иноплеменниковъ, и среди бояръ были и чехи, и ляхи, и угры; Ольдрихъ жилъ при Даниилѣ и былъ, судя по лѣтописи, бояриномъ.

2) *Блюсь*. Г. Соболевскiй понимаетъ это начертанiе какъ „Блюсь“. Начнемъ съ того, что въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи, въ которомъ встрѣчается это имя и на который ссылается г. Соболевскiй, написано не „Блюсь“, а „Блусь“, съ у послѣ л (585). Умышленно ли совершилъ г. Соболевскiй это искаженiе ²⁾ или неумышленно, мы во всякомъ случаѣ должны принять къ свѣдѣнiю, что на ссылки г. Соболевскаго не всегда можно полагаться ³⁾. Во вторыхъ отмѣтимъ, что къ предложенной

списокъ изрѣдка (какъ исключенiе) предлагаетъ ъ и въ мягкомъ склоненiи, но филологу необходимо имѣть предвзятую мысль, чтобы видѣть исключенiе какъ-разъ въ начертанiи „по Вольтрисѣ“, если въ *сосѣдствѣ* же „Молибоговичихъ“ вполне правильно соблюдено окончанiе мягкаго склоненiя. Пожалуй, имя „Вольтрисѣ“ усмотрѣлъ и составитель печатнаго указателя къ Ипатьевскому списку, но у того это вышло по его филологическому невѣжеству, равно какъ и много другихъ ошибокъ (напр., отъ дат. падежа „Орева“ онъ образовалъ имен. пад. не „Орь“ но „Орева“; отъ вин. пад. „Митусу“ им. падежъ у него не „Митуса“, но „Митусъ“, и т. д., и т. д.); весь указатель переполненъ ошибками.

¹⁾ Напримѣръ, всѣмъ извѣстенъ изъ исторiи чешскiй князь Oldřich, который въ 1012-мъ г. изгналъ брата своего Яромiра, сталъ одинъ царствовать надъ чешскою землею и умеръ въ 1037-мъ г.,—тотъ Oldřich, о которомъ первый номеръ краледворской рукописи говоритъ:

veleslnwy knížet

Bóh ti buiarost da u wše údy,

Bóh ti da vichlasy w buinu hlavu!

(Rukopis Kralodvorsky, od Wáclawa Hanky, w Praze. 1835, стр. 1).

²⁾ Дѣйствительно, форма „Блюсь“ звучала бы какъ-то больше въ малорусскомъ духѣ, чѣмъ „Блусь“.

³⁾ Въ такомъ случаѣ его „Лекцiя“, лишенныя значенiя своими невѣрными толкованiями фактовъ, не имѣютъ большаго значенiя даже какъ сборникъ сырыхъ матеріаловъ.

г. Соболевскимъ формѣ „Блюсь“ трудновато подыскать основную, не уменьшительную форму имени; г. Соболевскій, обращая „Блусъ“ въ „Блюсь“ и считая „Блюсь“ за *уменьшительное*, долженъ былъ высказать соображенія, по которымъ „Блюсь“ могло бы дѣйствительно считаться за уменьшительное; а то вѣдь если уменьшительною формою мы будемъ считать всякое слово съ окончаніемъ съ, то старинное сѣверно-русское имя города Олоньсь (соврем. Олоонецъ) тоже должно быть признано за уменьшительное. Далѣе спросимъ: имѣлъ ли г. Соболевскій какія-нибудь основанія считать окончаніе съ въ „Блусъ“ за съ. Нѣтъ, не имѣлъ: лѣтопись вѣдь пишетъ: „Блусомъ“, т. е. склоняется „Блусъ“ по твердому склоненію, а не по мягкому. Если же по мнѣнію г. Соболевскаго достаточно какому-нибудь имени имѣть окончаніе съ, чтобы считаться за уменьшительное на съ, то филологическому произволу открывається такой просторъ, при которомъ не только въ Галичинѣ и на Волыни, но и во всякой русской области отыщутся уменьшительныя на съ, въ томъ числѣ въ Кіевской, и такимъ образомъ галицко-волинская гипотеза г. Соболевскаго будетъ поражена его же принципами, а кромѣ того возникнетъ множество филологическихъ странностей. Въ старомъ Кіевѣ было, напр., имя Борисъ; кто принимаетъ „Блусъ“ за уменьшительное, тотъ съ еще большимъ правомъ долженъ принять „Борисъ“ за уменьшительное отъ „Борихъ“ ¹⁾. Имя бога Волоса придется, по методу г. Соболевскаго, считать за уменьшительное отъ „володь“ (волосы) ²⁾, или отъ «володаръ» (властелинъ); или отъ „волоть“ (исполинъ); а другая форма этого божьяго имени „Велесъ“ окажется уменьшительнымъ отъ «велеть» (исполинъ) или отъ „велеславъ“, и эта гипотеза привлекательнѣе „блюсевской“ ужъ

¹⁾ Борихомъ называется Борисъ въ угорскихъ лѣтописяхъ. См., напр., у Туроца (Turocz: *chron. Hung.*, с. LXIV): „Borich, itaque ascito Ruthenorum Populogumque auxilio...“ и т. д. Рѣчь идетъ о князѣ Борисѣ Коломановичѣ, снѣдъ дочери Владиміра Мономаха.

²⁾ Матеріалы для словаря древне-русскаго языка—И. Срезневскаго. СПб 1893, т. I, стр. 291 („густою володію“).

по тому, что у малоруссовъ дѣйствительно существуетъ имя „Велесь“ ¹⁾. Имя бога солнца „Хръсь“ также окажется уменьшительнымъ (срв. вендское hvage, санскр. svag, перс. chīg). Найдутся такія уменьшительныя и на далекомъ сѣверѣ: лѣтописный „Синеусъ“ ²⁾, былинный „Бермасъ“ ³⁾. Филологъ осторожный, конечно, не найдетъ возможности видѣть въ „Блусѣ“ и въ подобныхъ именахъ уменьшительныя типа „Петрусь“; но г. Соболевскій, для котораго Блусъ=Блюсь, долженъ признать перечисленные нами имена какъ разъ за уменьшительныя типа „Петрусь“ и, тѣмъ самымъ, признать форму на съ за общерусскую, не исключительно галицко-волинскую.

3) *Митуса* (Ипат. 528). Еще Максимовичъ ⁴⁾ предполагалъ, что „Митуса“ есть сокращеніе имени „Димитрій“; но, зная хорошо малорусское нарѣчіе, онъ и не подумалъ сказать, чтобъ окончаніе *са* нужно было принимать за *ся*. Г. Соболевскій, напротивъ, принимаетъ „Митуса“ за „Митуса“, не зная или упуская изъ виду, что суффиксы *са* и *ся* далеко не тождественны по значенію. Имена на *ся* имѣютъ смыслъ уменьшительный, тогда-какъ имена на *са* бываютъ: а) обозначеніемъ предметовъ, въ которыхъ какое-нибудь качество очень прочно, или которые постоянно повторяютъ одно и то же дѣйствіе, б) формой увеличительной, или ласкательной. Вотъ примѣры какъ малорусскіе, такъ и великорусскіе: плакса, крикса, рюкса, бекса, хныкса, кукса, мытуса ⁵⁾, лытуса, мурмоса (бурмоса), мом-

¹⁾ Встрѣчается въ актѣ 1596-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3-я, стр. 102.

²⁾ Русская передѣлка скандинавскаго имени Сніо или Свиніутеръ. Погодинъ: Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи. М. 1846, т. II, стр. 68—69.

³⁾ Вав. Миллеръ и Н. Тихонравовъ: Русскія былины старой и новой записи М. 1894, II, стр. 169, 170, 171. Обширено же Бермасъ называется въ былинахъ Бермятовъ или Бермечей.

⁴⁾ Основа 1861, июль, VI, 19 и въ Собраніи сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 129.

⁵⁾ Суевлаивій, непосѣда, егоса. Не исключена возможность, что и дѣтописное имя Митуса образовалось отъ нарицательнаго, а не отъ „Димитрій“.

са, мамса, мамыса (костромское ¹⁾), стырса (=стырта), кырса (=кырта), дудаса, выкрутаса, малюса, дубаса ²⁾, мордаса и т. д., и т. д. Какъ видимъ, образованіе именъ на *са* аналогично съ образованіемъ на *ша*; а у нѣкоторыхъ именъ параллельно существуютъ въ одномъ и томъ же значеніи обѣ формы, на *ша* и на *са*, (напр., бекса и бекша ³⁾) вукса и вукша, мурмоса и мурмоша, лютуса и лютуша ⁴⁾), изъ чего дѣлается еще болѣе ясною взаимная близость этихъ формъ и отдаленность *са* отъ *ся*.

О буцахъ и гуцалахъ.

„Отсюда (т. е. оттого, что Кіевщину заполнили галицкіе переселенцы) у жителей Черкаскаго уѣзда Кіевской губерніи слово гуцалѣ (это—искаженное галицкое гуцулы), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ, и слово буцѣ (это—искаженное старое галицкое бѣйци—бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ. См. Труды этнограф.—статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VI, выш. II, стр. 463“.—Ссылку г. Соболевскаго на Чубинскаго необходимо немножко поправить. У Чубинскаго ничего не говорится о „западныхъ и восточныхъ сосѣдяхъ“, а просто сказано: „Жители Черкаскаго уѣзда называютъ подолянъ буцами, полтавцевъ—гуцалами“; и странно было бы называть подолянъ „сосѣдами“ черкасцевъ да еще западными, если Черкасы находятся на восточной границѣ Кіевщины, а Подолія прилегаетъ къ ея юго-западу, и если Черкащина отдѣлена отъ Подолія всѣмъ пространствомъ Кіевской губерніи.

¹⁾ Отъ „мама“. См. Даль II, 895.

²⁾ Слово „дубоса“ (съ о вм. а) мнѣ лично не пришлось слышать, но глаголъ „дубосити“ (вм. „дубасити“)—приходилось. Онъ есть и въ печати,—см. Боровскаго: Збирникъ драматичныхъ творень, Львовъ 1883, № 3, стр. 9.

³⁾ Андрей Векша—народный учитель въ Радомильскомъ у. Кіев. губ. См. Памятвую книжку Кіевск. уч. округа на 1896 г.

⁴⁾ Даль II, 873; IV, 448, столб. 2-й.

Разсужденія г. Соболевскаго по поводу „буцовъ“ и „гуцаловъ“ можно формулировать въ видѣ слѣдующаго силлогизма:

Въ Подоли и Полтавщинѣ живутъ пришлые галичане.

Кіевщина не есть ни Подолия, ни Полтавщина.

Ergo: Въ Кіевщинѣ живутъ пришлые галичане.

Въ этомъ „силлогизмѣ“ и первая посылка не вѣрна, и выводъ сдѣланъ не по правиламъ логики. Сначала воспоемся первой посылки.

По малорусски слово „гуцало“ означаетъ: увалень, неповоротливый, а „буць“—задора, но неуклюже-комичный ¹⁾. Въ глазахъ дѣятельнаго, живого черкасца флегматичный полтавецъ крайне неповоротливъ, а живость подолянина напоминаетъ черкасцу смѣшную задирчивость барана, и поэтому полтавца черкасецъ насмѣшливо называетъ гуцаломъ, а подолянина—буцомъ ²⁾. Это объясненіе, съ большими или меньшими варіаціями ³⁾ услышитъ каждый, кто вздумаетъ на мѣстѣ разспросить крестьянина о причинахъ насмѣшливаго прозванія подолянъ „буцами“ и полтавцевъ „гуцулами“. Догадка же г. Соболевскаго, будто „буцы“ и „гуцалы“ означаютъ бойковъ и гуцу-

¹⁾ И одно и другое слово чрезвычайно часты и имѣютъ много производныхъ. Гуцати—неуклюже топтаться на одномъ мѣстѣ, а съ вин. падежемъ—покачивать ребенка на рукахъ или на колѣяхъ. „Пидгуцькувати“—въ томъ же смыслѣ:

То якъ не хоче втыкнути (ребенокъ)—не кладуся:

И дгуцькувати вадомъ по хати перейдуся.

(Фаустъ, переводъ И. Фрашка, Львовъ 1882, стр. 132). „Гуцниъ“—то же, что „гуцало“ (сообщилъ В. П. Цымбалъ, сказавши, что одинъ лично знакомый ему крестьянинъ села Козловки Лохвиц. у. получилъ уличное прозвище „гуцниъ“). Между темъ „буць“ выражаетъ баранье боданіе. „Буць(ь)кати“, „буцьнути“—бодать, боднуть. „Ходитъ якъ овечка, а буцькае якъ баранъ“ (послов.) „Буцьо“—все, что вынычаваетъ впередъ, и поэтому „буцьо“ можетъ обозначать и бодливаго быка, и ребенка съ туго набитымъ желудкомъ или надутыми щеками, и яблоко (Желех.); „буцьки“—родъ галушекъ (Захрев.).

²⁾ Полтавецъ тоже называетъ „гуцаломъ“ неуклюжаго человѣка (свидѣтельство В. П. Цымбала), а подолянинъ говоритъ черкасцу въ отвѣтъ: „Самъ ти буць!“

³⁾ Напримѣръ, мнѣ однажды пришлось слышать объясненіе на счетъ подолянина: „Та вы на його пмку поднятиса! якъ не (=вотъ-вотъ) буцьне!“—объясненіе, касающееся даже вѣшняго вида подолянина.

ловъ, не имѣть ни малѣйшаго основанія въ народномъ поясненіи этихъ прозвищъ, а со стороны филологической возвращаетъ насъ въ тѣ, казалось бы, прошедшія времена, когда люди позволяли себѣ понимать „кыяне“ какъ „гуны“. Въ самомъ дѣлѣ: если форма бойца и существовала когда-нибудь въ старину ¹⁾, то вѣдь родит. падежъ былъ отъ него всегда „бойковъ“, дательный—„бойкамъ“ и т. д.; и могъ ли малоруссъ, столь чувствительный къ переходному и непереходному смягченію заднебныхъ, упустить изъ виду это *к* и перенести *ц* во всѣ падежи? Передѣлка *ой* въ *у* (бойца—буца) такъ же невѣроятна, какъ невѣроятна Вельтмановская передѣлка *ыя* въ *у* (кыяне—гуны). Да и обращеніе „гуцулы“ въ „гуцалы“ трудно-вато предположить, такъ-какъ малорусское нарѣчіе любитъ ассимилировать сосѣдніе гласные звуки (срв. „багатый“ изъ „богатый“), а не диссимилировать ихъ, и скорѣе можно было бы ждать передѣлки „гуцаловъ“ въ „гуцуловъ“, чѣмъ наоборотъ. Прибавимъ еще, что ни рѣчь полтавская не похожа на гуцульскую, ни подольская на бойскую. Итакъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы поддерживать самоувѣренное утвержденіе г. Соболевскаго, будто прозвища „буца“ и „гуцалы“ представляютъ искаженіе словъ „бойца“ и „гуцулы“.

Но если г. Соболевскій и былъ увѣренъ, что въ Полтавщинѣ и на Подольи живутъ потомки галичанъ, то переносить этотъ выводъ на Кіевщину онъ не имѣлъ права. Нелогичность

¹⁾ Бойки въ своихъ говорахъ употребляютъ нарѣчіе „бойе“, неизвестное другимъ говорамъ. Точное значеніе слова „бойе“ подвергалось многократному обсужденію этнографовъ—филологовъ и вызвало споры, но одна вещь вполне ясна: что именно отъ этого страннаго слова бойки получили свое названіе. См. статью Верхратскаго въ *Archiv für slavische Philologie* 1894, потомъ полемику его и Партицкаго въ „Дили“ № 255, 256, 263, 264, 278, статьи Охримовича и Франка въ „Життя и слова“ 1895, кн. I; см. еще Желех. I, 37 и Оголовскаго: *Studien* 160. Предполагать, что нарѣчіе „бойе“ и прозвище „бойки“ очень стары, нѣтъ достаточныхъ основаній. Г. Соболевскій, такъ безповоротно заявляя, будто „буца“ есть старое галицкое „бойца“, долженъ былъ бы указать хоть одинъ старій памятникъ, гдѣ встрѣчалось бы „бойца“.

его выводѣ до того очевидна, что распространяться объ этомъ не стоитъ.

Объ имени Малая Русь.

Имя Малой Руси сперва (съ конца XIII в.) принадлежало только Галичинѣ и Волыни, а Кіевская земля прежде называлась просто Русью. Въ XIV в. и въ Кіевской землѣ начали примѣнять имя „Малая Русь“. Этого обстоятельства г. Соболевскій иначе объяснить себѣ не можетъ, какъ при томъ условіи что въ XIV в. исчезло старинное населеніе Кіевской земли и замѣнилось пришлымъ галицкимъ и волынскимъ. Что сѣверная Русь усвоила себѣ одно *общее* названіе Великой Руси, хотя состояла изъ *нѣсколькихъ* племенъ, этого г. Соболевскій не находитъ неестественнымъ ¹⁾, а если немного позже южноруссы западные (галичане и волыняне) и южноруссы восточные (потомки старыхъ полянъ, не истребленные никакимъ татарскимъ нашествіемъ) также поняли свою національную близость и получили всѣ одно общее имя „Малой Руси“, то этого обстоятельства г. Соболевскій не можетъ взять себѣ въ домекъ. Мы очень сожалѣемъ, что г. Соболевскій безъ своей галицко-волынской гипотезы не можетъ понять очень простой вещи, и только напомнимъ ему, какъ человѣку занимающемуся исторіей русскихъ нарѣчій, что въ XIV-мъ вѣкѣ существовали особія обстоятельства, понуждавшія исконное кіевское населеніе принять имя Малой Руси. Старинное имя Кіевщины „Русь“, принадлежавшее до XII в. исключительно ей, еще подъ конецъ удѣльнаго періода потеряло свой исключительный характеръ, а въ періодъ монгольскій распространилось безусловно на всякую русскую область; между тѣмъ нарѣчія русскія въ XIV вѣку приобрѣли значительныя *отличія* другъ отъ друга (это очень хорошо извѣстно г. Соболевскому), и нарѣчія „Великой Руси“ стали рѣзко отличаться отъ нарѣчій Галичины, Волыни и Кіевщины. Что жъ удивительнаго, если въ противовѣсъ „Великой

¹⁾ Названіе Великороссія (Μεγάλη Ῥωσία) встрѣчается, на примѣръ, около 1347-го года въ грамотѣ Византійскаго императора. См. Русская Историч. Библия, т. VI, столб. 21—34.

Филологическая и погодная гипотеза.

Руси“ Кіевщина, сверхъ имени „Русь“, давно ужъ потерявшаго свой исключительный характеръ, начала и отъ чужихъ, и отъ своихъ получать имя „Малая Русь“,—то имя, которое носили сосѣдніе Волынь и Галичина, очень близкія къ ней по языку 1)?

О „должны были“.

„Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка“, говоритъ г. Соболевскій, какъ бы сознавая слабость своихъ аргументовъ объ исчезновеніи кіевлянъ послѣ Батыя, „то нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область *должны были* уменьшить число говорившихъ имъ на столько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины“.

Немногочисленная народность грузинская на Кавказѣ и румынская да болгарская на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіи многихъ вѣковъ стояли передъ варварами въ худшемъ положеніи, чѣмъ кіевляне передъ крымцами, и однакожь не были истреблены. Резонъ „должны были“ не есть резонъ, разъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ фактомъ, что вещь, долженствовавшая по чьему-либо мнѣнію случиться, не случилась.

1) Первый разъ имя „Малая Русь“ прилагается къ Кіевской области не въ какомъ-нибудь южно-русскомъ памятникѣ, а въ греческой грамотѣ царградскаго синода 1354-го года, на которомъ присутствовалъ великорусскій митрополитъ Алексѣй: Ἐπεὶ μὲν ἡ ἀγιωτάτη μητρόπολις Ῥωσίας, μετὰ καὶ τῶν ἄλλων ἁστροῶν καὶ χωρῶν ὑπὸ τῆν ἐναρτίαν ταύτης τελοῦντων, καὶ τὸ ἐν τῇ Μικρῇ Ῥωσίᾳ ἁστροῶν τὸ Κβεβίν ἐπονομαζόμενον (т. е. „Святѣйшая русская митрополія, вмѣстѣ съ другими городами и селеніями, находящимися въ ея предѣлахъ, имѣла еще въ Малой Руси городъ, именуемый Кіевъ“). Быть можетъ, и сами греки изъ частыхъ сношеній съ Русью хорошо знали, что языкъ Кіевщины въ это время выработалъ такія особеннсти, которыя его дѣлали довольно или очень близкимъ къ языку Галичины и Волыни и отличнымъ отъ языка Великороссіи; но гораздо вѣрнѣе, что причисленіе Кіева къ Малой Россіи состоялось въ грамотѣ со словъ великорусса Алексѣя, ставленника Москвы, которая въ это время считала себя не только Великой Русью, но и Русью по преимуществу (Напр., Симеонъ Гордый, 1341—1358, въ договорной грамотѣ съ братьями (Собр. Грам. и Догов. I, № 23) называетъ себя Великимъ княземъ всаѣ Русіа).

Мы посвятили разбору аргументовъ г. Соболевскаго довольно много мѣста не столько ради ихъ опроверженія (ихъ опровергнуть можно было бы гораздо короче), сколько для выясненія научныхъ приемовъ г. Соболевскаго, берущагося писать исторію малорусскаго нарѣчія. Тенденціозность (заставляющая г. Соболевскаго забывать законы и логики, и здоровой филологіи), сообщеніе невѣрныхъ данныхъ, неправильное толкованіе и извращеніе несомнѣнныхъ фактовъ—вотъ отличительные признаки разсужденій г. Соболевскаго, когда онъ касается вопроса о происхожденіи современныхъ малоруссовъ. Зловѣщее предчувствіе Потебни на счетъ г. Соболевскаго сбылось какъ нельзя печальнѣе. Можемъ безъ преувеличеній сказать: когда г. Соболевскій коснется своей галицко-волынской гипотезы, тогда весь его научный методъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакого научнаго метода.

Что же касается незнакомства г. Соболевскаго съ малорусскимъ нарѣчіемъ, то это было отмѣчено нами въ предыдущей главѣ, отмѣчено въ настоящей и будетъ еще много разъ отмѣчено въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кіевскіе и мнимо-кіевскіе памятники XI—XV вв.

а) Домонгольскіе.

Памятниковъ, писанныхъ въ домонгольскомъ Кіевѣ, сохранилось только два: *Изборники Святослава 1073 г. и 1076 года*. Оба они относятся къ тому періоду, когда русскій языкъ, собственно еще не распался на нарѣчія великорусское и малорусское. Конечно, онъ не былъ уже однимъ языкомъ „въ полномъ смыслѣ этого слова“, но во всякомъ случаѣ приходится соглашаться съ замѣчаніемъ г. Шахматова, что въ XI и XII в. нельзя еще говорить о полномъ обособленія великорусскаго нарѣчія¹⁾, такъ-накъ самой существенной черты малорусскаго нарѣчія (ѵ и ц) тогда еще не было. Все таки извѣстныя діалектическія данныя въ Изборникахъ Святослава ужь есть. Ихъ

¹⁾ А. Шахматовъ: Исслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 132, 138, 139.

разсмотрѣніе показываеъ намъ, что кіевская рѣчь XI вѣка не заключала въ себѣ никакихъ элементовъ противомалорусскихъ, а напротивъ—имѣла въ себѣ въ зачаточномъ видѣ почти всѣ черты современнаго малорусскаго нарѣчія, кромѣ той одной, которая образовалась послѣ XI вѣка. Какъ же относится къ Изборникамъ г. Соболевскій?

Г. Соболевскій, касаясь правописанія Изборниковъ Святослава, отмѣчаетъ въ нихъ два начертанія, которыя онъ ясно ¹⁾ называетъ немалорусскими особенностями: 1) тобѣ дѣлѣ (=для тебя), причеъ понимаетъ „тобѣ“ какъ разновидность или неправильное написаніе вмѣсто „тобе“, и 2) начертаніе я вм. е: помяются, Елисаветъ, важанива, ²⁾. Разсмотримъ эти мнимые немалоруссизмы.

Въ параллель къ единичному *тобѣ дѣлѣ* укажемъ: 1) сѣверно-малорусское „край собѣ“ ³⁾, 2) угорско-малорусское „въ тобе“ ⁴⁾, 3) въ Энеидѣ Котляревскаго: тобе ⁵⁾, 4) въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губ.: поверхъ собе ⁶⁾, 5) у галицкаго наборщика: коло собе ⁷⁾. Не считаемъ нужнымъ пускаться

¹⁾ Прибавляемъ слово „ясно“ во избѣжаніе недоразумѣній. Въ „Ж. М. Н. Пр.“ (1885, февр., ст. 352—353, въ статьѣ: „Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ“) г. Соболевскій отмѣчаетъ въ Изборникахъ Святослава нѣсколько особенностей, которыя онъ считаетъ истинными кіевскими, напр. „чоловѣка“ вм. „человѣка“, „золоба“ вм. „злоба“ и др. Такъ какъ онъ не говоритъ ясно, что считаетъ ихъ всѣ за немалорусскія, то было бы несправедливо съ нашей стороны приписать ему такое утвержденіе и показывать, напр., что *о* въ „чоловѣка“—вполнѣ въ духѣ малорусскаго нарѣчія. Но начертаніе „тобѣ“ прямо объявлено г. Соболевскимъ за антимапоруссизмъ.

²⁾ См. „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, стр. 84. И въ устномъ диспутѣ съ П. И. Житецкимъ въ 1883-мъ году г. Соболевскій прямо заявилъ, что начертаніе я вм. е въ такихъ случаяхъ, какъ „помяются“—рѣкій антимапоруссизмъ.

³⁾ Довнаръ-Запольскій: Пѣсни Пинчуковъ, стр. 56 (К. 1895).

⁴⁾ Угросскаія народныя пѣсни Де-Воллана (СПБ. 1885, стр. 33): „Гей, козаче черноусній! Чому в тобе жупанъ кусній?“

⁵⁾ Виргиліева Энеида, вновь исправленная самимъ авторомъ и дополненная противу прежнихъ изданій, СПБ. 1809, т. I, стр. 25: „то тутъ тобе лизне и чортъ“.

⁶⁾ Громада, № 2, стр. 72.

⁷⁾ Передѣлка наборщика вм. написаннаго „себе“. Зоря 1897, № 20, стр. 399, столб. 2-й. Добавимъ, что слово „цобе“ (вѣво) многими объясняется какъ „одъ собе“, т. е. „отъ себя“. Въ Галичинѣ слышится и „цебе“ съ *e* (словарь За-кравскаго, 576).

въ разборъ всѣхъ этихъ начертаній (это насъ слишкомъ далеко отвлекло бы въ сторону),—одно лишь отмѣтимъ: писецъ Изборника Святослава, будучи малоруссомъ, прекрасно могъ написать «тобѣ».—См. еще стр. XIV.

Другая якобы немалорусская особенность Изборниковъ—написаніе *я* вм. *е*: помянутся 212, *я*я *ж*я 219, Елисаветъ 254 об., кажаника 262; къ этимъ четыремъ случаямъ г. Соболевскій по своему произволу прибавляетъ еще два, встрѣчающіеся въ Галицкомъ евангеліи, но, по его мнѣнію, заимствованные изъ какого-нибудь кievскаго оригинала: изъ *даляча* и *яща* ¹⁾. Ужъ одно то обстоятельство, что *я* вм. *е* попадаетъ въ памятникъ галицкомъ, должно было бы внушить г. Соболевскому мысль о невеликорусскости этой черты ²⁾, но онъ, вмѣсто того предпочитаетъ утверждать, будто малорусскому нарѣчію такой переходъ *е* въ *я* не свойственъ, и этимъ онъ обнаруживаетъ свое незнакомство съ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій малорусской фонетики. Приведемъ полторы сотни примѣровъ, въ которыхъ у малоруссовъ слышится то *е*, то *я* (или *а*, послѣ шипящихъ, послѣ *р* и въ кое-какихъ другихъ случаяхъ).

Отмѣтимъ чередованіе *е* и *я* прежде всего а) см. стр. XV, б) въ страд. причастіяхъ и въ тѣхъ существительныхъ, которыя отъ нихъ производятся. Говорится, напримѣръ: плетяный, паляный, звездяный, крышяный, прынесяный, зачинаяный, зрбяяный, прядяный, выполняный (=выполотый), зміняный ³⁾, напяяный, похожано-поброжапо, зложяный ⁴⁾ и т. д.; плетянка, плетяныця, палянка, паляныця, звездяныця, крышяныкъ ⁵⁾ и т. д. Очень

¹⁾ Очерки стр. 84.

²⁾ Напротивъ, г. Шахматовъ прекрасно подмѣтилъ, что это черта общерусская. См. его Исслѣдованія въ области русской фонетики, стр. 63—64.

³⁾ Срв. „Обмѣняный“—въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 года. См. Кіев. Стар. 1886, нб., 568.

⁴⁾ „Што было зложяне“—въ книгѣ гродской Луцкой 1596 г. Архивъ юго-зап. Россіи, т. I, ч. 3-я. К. 1863, стр. 92.

⁵⁾ „Кажаникъ“ въ Изборникѣ Святослава 1073 относится именно въ этому роду явленій.

вѣроятно, что въ такомъ образованіи страдательныхъ причастій мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ нефонетическимъ: какое-нибудь «зачыняный» (отъ «зачыныты») или «зминяный» (отъ «зминыты») могли образоваться подъ вліяніемъ глаголовъ пятаго класса («зачыныты», «зминяты»), послѣ чего и при «печеный» могло возникнуть «печаныый» (Ogonowskij: Studien, 109).

Изъ другихъ случаевъ чередованія *e* и *я* укажемъ слѣдующіе ¹⁾:

а) Послѣ шипящихъ. Часныкъ (галицкое чосныкъ, великорусское чеснокъ). Щабель. Очареть. (Руска Библиотека 1884, т. III, стр. XLI). Чарствый (Рудченко, II, 160). Чахоня (Surginus cultratus). Чапытыся (Жел.). Зацапка (у Іоанна Вышенскаго). Кочать (въ сказкѣ, записанной Костомаровымъ. «Саратов. малор. литер. сборн.» 1859, стр. 366). Шапыты (Желех.). Зацапка. Печарыця. Дочарми (въ дневникѣ Ханенка 1719 г. Кіев. Стар. 1896, июль—авг., 169) ²⁾. Жавриты. Аджа (на Волини) ³⁾. Жалаты. Жарнивы (у Квитки). Жавкаты. Жажкый (у Старицкаго очень часто вм. обычнаго «жежкый»). Шамранье (въ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Русск. Истор. Библ. VII, 1512). Чапыга (Кіев. Ст. 1900, февр., 258). См. еще стр. XVI.

б) Послѣ йоты. Явдокомь. Явтухъ. Явдоха. Явреи. Явхымъ ⁴⁾. Ядвабный (Чайковскій: Олюнька. Л. 1895, ст. 149). Ядвабье (Чайковскій: Въ чужимъ гнизди. Л. 1896, ст. 175). Ямлю ⁵⁾

¹⁾ При этомъ не будемъ дѣлать различія между *e*, которое происходитъ отъ стараго *ε*, и между *ѣ*, которое происходитъ изъ *ѣ*: въ совершенномъ языковомъ ихъ переходѣ въ *я*—одинъ, общій.

²⁾ Кстати отмѣтимъ еще Чарнятинци въ Ипат. Лѣт. 555.

³⁾ Именно съ этой фонемой слѣдуетъ сопоставлять старокіевское *ѣмъ жм* и также, вѣроятно, галицкое *ѣща*.

⁴⁾ Есть и въ дневникѣ Евлашевскаго подъ 1587-мъ г. Кіев. Стар. 1886 янв., 149.

⁵⁾ Срв. старокіевское „поимлються“. Довольно правдоподобно, что звукъ *я* развился здѣсь не фонетически, но подъ вліяніемъ неопр. наклоненія *яти*. Впрочемъ въ пользу фонетическаго образованія этого слова говоритъ форма слѣдующаго у насъ слова („ямъ“ изъ „ѣмъ“), которую едва ли можно объяснить путемъ аналогіи. Объяснить современное *ямлю* и *ямлити* иначе, чѣмъ изъ *емлю*, намъ кажется труднымъ.

=набираю), — откуда образовано и неопр. н—ніе „ямлыты“ (напр., у Макаровскаго въ „Наталѣ“: Наямлыла грушъ сушеныхъ, терну, сливъ въ базари). Ямъ (т. е. есмь, — Огоновскій: Studien 144). Якономія (очень часто у Чайченка-Гринченка). Ягыпетъ. Яхыдна. Ялыця, ялына, яловець (=можжевеликы). Ярема. Ярмола ¹⁾, Ярмолыци. Ярошь. Ярына. Ярусалымъ ²⁾, Ярусланъ (Гринченко: Этн. Мат. I, 189). Яретычый. Ясетръ. Ясокиръ. Суятытыся, суятный, суятъ ³⁾.

Послѣ л. Ляць ⁴⁾. Лядащый. Зблякнуты (=поблекнуть). Лягомыны (Шевченко, т. III, стр. 6) ⁵⁾. Лямпачи (Lehmpatze). Холяра (записалъ В. Охрымовичъ у гуцуловъ или бойковъ. Житѣе и Слово 1895, т. I, стр. 144; и у Франка: „Въ поти чола“, стр. 72). Облясныкъ (Тобилевичъ: Драмы и комедіи, II, 411). Пидлястытысь (Збирныкъ творивъ Кропывныцького, друге выдання, ст. 47). Скляпъ (склепка. Быть русскаго народа—Терещенко, 65; Чуб. III, 98). Глякъ (Жел. I, 143 и 145). Галляра (въ Подоліи. Кіев. Стар. 1884, сент. 59). Шпалары (Громада № 5, стр. 110, письмо изъ Полтав. губ.). Куляша (им. п.=кулеша. „Въ Карпатахъ“ Ив. Левицкаго. Львовъ 1885, стр. 50). Лягавый (лѣвниый, legawu). Голяныща. Малячъ. Даллячъ ⁶⁾. Плясканка (Жел. II, 662). Калѣндаръ (Руданскій, III, 139). Палыстына. Талѣры (им. множ., — „Богданъ Хмельныцькый“ Старыцького. Кіев. Стар. 1896, май, 280) ⁷⁾. Слово

¹⁾ См. въ Батуринской купчей 1671 г.—Кіев. Стар. 1883, июль, 509.

²⁾ Г. Соболевскій въ рецензіи на трудъ г. Шахматова отмѣчаетъ начертаніе Ярусалымъ въ Галицк. Еванг. Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 432.

³⁾ Въ полтавскомъ сборникѣ 1679-го года читаемъ: „суѣта суѣтствуи, всѣческѣа суѣта“ (Поповъ: Библиографическіе Матер., II, 69).

⁴⁾ Интересно, что Котляревскій въ изданіи Энеиды 1809-го года (ч. I, стр. 25), напечатавши „лещъ“ (съ е), считаетъ это за неправильность и, въ спискѣ опечатокъ, исправляетъ на „лящъ“. Но форма съ е также употребительна. См. Желех.

⁵⁾ Въ переводѣ (повѣсти „Художникъ“) А. Конисскаго.

⁶⁾ Срв. начертаніе „изъ даллячъ“ въ Галицкомъ ев., приписанное г. Соболевскимъ Кіеву.

⁷⁾ „Талѣрей“ въ записи Ивана Малашкевича 1735 года. Кіев. Стар. 1898, вб. II, 36.

„телеграмма“ произносить въ Кіевщинѣ „теляграма“; такъ набрано и въ газетѣ „Буковина“ (1897, № 175, стр. 2, столб. 3-й). Халѣта (записаль отъ галицкихъ крестьянъ Франко, Желех. II, 1033). Хлѣстаты, (въ Сѣдлецъ. губ.,—сообщ. Н. А. Янчукъ). Плякаты (Желех. II, 661). Коляйка (изъ польск. kolejka,—у Желех.). Alaxandra Skarżuńskiego (имя оврудцаго русина, писанное русиномъ же, въ жалобѣ 1648-го года. Архивъ юго-з. Россіи, т. I, ч. IV, 277).

в) Послѣ губныхъ. Грабѣяжливый (хищный). Любѣязный. Свяпка (Желех. 854). Лыпѣяшка (лепешка). П'ятербургъ (нѣсколько разъ наряду съ Петербургъ у Осташевскаго: Пивъ сотни казокъ. Кіевъ 1869, № 35). Мѣятлыця (метелыця,—у Желех.). Замѣятня (рѣдкое, у Желех., см. заметня). Схамѣянутыся (откуда, затѣмъ, схаманутыся, Жел.). Семѣянъ (=Семень См. Жытыє и Слово III, 305 и 307). Пымѣянъ (срв. Пимянъ въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 г. Кіев. Стар. 1886, ноябрь, 568).

г) Послѣ и. Жовняръ. Панянка. Сонячко. Поняхаты (Желех.). Унява (род. надежъ отъ Унивѣ, у Головацкаго,—см. Русалку Днѣстровую 122 № 9, и въ „Рускій Библиотеци“ III, 355). Сопротивнячыще (въ малорусской рукописи 18-го вѣка,—Гринченко: Этнографич. матеріалы II, 220) ¹⁾.

д) Послѣ зубныхъ. Навстѣжъ (Котляревскій, изд. Катранова, 130; Тобилевичъ: Драмы и Комедіи, II, 152; Гринченко: Этногр. Матер. I, 246). Сердѣячко (Жел. II, 861,=Herzchen). Тячынка (изъ тычинка, течынка,—Чубинскій IV, 281, № 711). Стабло (плетенка изъ стеблей. Стороженко II, 150). Застѣжка (застежка). Тясомка, тясмыця. Тябрычыты (изъ тебрычыты тербычыты. Номисъ, стр. 9, № 426).

е) Послѣ свистящихъ. Сячъ (у Верхратскаго,—см. Желех. II, 943, см. обычнаго сечь,—моча). Осятръ. Цявавый (изъ польскаго siekawu, Желех.).

¹⁾ Здѣсь я изъ неударнаго и, которое, какъ извѣстно, у малоруссовъ всегда сдѣшивается съ е.

ж) Послѣ *p*. Ряминь, ряминный (раминный у Руданскаго: «Царь-соловей», ч. II, гл. 1-я и гл. 3-я). Рамья (=ремье. Кулишъ: Иовъ, стр. 49: «ты зъ голого здѣймавъ остатнѣ рамья». Также у Квитки, по Желех.). Тряба (въ Житом. уѣздѣ, сообщилъ Е. К. Тимченко). Тралиственъное (въ вирпахъ буквинца В. Фирлеевича 1841 г.—см. статью проф. Смаль-Стоцкаго. «Буковына» 1897, № 138, стр. 3). Трямкый (Зоря 1896, стр. 249, изъ трымкый, черезъ тремкый). Гряхитъ (срв. *grzechotać*,—у Чайковскаго: «Въ чужимъ гнзидѣ», Льв. 1896, стр. 260). Дряготиты, дрягитъ, дряговына, дрягли (срв. Дреговичи и Дряговичи). Шкрябаты (гораздо чаще, чѣмъ шкребаты). Рандаръ (*arendarz*). См. еще стр. XVI.

Переходъ малорусскаго *e* (произносящагося твердо, за *э*) въ мягкій звукъ *я* есть, разумѣется, отголосокъ той старой эпохи, когда старорусское *є* еще не отвердѣло и произносилось за *je*. Но случается въ настоящее время, что малорусское *e* (*э*) переходитъ уже прямо въ *a*. Таковы, напримѣръ: Оксана (при Ксена), Мэхтодъ (Меодій), Харсонъ (Гринченко: Этн. Мат. II, 120), сардакъ, до табе, царква, тепар, манѣ (Огоновскій: *Studien*, 42), парыверненный (перевернутый), парысолёный (*Studien*, 207), вынъ идá (=идеть,—сообщилъ В. Щуратъ), хлопаць (=хлопецъ,—Огоновскій: *Studien*, 235), даццо (Желех.); по сообщенію Е. К. Тимченка, въ Житомирскомъ уѣздѣ вмѣсто звука *e* часто слышится звукъ, близкій къ *a*. Въ письмѣ В. Шевченка къ Т. Г. Шевченку село Кереловка наз. и Кареливка (Киев. Ст., 1904, февр., II, 62--63), что бываетъ тамъ и теперь.

Намъ не представляется необходимымъ уклоняться здѣсь слишкомъ въ сторону для освѣщенія всѣхъ этихъ фактовъ путемъ сравнительной филологіи и ссылокъ на старинные памятники ¹⁾: и безъ того читатель видитъ, что появленіе звука *я*

¹⁾ Если мы и дѣлали по временамъ ссылки на документы, то лишь мимоходомъ, случайно,—просто потому, что кое-какія показанія памятниковъ вспомнились сами собою. — Въ извѣстномъ количествѣ фактовъ, собранныхъ здѣсь нами, звукъ *я* можетъ еще быть объясненъ какъ явленіе нефонетическое, но для общей массы пригоденъ только тотъ законъ *пранорусской* фонетики, который предложенъ г. Шахматовымъ. (Исслѣдованія 62—64; Къ исторіи звуковъ—Извѣстія отд. русск. яз. Акад. Наукъ, 1896, кн. IV, стр. 732 и слѣд.). Рецензія г. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1894, апр., 431—432) не можетъ поколебать этого закона—особенно те-

вмѣсто *e*, считаемое г. Соболевскимъ (по незнанію малорусскаго нарѣчія) за немалорусскую черту, есть черта безусловно малорусская.

Итакъ въ Изборникахъ Святослава нѣтъ великоруссизмовъ. А какіе есть въ нихъ малоруссизмы?

Самой характерной особенностью современнаго малорусскаго нарѣчія—звуковъ *ô* и *ê* (т. е. уо, у, і, юо, ю, і, іе)—странно было бы и искать въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года. Откуда возникли малорусскіе *ô* и *ê*? Эти долгіе звуки (и ихъ позднѣйшій потомокъ—*і*) явились какъ результатъ паденія глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*,—какъ замѣнительная долгота. А вѣдь въ XI вѣкѣ глухія гласныя русскаго языка были въ полной сохранности,—обстоятельство, отмѣченное въ свое время г. Соболевскимъ ¹⁾ и особенно рельефно выдвинутое его ученикомъ г. Волковымъ ²⁾.—Для г. Соболевскаго видимымъ знакомъ замѣнительнаго удлиненія служило бы написаніе *ъ* вм. *ê*,—такое, какое бываетъ въ такъ называемыхъ «галицко-волинскихъ» памятникахъ со второй половины XII вѣка; разъ такого ятя въ Святославовыхъ Изборникахъ нѣтъ, г. Соболевскій отказывается считать старыхъ кievлянъ предками малоруссовъ. Ниже, въ главѣ пятой и шестой, мы покажемъ, что «галицко-волинское» написаніе *ъ* не есть выраженіе замѣнительной долготы; но если-бъ эта буква и въ самомъ дѣлѣ была обозначеніемъ

перь, когда г. Шахматовъ, въ дополненіе къ своимъ двумъ десяткамъ фактовъ можетъ воспользоваться тѣми полуторасти примѣрами, которые привели мы (число ихъ можетъ быть увеличено). Отмѣтимъ для свѣдѣнія г. Шахматова, что, по сообщенію г. Щурата, звукъ *e* переходитъ въ *a* преимущественно тогда, когда онъ оказывается подъ удареніемъ (срв. Огоновскаго Studien, 42).

¹⁾ Очерки, стр. 71.

²⁾ Къ исторіи русскаго языка. Ж. М. Н. Пр. 1894, янв., стр. 214—221. Памятники XI вѣка плохо различаютъ юсы, вводятъ въ церковно-славянскій текстъ русское полногласіе, *Ж* и *У* вм. *ЖД* и *ШТ* и т. д., а между тѣмъ строго и послѣдовательно пишутъ *ъ* и *ь*; ясно отсюда, что правильное употребленіе *ъ* и *ь* не могло быть результатомъ церковно-славянской традиціи, но было отраженіемъ факта живой рѣчи. „Но какъ только перейдемъ за рубежъ XI в.“ прибавляетъ г. Волковъ, „то начинають попадаться чистые вмѣсто глухихъ,—всѣдствие требованій живой рѣчи“.

замѣнительной долготы, то и въ такомъ случаѣ требованіе г. Соболевскаго крайне странно: едва успѣвши сказать, что до конца XI вѣка глухіе гласные еще не пали ¹⁾, т. е. другими словами, что „галицко-волинскаго ѣ въ XI вѣкѣ еще и не могло быть, г. Соболевскій требуетъ отъ Изборниковъ 1073 и 1076 года, чтобы въ нихъ попадалось „галицко-волинское“ ѣ ²⁾!—не то кіевляне XI вѣка будутъ для г. Соболевскаго предками великоруссовъ, а не малоруссовъ!

Другія, менѣе характерныя, но все таки очень выразительныя особенности малорусской рѣчи: смѣшеніе ѣ съ и, смѣшеніе и и ы и смѣшеніе в съ оу—въ Изборникахъ Святослава ужь отразились.

Вмѣсто ѣ мы находимъ и въ Изборникѣ 1073 года: видни л. 5; въ вѣри, л. 17 об.; оутишенія, л. 100; видаеши боудцащя, л. 124 об.; видыи 149; нимая 142; пламеннїе(ть) 153 об.; испили 162; многыи (вм. многыѣ) 253; Андрия ³⁾ 261 об.;

¹⁾ Это онъ сказалъ въ упомянутомъ мѣстѣ „Очерковъ“, печатаніе которыхъ закончилось только въ 1885-му году (последній листъ вышелъ въ февральской книгѣ „Университетскихъ Извѣстій“ 1885 года).

²⁾ Именно въ февралѣ 1885 года въ Ж. М. Н. Пр. Кстати отмѣтимъ, что г. Колесса въ своей статьѣ (Archiv XVІІІ, стр. 492) таки старается доказать, что въ Изборникѣ 1076 года есть „галицко-волинское“ ѣ: онъ его усматриваетъ въ „трѣзвѣнїиѣ“ и „прилѣжно“. Но видъ трѣзвѣнїиѣ прекрасно можетъ быть произведено отъ трѣзвѣти (тогда какъ трѣзвѣнїиѣ отъ трѣзвѣти), а въ прилѣжноѣ пишется ѣ иногда даже въ церковно-славянскихъ памятникахъ. Кто желаетъ искать въ Святославовыхъ сборникахъ „галицко-волинскаго“ ѣ, тому мы можемъ указать слѣдующія начертанія: сѣи (Изб. 1073, л. 47 а), бѣзмѣрноѣ (Изб. 1076 г., л. 237 а), бѣсѣда (тамъ же, л. 147 б), бѣжнѣго (1073 г., л. 24), иѣ дниѣ, въ ноштыѣ (тамъ же, л. 131 об.) Пожалуй, въ изд. Общ. Любит. Древ. Письменности нельзя найти двухъ изъ этихъ фактовъ (въ то изданіе внесены поправки издателей), но ѣ въ бѣжнѣго и иѣ дниѣ указано по подлинной рукописи Горскимъ и Невоструевымъ (Описаніе рукоп. Синод. библ. П, 394) и Буслаевымъ (Историч. Хрестом., 278 и 263).—Конечно, подобныя начертанія могутъ считаться за малорусскія только съ точки зрѣнія г. Соболевскаго; объ истинномъ ихъ значеніи мы будемъ говорить въ 6-й главѣ нашей работы.

³⁾ Что въ этомъ имени былъ въ старину ѣ, видно изъ малорусскаго Андрїѣ, Андрїи и т. д.

въразоумнѣе 263 об.; въ Изборникѣ 1076 года: вола ¹⁾ ѡи (вм. ѡи) л. 111 об.; въ мироу (хатѣ то мѣтров) л. 237 об. ²⁾.— Отсюда видимъ, что еще въ XI вѣкѣ старорусское ѡ (звучавшее, по многимъ признакамъ, какъ двугласный ѣе) частенько переходило у кievлянъ въ звукъ ѣ.

Само по себѣ, смѣшеніе ѡ съ ѣ не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе). Логика говоритъ, что, если древніе кievляне были предками малоруссовъ, то, допуская, смѣшеніе ѡ съ ѣ, они должны были тогда же произносить основное и подтверже, чѣмъ ѣ, и что, слѣдовательно, въ Изборникахъ Святослава мы смѣемъ искать смѣшенія и съ ѡ ³⁾. И оно дѣйствительно оказывается: неправди (Изб. 1073 г., л. 104 об., при сосѣднемъ начертаніи: неправды), запони (Изб. 1073, л. 116) ⁴⁾, милостива (Изб. 1076, л. 13 б., наряду съ милостыни, л. 13 а), осырѣмъ (Изб. 1076, л. 112 б., при сирота 192 б). Не такъ характерны: рѣба (Изб. 1073, л. 251, при рыба на томъ же листѣ), прикривае (1073 г., л. 185).

Замѣчается въ Святославыхъ Изборникахъ и смѣшеніе звуковъ ѣ и в,—смѣшеніе пока-что зачаточное: какъ разъ въ такихъ словахъ, гдѣ употребленіе предлога въ и оу не обуславливаетъ большой разницы въ смыслѣ. Такъ, въ Изборникѣ 1076 года

¹⁾ Въ подлинникѣ всѣ не йотированъ.

²⁾ Что «въ мироу» здѣсь значить „въ мѣру“, ясно изъ контекста: авторъ восхваляетъ „пятиѣ мѣрноѣ“ и находитъ, что люди, „отъ мѣру пьюще вино, лучше людей, безмѣрно пьющихъ воду.

³⁾ Допустить, что предки малоруссовъ, произнося ѡ за ѣ, могли въ то же время произносить ѡ какъ совѣтъ мягкій звукъ ѣ, вещь немислимая. Вѣдь если-бы ѡ и ѣ огожествились въ старину, то въ 14-му вѣку, когда у малоруссовъ ѡ и ѣ окончательно слились въ одинъ довольно твердый звукъ, ѡ также обратилось-бы въ твердый звукъ, и мы бы теперь говорили не „хлѣбъ“, но „хлѣбъ“.

⁴⁾ Въ виду этого окончанія ѡ, Милошачъ (Lexicon, стр. 215) рѣшилъ обозвать имен. пад. ед. числа не „запона“, но „запонъ“ (слово, нигдѣ не встрѣчающееся). Однако, Востоковъ въ своемъ словарѣ не сдѣлалъ чего-нибудь подобнаго. Въ словарѣ Срезневскаго форма „запонъ“ приводится съ ссылкой на Милошача а самъ Срезневскій понималъ ѡ въ данномъ начертаніи Святослава Изборникъ какъ результатъ смѣшенія ѡ и ѡ. (Славяно-русская палеографія. Сиб. 1885, стр. 115)

мы съ одной стороны находимъ: оугодивъ 130 б., оугодить 168—169, оугодьна 74 а, а съ другой стороны на томъ же 74-мъ листѣ—въгодити. При оучиненъ (Остром. Еванг. = *tasso-menos*) видимъ въ Изборникѣ 1976 года: въчиненъ 218 а. При въселися 82 а-б, въселою 115 б. находимъ: оуселихъ 81 б., оуселиться 168 б. ¹⁾ То же явленіе въ Изборникѣ 1073 года: оуселатся (л. 36 и 37), оуселенамъ (л. 9 об. и 78 об.), оуселѣ-вѣи (л. 48 об.), оуселенные (л. 23); въгодити 91 об., въгожьша, въгаждали (тамъ же), въгодно (л. 35, 82); въчипены (95 об., 97 об.) ²⁾.

Читатель видитъ, что въ Изборникахъ Святослава доста-точно ясно отразилась малорусская рѣчь,—конечно, не наша современная, а только такая, какая была у малорусскихъ пред-ковъ въ XI вѣкѣ. Очевидно, что будь у насъ кievскіе памят-ники отъ второй половины вѣка XII и отъ вѣка XIII, въ нихъ бы все съ большей и большей рельефностью выступали мало-русскія черты. Къ сожалѣнію, кievскихъ памятниковъ XII—XIII вѣка, достовѣрныхъ хоть сколько-нибудь, нѣтъ у насъ ни одного, а тѣ десять рукописей XII—XIII вѣка, которыя Г. Со-болевскій рѣшилъ приписать Киеву и въ которыхъ онъ не могъ усмотрѣть никакихъ малорусскихъ особенностей, отнесены имъ

¹⁾ Срв. введеніе Шимановскаго къ первому изданію Сборника 1076-го года стран. 54.

²⁾ Г. Соболевскій отказывается видѣть здѣсь смѣшаніе В и У и говорить, что во **ВЪГОДНѢ** начальное **ВЪ** надо понимать какъ особый предлогъ, а не какъ фонетическую заимку предлога **ОУ**, и т. д. Но Срезневскій (Палеографія, 115) и Ягичъ (Критич. замѣтки, 84), филологическій авторитетъ которыхъ всякій, понят-но, поставитъ несравненно выше авторитета Г. Соболевскаго, видятъ въ данныхъ случаяхъ какъ-разъ смѣшеніе **ВЪ** и **ОУ**. Г. Соболевскій для доказательства вѣрности своего утвержденія ссылается на то, что и въ староцерковныхъ памятникахъ пова-даются подобныя же начертанія, — напр. **ВЪГОДННКЪ** въ Супрасльской рукописи (Древній церковно-слав. языкъ, стр. 29). Но отсюда слѣдуетъ только то, что въ дошедшихъ до насъ староцерковныхъ памятникахъ также есть смѣшеніе **ВЪ** и **ОУ**. И дѣйствительно, въ той самой Супрасльской рукописи, гдѣ есть **ВЪГОДННКЪ** есть также **ОУ ОСТАТЬКЫ** 321¹⁵, **ВЪРАЖДѢННЮ** 416¹.

въ Кіеву совсѣмъ произвольно: или безъ всякой мотивировки, или съ такой мотивировкой, которая противорѣчитъ основнымъ правиламъ логики. Эти десять памятниковъ слѣдующіе: 1) Пандекты Антіоха XI—XII в., 2) Мстиславова евангеліе начала XII в., 3) Юрьевское евангеліе 1119—1128 г., 4) Юрьевская грамота ок. 1130 г. (аттестуется, какъ „самый авторитетный“ памятникъ), 5) Успенскій Сборникъ XII—XIII в., 6) Архангельское евангеліе XII—XIII в., 7) Румянцевская Лѣствица XII—XIII в., 8) Сказаніе Ипполита объ антихриствѣ XII—XIII в., 9) Оршанское евангеліе XIII в. и наконецъ 10) Тріодь новгородца Моисея Кіянина XII—XIII в.,—второй „самый авторитетный памятникъ“. Посмотримъ, годятся ли они для изученія кіевской грѣчи.

1) *Пандекты Антіоха XI—XII вѣка*¹⁾. Мѣсто написанія не отмѣчено, и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы рукопись когда-либо находилась на югѣ. Почему г. Соболевскій считаетъ Пандекты за памятникъ кіевскій, не извѣстно²⁾. Въ языкѣ Пандектовъ есть одна особенность, чуждая Святославовымъ Изборникамъ и переносищая насъ на сѣверъ,—смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ: црѣньць 84 и 98³⁾, съпѣтъная 53 (наряду съ обычнымъ шьпѣтаніе, шьпѣтъникъ и т. д.). Эта черта, въ связи со смѣшеніемъ ѣ и м⁴⁾, вполне подтверждаетъ наблюденіе архим. Амфілохія, что Пандекты писаны въ Новгородской области. Замѣчается также употребленіе ѣ, а не є въ сѣдѣ 26, 69, отъсѣдѣли 53,—уцотребленіе, которое и г. Соболевскій

¹⁾ Обширныя извлеченія изданы архимандритомъ Амфілохіемъ въ М. 1880: „Исслѣдованіе о пандектѣ Антіоха XI в.“ Въ томъ же году имъ изданъ „Словарь изъ Пандекта Антіоха“

²⁾ Онъ просто говоритъ: „Пандекты Антіоха, писанныя едва ли не въ Кіевѣ“. Лекція, 1-е изд., стр. 11, 2-е изд. стр. 12.

³⁾ Цифра указываетъ страницу „Исслѣдованія“ Амфілохія.

⁴⁾ Видимыя є 64, иѣсть 6⁹, пѣва ыє 95 (μελωδία), въ грѣчи 95.

признаеть за невозможное для кievскихъ памятникoвъ ¹⁾. Какъ же изучать кievскую рѣчь по новгородскому памятнику? Каковы-то будутъ результаты такого изученiя?

2) *Мстиславово евангелiе* (до 1117 г.) Изъ приписки ²⁾ видно, что оно писано Новгородскому князю Мстиславу для Новгородской Благовѣщенской церкви. Тѣмъ не менѣе г. Соболевскiй по немъ изучаетъ кievское нарѣчiе! Пока у него не явилось желанiя обратить кievлянъ въ великоруссовъ, онъ заявлялъ, про *Мстиславово евангелiе* писано несомнѣнно въ Новгородѣ ³⁾.

3) *Юрьевское евангелiе* 1119—1128 г. Приписка свидѣтельствуетъ, что оно написано между 1119—1128 г. монахомъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, для монастырскаго употребленiя. Писано не тщательно, а потому оказались въ немъ новгородскiя особенности: мѣна ѡ и н, мѣна у и ц, мѣна въ и оу; отъ оумити будущее время оумѣж (срв. соврем. умью). ⁴⁾ Но г. Соболевскому необходимо было обратить кievлянъ въ великоруссовъ, и потому онъ рѣшилъ считать Юрьевское евангелiе за памятникъ кievскiй.

¹⁾ Лекцiи, 1-е изд., стр. 37; 2-е изд. стр. 64; срв. Исслѣдованiя въ области русской грамматики, В. 1881, стр. 2.

²⁾ См. у Срезневскаго: Древнiе памятники русскаго письма, СПб. 1882, ст. 49; Палеографiя, стр. 142—146.

³⁾ Исслѣдованiя, стр. 4.

⁴⁾ См. Срезневскаго: Древнiе памятники, 2-е изд., 50; его же: Палеографiя, 146—148; Амфилохiй: Описанiе Юрьевскаго евангелiя, М. 1877; вкратцѣ евангелiе характеризуемо у Воскресенскаго: Евангелiе отъ Марка, Сергiевъ посадъ 1894, стр. 41.

4) *Юрьевская грамота* (1128—1132 г.), т. е. дарственная грамота князей Мстислава и Всеволода¹⁾, данная новгородскому Юрьевскому монастырю. Срезневскій (въ 1861 г.), принимая въ соображеніе, что грамота дана не только отъ имени новгородскаго князя Всеволода, но и отъ имени кievскаго князя Мстислава, дѣлаетъ предположеніе, что она написана въ томъ году, когда оба князя сошлись вмѣстѣ, т. е. въ 1130-мъ г.; по лѣтописи, это было въ Кіевѣ. Попятно однако, что Мстиславъ могъ совершить даръ и заочно, а Всеволодъ, давая грамоту въ Новгородѣ, все таки долженъ былъ упомянуть имя Мстислава. Поэтому гипотеза Срезневскаго не имѣетъ неоспоримой убѣдительности, и г. Соболевскій въ 1881-мъ году утверждалъ, что Юрьевская грамота «писана несомнѣнно въ Новгородѣ»²⁾. Но когда г. Соболевскій задумалъ обратить старыхъ кievлянъ въ немалоруссовъ, онъ рѣшилъ воспользоваться догадкой Срезневскаго и торжественно заявилъ: „по даннымъ, собраннымъ И. И. Срезневскимъ, грамота писана въ 1130-мъ году въ Кіевѣ“³⁾. Можно подумать, что Срезневскій произвелъ въ послѣдствіи цѣлыя новыя изслѣдованія для подтвержденія своей скромной гипотезы 1861-го года, которыя ужъ не могли не переубѣдить г. Соболевскаго!

Съ своей стороны г. Соболевскій выставляетъ одну такую черту правописанія Юрьевской грамоты, которая будто бы свойственна только кievскимъ памятникамъ и совершенно не свойственна новгородскимъ. Эта черта—постановка буквы о вм. ѣ передъ слѣдующимъ о: изоостанеть. Но развѣ въ кievскихъ Святославовыхъ Изборникахъ есть такая особенность?—Нѣтъ, въ нихъ такого оо нельзя найти. Эта особенность извлечена г. Соболевскимъ изъ Успенскаго Сборника XII в. и изъ Тріоди новгородца Моисея Кіяннина XII—XIII в.,—памятниковъ, кiev-

¹⁾ Г. Соболевскій въ своихъ „Лещцахъ“ изгналъ общепотребительное названіе этой грамоты „Юрьевская“, равно какъ забываетъ упомянуть имя новгородскаго князя Всеволода. Онъ называетъ эту грамоту просто грамотой Мстислава.

²⁾ Изслѣдованія, стр. 4.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1885, февр., стр. 352.

ское происхождение которых—болѣе чѣмъ сомнительно; въ нихъ-то есть: изо олгара ¹⁾, изо о(ть)ца 42, 62, 79, 102, изобильно 101 об., безо о(ть)ца 123 и др. Ужь одно то обстоятельство, что указанный признакъ попадается въ рукописяхъ сомнительныхъ и отсутствуетъ въ подлинныхъ кievскихъ (Изборникахъ 1073 и 1076 г.), служить доказательствомъ, что онъ не можетъ быть сочтенъ за кievскую примѣту. А кромѣ того мы можемъ указать г. Соболевскому еще цѣлый рядъ памятниковъ не кievскихъ, въ которыхъ вмѣсто ѡ пишется оо. Въ новгородской Миней 1096-го г.: изобразилъ (окт. 56), изобрѣтоша (сент. 106). Въ словахъ Григорія Богослова XI в.: изо обож 154 Ѣ, безо о(ть)ца 148. Въ Рязанской кормчей 1284 года: безообразия, л. 119. Въ Новгородскихъ Пандектахъ Никона Черногольца 1296 года: со ороужьи 141 об., ко обожимъ 144 об. ²⁾. Въ бѣлорусскомъ ³⁾ Житиі Саввы Освященнаго XIII в.: безо оуса 391, безо оуспѣха 503, прѣдо олтаремъ 453. Въ грамотѣ полоцкаго епископа Іакова около 1300 г. ⁴⁾: во отца. Въ лѣтописи Лаврентьевской: во о(ть)ца 77, ко ѡ(ть)цю 62, ко ѡлгови 17, со ѡгнемъ 20. Въ Ипатьевской изоострился 540 (подъ 6759 г.). Въ Никоновской: изооруживъ (собр. лѣт., VII, 340). Въ Псковской I: воополчився (подъ 6831 г.). Въ договорѣ 1437 года Бориса Александровича Тверского съ Витовтомъ ⁵⁾: со ѡ(ть)чиною (два раза), во ѡ(ть)чинѣ. Въ Пансіевомъ Изборникѣ XV вѣка ⁶⁾: изобретоно. Очевидно, такихъ примѣровъ можно подыскать въ русскихъ памятникахъ множество; мы ограничились тѣми двадцатью двумя, которые были намъ ужь извѣстны, но и это количество показываетъ, что начертаніе оо вмѣсто ѡ, неизвѣстное кievскимъ сборникамъ 1073—1076 г., встрѣчается всюду (преимущественно въ Новгородѣ) и не даетъ права и Юрьевской грамотѣ считаться за кievскую.

¹⁾ Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древностей 1870, № 1, 11 об.

²⁾ Интересно, что оба эти случая извѣстны и г. Соболевскому. Лекціи стр. 50

³⁾ Галицко-волынскомъ, по увѣренію г. Соболевскаго.

⁴⁾ По Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 421.

⁵⁾ Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки, т. II, стр. 215.

⁶⁾ Въ Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 528.

Впрочемъ, если догадка Срезневскаго вѣрна и грамота писалась дѣйствительно въ Кіевѣ 1130-го года, то и въ такомъ случаѣ она еще можетъ быть памятникомъ не кіевскимъ. Вѣдь когда Всеволодъ пріѣхалъ въ 1130-мъ году погостить въ Кіевъ, то были же съ нимъ новгородскіе спутники? Одинъ изъ нихъ могъ написать грамоту,—напримѣръ, какой-нибудь монахъ Юрьевскаго монастыря, въ интересахъ котораго и составлялась грамота ¹⁾).

Значитъ, Юрьевская грамота не только не заслуживаетъ эпитета, даннаго ей г. Соболевскимъ: „самый авторитетный памятникъ кіевскаго говора“, но напротивъ—оказывается совсѣмъ не авторитетнымъ. Пользоваться ею для рѣшенія серьезныхъ діалектологическихъ вопросовъ—по меньшей мѣрѣ, неблагоприятно. Великоруссизмовъ-то, во всякомъ случаѣ, въ ней нѣтъ, какъ нѣтъ и малоруссизмовъ ²⁾).

5) *Успенскій Сборникъ XII—XIII вѣка*, гдѣ переписаны произведенія Нестора (составленныя лѣтъ пятнадцать спустя послѣ Изборниковъ Святослава). Мѣсто переписки не отмѣчено. „Откуда былъ родомъ Несторъ—не извѣстно“, говоритъ г. Соболевскій ³⁾, „но нѣтъ основанія считать его не кіевскимъ уро-

¹⁾ Последній резонъ долженъ имѣть сугубо убѣдительную силу собственно для г. Соболевскаго. Вѣдь, по его мнѣнію, Апостолъ 1307 года, написанный для Псковскаго монастыря, долженъ *потому* считаться памятникомъ псковскаго говора. По той же причинѣ въ памятнику псковскаго говора г. Соболевскимъ отнесены и Прологъ 1333 года. См. его Очерки, ст. 142.

²⁾ Въ Юрьевской грамотѣ есть извѣстная доза церковно-славянщины, что ужъ отмѣчено Буславичемъ (Ист. Хрест., 347). Къ числу славянизмовъ относится чертаніе ѣ вм. ѣа БРАТНѢ, —черта, которую г. Соболевскій, въ противоположность Буславу, объясняетъ произношеніемъ ѣ какъ е! Звательный падежъ этого слова очень часто сходенъ въ древнихъ памятникахъ съ падежемъ именительнымъ напр. въ XIII словахъ Григорія Богослова XI в., 291; въ Арханг. Еванг. 1092 года, л. 174—175 (Амфилохій: Описаніе Евангелія 1092-го года, стр. 4).

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1865, февр., 354.

женцем". Конечно, нѣтъ основанія, но вѣдь въ Сборникѣ помѣщены его произведенія не въ оригиналѣ, а въ болѣе позднемъ спискѣ, изготовленномъ не извѣстно гдѣ. Списки, вообще, довольно вѣрно отражаютъ только тѣ стороны оригинала, которыя при списываніи не такъ легко поддаются бессознательному извращенію, напримѣръ,—лексическую часть; такъ, и Успенскій сборникъ сохранилъ малоруссизмы Нестора;—въ родѣ слова пригърца 29 б.; что же касается чертъ правописанія, то разумѣется, нѣкоторыя могутъ перейти изъ оригинала въ копію 1); но вообще переписчики очень многое измѣняютъ въ правописаніи и вносятъ черты своего собственнаго говора. Все это—вещи, вполне извѣстныя г. Соболевскому, и не будь онъ ослѣпленъ тенденціей—онъ никогда не рѣшился бы назвать Успенскій сборникъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ для знакомства съ кievскимъ говоромъ домонгольской эпохи“ 2). Опять намъ вспоминается предчувствіе Потебни: „предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора“.

Г. Соболевскій говоритъ, что онъ причисляетъ Успенскій сборникъ къ кievскимъ памятникамъ „вмѣстѣ съ г. Ягичемъ“. Рѣчь идетъ о „четырехъ палеографическихъ статьяхъ“ г. Ягича 3); въ нихъ говорится объ Успенскомъ сборникѣ на стра-

1) Напримѣръ, окончаніе ТН вмѣсто Ть (передъ слѣдующимъ Н), часто встрѣчающееся въ кievскихъ Изборникахъ Святослава, могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ предполагаемаго кievскаго оригинала; впрочемъ это ТН подается и въ галицкихъ, и въ смоленскихъ, и въ новгородскихъ памятникахъ. Могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ кievскаго оригинала смѣшеніе Ы и Н, извѣстное Святославовымъ Изборникамъ. Такъ, уже г. Шахматовъ (Archiv, VII, 77.) отмѣтилъ въ житіи Феодосія по Успенскому списку: тН (—тн) и см (им. сЫ; пожалуй, во второмъ начертаніи можно видѣть не СЫ, а СЫН, съ пропускомъ средней буквы). Также—смѣшеніе БЪ и ОУ въ словѣ БЪГОДЪНИКЪ.

2) Ж. М. Н. Пр., 1885, февр., стр. 351.

3) Въ 33-мъ томѣ сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 1884 г.

ницѣ 95-ой. Но г. Ягичъ не называетъ Успенскаго сборника прямо кievскимъ: онъ въ немъ видитъ черты малорусскія и называетъ его „южнорусскимъ“, что можетъ означать и кievскій, и галицкій, и волыньскій. Это одно. Во-вторыхъ, въ чемъ видитъ г. Ягичъ южнорусскую черту Успенскаго сборника? Въ окончаніи *хоуѣ* имперфекта ¹⁾. Будь эта черта даже дѣйствительно южнорусской, то и въ такомъ случаѣ нельзя опредѣлить, переписчикъ ли внесъ ее отъ себя, или же она была заимствована изъ кievскаго оригинала. Но вѣдь она встрѣчается и въ памятникахъ новгородскихъ. Г. Соболевскій началъ свою статью (направленную противъ г. Ягича) заявленіемъ, что окончаніе *хоуѣ* не относится къ числу характерныхъ особенностей южнорусскихъ говоровъ ²⁾. Но черезъ нѣсколько страницъ онъ „вмѣстѣ съ Ягичемъ“ называетъ Успенскій сборникъ кievскимъ памятникомъ.

Отъ себя г. Соболевскій указываетъ въ Успенскомъ сборникѣ „спеціально кievскую особенность: вставочное *о* въ *золодѣи*“. Правда, въ Изборникѣ Святослава 1073 года попадаетъ *о* въ *золоба*,—возможно, что и Несторъ такъ писалъ; но вѣдь ясно, что будь это „вставочное“ *о* въ самомъ дѣлѣ *исключительно* особенностью кievскою, присутствіе ея въ Успенскомъ Сборникѣ, въ этой *копи*, все таки нисколько не говоритъ въ пользу кievскаго происхожденія *кописта*. Однако г. Соболевскій ошибается, называя „вставочное“ *о* въ *золодѣи* *спеціально* кievскою чертою: оно встрѣчается въ разнообразныхъ русскихъ памятникахъ,—напримѣръ въ новгородскихъ Пандектахъ Антіоха XI вѣка: съ *золобож* 288, *золѣж* ³⁾, въ новгородскомъ Евангелии XIV в. *золыи* ⁴⁾, въ Часословѣ XIV в. („галицко-волынскомъ“ по Соболевскому) *бе золоби* ⁵⁾; у Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна Экзарха: *золяще хакіζонтес* ⁶⁾.

¹⁾ По крайней мѣрѣ другихъ ревоновъ онъ не приводитъ.

²⁾ Ж. М. Н. Просв. 1885, февр., ст. 349.

³⁾ См. Словарь Срезневскаго 995 и Миклошича 233.

⁴⁾ Куриляновъ: Обзоръ пергаменныхъ рукописей новгородской Софійской библиотеки, № XXI. СПб. 1857 (или въ извѣстіяхъ VI, 278).

⁵⁾ „Очерки“ Соболевскаго, 46.

⁶⁾ Словарь Востокова 142 а.—Кромѣ того см. данныя въ Словарѣ Срезневскаго, стр. 1003.—Повидимому, сюда относится и современное малорусское слово: „зологъ“ (Желех. 312), означающее самый большой пунитъ раны, опухоли и т. п.

Итакъ, Успенскимъ Сборникомъ XII—XIII вѣка если и можно пользоваться для изученія жѣвскаго говора, то только для говора временъ Нестора (до 1091-го года), да и то съ величайшей осторожностью; а предполагать, чтобы переписчикъ XII—XIII в. былъ кievлянинъ, нѣтъ никакихъ основаній.

Самъ г. Соболевскій, съ теченіемъ времени, все больше и больше умѣрялъ свое сужденіе насчетъ Успенскаго Сборника: въ 1885-мъ году онъ его считалъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ“, въ 1888-мъ году—„едва ли не кievскимъ“, а въ 1891-мъ году—ужь просто русскимъ, безъ болѣе подробнаго опредѣленія.

6) *Архангельское евангеліе*. Извѣстно, что въ немъ (изъ 178 листовъ) надо отличать: а) вторую часть, писанную въ 1092-мъ (или 1097-мъ) году двумя писцами—Мичькою и пресвитеромъ ... томіемъ (л. 77—176) и б) первую часть (л. 1—76), писанную по разслѣдованію академика Бычкова, „въ концѣ XII-го, если не въ XIII вѣкѣ“¹⁾. Болѣе древнюю часть (1092 года) г. Соболевскій признаетъ за новгородскую²⁾, а болѣе позднюю часть (XII—XIII в.) предлагаетъ считать за кievскую и включаетъ въ число источниковъ для изученія старокievскаго говора³⁾. Діалектологическихъ описокъ Архангельское евангеліе XII—XIII в. даетъ слишкомъ мало: среди церковнаго языка и церковнаго правописанія попадаются, конечно, руссизмы, но все такіе, которые одинаково встрѣчаются и въ малорусскихъ, и въ бѣлорусскихъ, и въ великорусскихъ памятникахъ; харав-

¹⁾ Сборникъ Акад. Наукъ, т. 17-й, стр. XXXV. Мнѣ доступно было еще „Описаніе еванг. 1092-го г.“ архим. Амфилохія (М. 1877). Дѣя сраницы посвящено этому евангелію у Воскресенскаго: „Евангеліе отъ Марка“ (Сергіевъ Посадъ, 1894, стр. 15).—Кромѣ названныхъ двухъ частей, рукопись имѣетъ въ концѣ еще два листка, принадлежащіе опять другимъ писцамъ.

²⁾ Исслѣдованія въ области русской грамматики. Варш. 1881, стр. 2.—Г. Колесса не обратилъ на это вниманія и старается доказать (стр. 500), что въ этой (новгородской!) части есть малоруссизмы.

³⁾ Ж. М. Нар. Пр. 1895, февраль, стр. 356.

тервіе прочихъ чертъ—смѣшеніе ж и и¹⁾),—черта, которая дѣйствительно была свойственна старому Києву (какъ видно изъ Святославовыхъ сборниковъ), но и она мало характерна, потому что, кромѣ Києва, она была свойственна и Галичинѣ, и Волыни, и сѣверной Руси. На рукописи Архангельскаго евангелія нѣтъ ни одного замѣчанія, говорящаго о Києвѣ. Быть можетъ, оно какъ разъ галицкое! (Антималоруссизмовъ въ немъ нѣтъ).

7) *Румянцевская лѣтвица XII—XIII в.* О ней Срезневскій говорить: „Это—произведеніе, важное потому, что въ немъ русскій переписчикъ сохранилъ древнее правописаніе нерусскаго подлинника“²⁾. Другими словами, для русской діалектологіи этотъ памятникъ вообще не пригоденъ. О Києвѣ въ немъ ничто не говоритъ, и мы нивачто не могли понять, почему это г. Соболевскій можетъ считать данный памятникъ за кievскій, если бы самъ г. Соболевскій не потрудился объяснить того принципа, которымъ онъ руководится при классификаціи рукописей. Вотъ его точныя слова: „Для знакомства съ древнекиевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни новгородскихъ, ни галицко-волынскихъ особенностей“³⁾. По этому интересному принципу можно искать кievскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, смѣло заявлять, что старокievскій говоръ былъ великорусскій.

¹⁾ По описанію архим. Амфилокіа можемъ отнѣсти: «Идѣла (стр. 9, м. «дѣла), ж (абѣоу, стр. 10), гадарѣнскоу (стр. 17), въ приѣ (стр. 19); впрочемъ, быть можетъ, эта послѣдняя форма произведена отъ именит. наѣжа „дѣржа“).

²⁾ Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-е изд. Спб. 1882, стр. 121.

3) Ж. М. Нар. Пр. 1885, февр., стр. 356.

8) *Сказаніе Ипполита объ Антихристѣ XII—XIII в.* ¹⁾. Въ настоящее время рукопись находится въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, а попала туда не позже, чѣмъ при Димитріи Донскомъ ²⁾. На оборотѣ перваго листа помѣщено, съ церковью въ рукахъ, изображеніе святаго псковскаго князя Всеволода-Гавріила ³⁾, строителя многихъ церквей въ Новгородѣ и Псковѣ, умершаго въ 1132-мъ году; въ 1192-мъ году обрѣтены его негнѣнныя мощи ⁴⁾. И эту то рукопись, явно относящуюся къ произведеніямъ Новгорода или Пскова и ничего не говорящую о Кіевѣ, г. Соболевскій считаетъ критеріемъ для сужденія о кіевскомъ говорѣ ⁵⁾!

9) *Евангеліе Церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи, XIII в.* Болѣе короткое его названіе—*Оршанское евангеліе*. Пожертвовано оно въ музей помѣщикомъ Меленевскимъ, которому оно досталось изъ разнато хлама церковныхъ вещей и бумагъ, выброшенныхъ французами изъ монастырей г. Орши Могилевской губерніи послѣ разграбленія этихъ монастырей въ войну 1812—1814 года ⁶⁾; значитъ, найдено оно въ Бѣлоруссіи. Палеографическія особенности Оршанскаго еван-

¹⁾ Издано Невоструевымъ: „Слово святаго Ипполита объ Антихристѣ“ (М. 1868) и Срезневскимъ въ „Отчетѣ о 15-мъ присужденіи наградъ графа Уварова“ (Сиб. 1874, стр. 140—362).

²⁾ См. приписку, сообщенную у Невоструева, стр. 3.

³⁾ Срезневскій: Свидѣнія и замѣтки, т. I, № XIV, стр. 47. Невоструевъ, стр. 2—3.

⁴⁾ Невоструевъ, стр. 3.

⁵⁾ Г. Соболевскій, какъ на образецъ чертъ кіевскаго говора, указываетъ въ Словѣ Ипполита на три особенности. (Ж. М. Н. Пр. 1885, февраль, 356). Но эти всѣ три особенности отмѣчены бывали самимъ г. Соболевскимъ и въ псковскихъ памятникахъ, а именно: 1) *с* *ви*. *л* и наоборотъ самъ г. Соболевскій включилъ въ число „видныхъ псковскихъ особенностей“ (Очерки, 145); 2) *и* *ви*. *ъ* отмѣчается г. Соболевскимъ почти въ каждой псковской рукописи (Очерки 120, 123, 126, 129, 133, 137, 141); 3) *о* *ви*. *е* послѣ шипящихъ и *ц*—также (Очерки 130, 133).

⁶⁾ Г. Крыжановскій: Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Кіевъ 1889, стр. 3.

Гелія, по наблюденію г. Крыжановскаго, приближаютъ Оршанское евангеліе къ новгородской Кормчей около 1281 года, рязанской Кормчей 1284 года, западно-русской Псалтири 1296 г. Патерику Скитскому 1296 года, грамотѣ смоленскаго князя Александра 1297—1298 г., рядной грамотѣ Тѣшаты до 1299-го года и друг. ¹⁾, т. е. въ памятникамъ, далекимъ отъ Кіева. „Изслѣдуя языкъ Оршанскаго евангелія“, говоритъ г. Крыжановскій, „мы видимъ въ немъ множество руссизмовъ, но недостаточно опредѣленныхъ. Преобладающій элементъ, впрочемъ, великорусскій (сѣверно-русскій или вѣрнѣе — бѣло-русскій“ ²⁾). Въ немъ есть аканье ³⁾, но „прежде всего обращаетъ на себя вниманіе употребленіе *и* вмѣсто *ч* и наоборотъ“ ⁴⁾, — черта, неизвѣстная кіевскимъ изборникамъ Святослава. Г. Крыжановскій добавляетъ наконецъ, что противъ южно-русскаго происхожденія Оршанскаго евангелія говорятъ и календарныя особенности рукописи: „Нужно замѣтить, что мѣсяцесловъ Оршанскаго евангелія — одинъ изъ полнѣйшихъ между древними русскими мѣсяцесловами. Не смотря на это, въ немъ не упоминаются многіе изъ такихъ южныхъ праздниковъ и святыхъ, которые часто встрѣчаются въ памятникахъ не только южно-русскаго, но и сѣверно-русскаго письма. Такъ, въ немъ не упоминаются: Феодосій, игумень печерскій (3 мая), Перенесеніе его мощей (31 мая), Освященіе храма пресвятой Богородицы въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ (12 мая), Кириллъ, учитель славянскаго языка (14 февраля). Память Кирилла и Меѳодія не показана въ мѣсяцесловѣ ни разу, а праздникъ въ честь кн. Владиміра, онущенный въ текстѣ, дописанъ потомъ сбоку, на полѣ (15 іюля). Напротивъ, въ мѣсяцесловѣ упоминается *Обрѣтеніе честнаго тѣлесе св. Леонтія, епископа Ростовскаго* (24

¹⁾ Тамъ же, стр. 22.

²⁾ Стр. 24.

³⁾ Со ароматы, Дреста. Патапи. См. назв. изслѣдованіе г. Крыжановскаго, стр. 24.

⁴⁾ Назв. сочиненіе, стр. 24. Можно показать, что г. Крыжановскій не позабылся, для большей наглядности, переписать случаи такого смѣшенія шиплящихъ.

май),—праздникъ, установленный, можно думать, въ концѣ XII в., но во всеобщее употребленіе вошедшій много спустя, такъ-какъ, по свидѣтельству историковъ, первоначально имѣлъ только мѣстное значеніе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣсяцеслововъ Московской Синодальной бібліотеки, Румянцевскаго музея и другихъ книгохранилищъ этотъ праздникъ упоминается только въ двухъ: въ мѣсяцесловѣ при Евангеліи XVI в. Москов. Синод. бібліотеки ¹⁾ и при Апостолѣ XVI в. той же бібліотеки ²⁾. Естественно поэтому думать, что Оршанское евангеліе писано гдѣ нибудь на сѣверѣ или сѣверо-западѣ въ XIII вѣкѣ ³⁾.

Обратимся наконецъ къ десятой рукописи, къ той рукописи, которую г. Соболевскій относитъ къ числу „самыхъ авторитетныхъ“ ⁴⁾ памятниковъ кievскаго говора домонгольскаго періода. Это—

10) Новгородская *Триодъ Моисея Кіяннина* XII—XIII в. Слово „Кіяннинъ“ можетъ имѣть два значенія: во-первыхъ, оно можетъ означать „кievлянинъ“, во-вторыхъ, оно можетъ быть именемъ не то некалендарнымъ личнымъ (равносильнымъ крестному „Иванъ“, „Петръ“, „Моисей“), не то прозвищемъ или именемъ фамильнымъ у людей, которые вовсе и не жили въ Кіевѣ ⁵⁾. Такъ какъ Моисей (это видно изъ записи) былъ нов-

¹⁾ Описаніе рукописей Московской Синодальной бібліотеки, отд. I, стр. 339.

²⁾ Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV вѣка.—Воскресенскаго, стр. 179.

³⁾ Крыжановскій, названное сочиненіе, стр. 26—27.

⁴⁾ Лекція, изд. 2-е, стр. 40.

⁵⁾ У сѣверскаго князя Святослава Всеволодовича былъ бояринъ, по имени Кіяннинъ, и только подъ этимъ однимъ именемъ, безъ прибавки всякаго другого имени, онъ упоминается (Ипат. лѣт. 341) въ перечнѣ пословъ, гдѣ остальные послы названы Гаврило, Онофрій, Жарославъ и т. п.;—ясно, что и Кіяннинъ было здѣсь имя личное, изъ разряда т. п. некалендарныхъ, вродѣ Черемисинъ Ивановичъ, Чувашичъ Мироновичъ и т. п.—Когда устанавливалась Русская Правда дѣтьми Ярославомъ, тогда на сѣвѣдѣ былъ переславецъ Мнѣмфоръ Кіяннинъ; это „Кіяннинъ“ очень похоже на имя фамильное или на прозвище (или опять таки на личное, некалендарное имя), и въ указателѣ къ „Древнимъ памятникамъ“ Срезневскаго оно подается не подъ бузводъ м или н (не на раду съ другими Никифорами), а подъ бузводъ к („Кіяннинъ Никифоръ, бояринъ“). У Андрея Боголюбскаго, не терпѣ-

городскимъ старожиломъ и притомъ обнаружилъ въ своей рѣчи яркое смѣшеніе ч и ц (характерную черту новгородскую, неизвѣстную Кіеву), то является основаніе подумать, что „Кіяннинъ“ есть другое имя Моисея или его прозвище, которое еще не означаетъ непременно кіевскаго происхожденія Моисея Кіяннина. Но г. Соболевскій, кажется, не желаетъ даже того, чтобы подобное соображеніе приходило въ голову читателю: въ своихъ „Лекціяхъ“¹⁾ онъ избѣгаетъ названія „Кіяннинъ“ и титулуетъ Моисея не иначе, какъ „кїевляниномъ“. Въ статьѣ же „Источники для знакомства съ кїевскимъ говоромъ“ онъ увѣряетъ, что хотя Моисей „жилъ, вѣроятно, въ Новгородѣ, но говорилъ по кїевски“²⁾. Посмотримъ же на записку, которую сдѣлалъ Моисей на Тріоди³⁾: „Съконьушася книгыи сна мѣца генъвера ѡб ѣтго айла Тимофел, зимъ. А Стефанъ далъ лежень, стѣмъ [мѣнцамъ?] и (бр)атни своего дѣла сїсенна и есъхъ стѣнхъ. А лежалъ сорокъ лѣтъ. А едалъ стѣнмъ мѣнцамъ двери да баждорець кованъ, а Бѣ дѣла. И бѣше Марна бѣгобоуднива и холюенива, болшася Бѣ, пре-

шаго кїевляни, былъ (въ Суздаль) любимый слуга Кузище Кіяннинъ (Ипат. лѣт. 400 и слѣд.), — можно здѣсь очень сомнѣваться въ кїевскомъ происхожденіи Кузища и видѣть въ „Кіяннинъ“ прозвище, вовсе не означающее, что Кузище былъ родомъ изъ Кіева. Какой былъ смыслъ этого прозвища, теперь рѣшить трудно; по мнѣнію Н. Н. Харузина (который читаетъ эгиографію въ Московскомъ университетѣ и Лазар. институтѣ и специально занимался некалендарными именами древней Руси), „Кіяннинъ“ могло бы обозначать что-нибудь вроде „искусникъ“ (въ противности именамъ типа „Черемисинъ“, „Чувашичъ“, которыя давались, какъ личныя коренныя русскія, должно быть, за отрицательныя качества). Не надо также забывать, что иной человѣкъ, въ томъ числѣ и Моисей, писецъ Тріоди, могъ быть прозванъ Кіянниномъ просто въ силу какой-нибудь специальной причины, о которой теперь мы и догадываться не можемъ вслѣдствіе ея случайности. — Отметимъ еще близкую къ „Кіяннинъ“ фамилію „Кіянниновъ“; Гаврилой Кіянниновичемъ назывался какой-то вліятельный человѣкъ въ Новгородѣ XIII вѣка, — туземецъ, который былъ однимъ изъ первыхъ пріятелей тысяцкаго Ратибора и оказался вачкищикомъ въ битвѣ противъ князя Ярослава Ярославича (упомянутъ подъ 6778 годомъ=1270 г.).

¹⁾ 1-е изд., стр. 12 и 36; 2-е изд., стр. 13 и 40.

²⁾ Ж. Мил. Нар. Просв., 1885, февр., стр. 355. Въ „Лекціяхъ“ ужъ вѣтъ ни слова о томъ, что Моисей былъ новгородцемъ.

³⁾ Приводитъ эту записку изъ Орезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка“. Спб. 1882, стр. 77—78.

выкаюца съ страхомъ и Бѣ болцалса по вса днѣи, а за мирѣ молаца“ (далѣе подпись Моисея „Моиси псалъ, грѣшнѣиши Княниннѣ“). Въ тонѣ этой записки такъ и чувствуется человѣкъ, издавна жившій въ Новгородѣ и знакомый съ разными мелкими обстоятельствами мѣстной жизни; поэтому, если бѣ Моисей родился даже въ Кіевѣ ¹⁾, то долгое пребываніе въ Новгородѣ все равно измѣнило бы его языкъ на новгородскій ладъ и затерло бѣ особенности кіевскія. И дѣйствительно въ Тріоди мы видимъ антикіевскую, новгородскую черту: смѣшеніе ч и ц (величающе, ученици и т. д.). Какой же это „самый авторитетный“ источникъ для изученія рѣчи кіевской!

Г. Соболевскій, чтобы подорвать значеніе вышеотмѣченной новгородской черты и сдѣлать языкъ Моисея критеріемъ для сужденія о кіевской рѣчи, говоритъ, будто Тріодъ Моисея Кіянина распадается на двѣ части: на первую (до листа 222-го), гдѣ (будто бы) нѣтъ смѣшенія ч и ц, и на вторую (л. 222—257), гдѣ такое смѣшеніе есть; каждая часть писана, будто бы, разнымъ почеркомъ. Вторую часть, по мнѣнію г. Соболевскаго, писалъ какой-то новгородецъ ²⁾, и только первую половину да запись написалъ Моисей „кіевляниннѣ“ ³⁾. Но, во-первыхъ, Срезневскій, съ которымъ въ дѣлѣ палеографіи трудно спорить, никакихъ *двухъ* почерковъ въ Тріоди не замѣтилъ, хотя, по увѣренію г. Соболевскаго, они якобы „ясно различаются“. Во-вторыхъ, признавши за Моисеемъ только первую часть и запись, г. Соболевскій проявилъ съ своей стороны большую небрежность: запись („Моиси псалъ Кіяниннѣ“) помѣщена не въ первой части Тріоди, а на листѣ 257-мъ ⁴⁾, т. е. какъ разъ *со второй* части (которая, по признанію самого г. Соболевскаго писана *по-нов-*

¹⁾ Во избѣжаніе неразрѣшенныхъ споровъ мы охотно готовы и это принять.

²⁾ Интересно однако, что въ „Лекціяхъ“ (1-ое изд., стр. 12; 2-е изд., стр. 13) г. Соболевскій не включаетъ этой второй части Тріоди въ списокъ источниковъ для ознакомленія съ новгородскимъ нарѣчіемъ, а всю Тріодъ цѣликомъ приписываетъ Моисею „кіевлянинну“, безъ раздѣленія на какія бы то ни было части.

³⁾ „Источники“, стр. 355.

⁴⁾ См. Срезневскаго: „Древніе пам. р. письма“, стр. 77. А г. Соболевскій утаиваетъ отъ читателя этотъ фактъ.

городски)! И притомъ въ записи вполне точно указано, что Моисей Кіининъ довелъ переписку Тріоди до конца („скончашася книги сия“)!

Какъ видимъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Моисею принадлежитъ не только первая половина Тріоди, а сполна вся Тріодь, со второй частью, новгородскій языкъ которой не оспаривается и г. Соболевскимъ. Но для лучшей характеристики интересныхъ научныхъ особенностей г. Соболевскаго не мѣшаетъ еще упомянуть, какъ онъ препарируетъ первую часть Тріоди. Дѣло въ томъ, что и въ первой части также есть новгородское, антикѣвское смѣшеніе ч и џ; такъ, на л. 21 об. написано: „о(ть)џьними мльниими“. Г. Соболевскій упоминаетъ объ этомъ фактѣ какъ бы не придавая ему значенія, мимоходомъ, въ сноскѣ¹⁾ и старается его затупевать особымъ образомъ. Именно, рядомъ съ „о(ть)џьними мльниими“ онъ пишетъ по-гречески „ταῖς τῶν πατέρων ἀστραπαῖς“ и заявляетъ, что повидимому Моисей сперва хотѣлъ поставить родительный падежъ множественнаго числа (о(ть)џь), а ужъ потомъ измѣнилъ родительный падежъ существительнаго на прилагательное, причемъ џ такъ и осталось. Значитъ, Моисей не просто списывалъ Тріодь, а переводилъ вновь?! Онъ зналъ греческій языкъ?! Да кто далъ право г. Соболевскому на эти гипотезы? И какъ же понимать въ такомъ случаѣ его же утвержденіе, высказанное и неоспоримо доказанное всего двадцатью строчками выше: „оригиналъ у Моисея былъ поздній церковно-славянскій“?—или мы должны предполагать такую мудреную вещь, что полуграмотный Моисей, переписывая „поздній церковно-славянскій“ текстъ, свѣрялъ его съ греческимъ оригиналомъ?! И можемъ ли мы приписать такое тщаніе именно Моисею, о которомъ и г. Соболевскій (на той же страницѣ) констатируетъ, что „Моисей работалъ чрезвычайно небрежно“?!

Таковъ то „самый авторитетный“ источникъ г. Соболевскаго для знакомства со старо-кѣвскимъ говоромъ. Онъ не

¹⁾ Ж. М. Нар. Пр., назв. статьи, стр. 355.

можетъ выдержать легчайшаго прикосновенія критики: сразу же выясняется, что эта новгородская Трїодъ Моисея Кїянина такой же неавторитетный источникъ, какъ и девять предыдущихъ (тоже преимущественно новгородскихъ), и даже, пожалуй, еще неавторитетнѣе ¹⁾. Г. Соболевскій, на основаніи ихъ, „счелъ для себя возможнымъ остаться при своей гипотезѣ о большей близости древнекїевского говора къ говорамъ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ“ ²⁾. Выраженіе „о большей близости“ является со стороны г. Соболевскаго даже уступкой: изучая кїевскій говоръ не по кїевскимъ, а по завѣдомо новгородскимъ памятникамъ, онъ могъ бы выразиться и посмѣлѣе, т. е. могъ бы прямо сказать, что кїевскій говоръ есть *чисто* великорусскій.

Дѣйствительно авторитетными кїевскими памятниками домонгольскаго періода являются исключительно Святославовы сборники 1073-го и 1076-го года, и въ нихъ, какъ мы видѣли, не только нѣтъ ничего антимапорусскаго, но, напротивъ, въ нихъ достаточно ясно отразилась связь церковно-славянскую яору рѣчь малорусскихъ предковъ, мыслимая въ XI вѣкѣ. Съ большей ясностью малорусскія черты проявляются въ кїевскихъ памятникахъ послѣмонгольскихъ. Но г. Соболевскій и тутъ постарался надѣлать Кїевъ некїевскими рукописями. Произведемъ же обзоръ ихъ.

б) Послѣмонгольскіе.

Г. Соболевскій останавливается на пяти памятникахъ ³⁾:

1) *Кїевская псалтирь 1397-го года*. Исторія отношеній г. Соболевскаго къ этой псалтири довольно поучительна, потому что особенно наглядно показываетъ, до какихъ печальныхъ послѣдствій доводитъ тенденціозность. Псалтирь эта полна довольно явственныхъ великорусскихъ чертъ ⁴⁾ и повидимому она-то,

¹⁾ Объ Архангельскомъ евангеліи XIII в., безъ кїевской даты, но и безъ чертъ противокїевскихъ, еще можно сомнѣваться, галицкиномъ ли, новгородцемъ или кїевляниномъ оно переписано. А на счетъ Моисеевой Трїоды никакое сомнѣніе немыслимо: она то безусловно новгородскій памятникъ, во всѣхъ отношеніяхъ

²⁾ Ж. М. Н. Превъ, назв. статья, стр. 357.

³⁾ См. Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца II, 215, 219, 224; Лекція, 1-ое изд., 199—200; 2-ое изд., 254—256.

⁴⁾ Срв. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго языка и письма 2-ое изд., стр. 283, и выписки—во второй части 1-го изданія; также въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ X, 690—691.

собственно, и послужила г. Соболевскому первой основой для его утверждения о великорусскости старых киевлянъ, въ 1883-мъ году ¹⁾. Когда киевскіе оппоненты возражали, г. Соболевскому, что Псалтирь 1397 г. написалъ какой-нибудь великоруссъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ вмѣстѣ съ Московскимъ митрополитомъ, г. Соболевскій заявилъ, что „палеографическія особенности рукописи 1397-го года *совершенно* отличны отъ особенностей рукописей московскихъ и новгородскихъ,—Спиридонъ (переписчикъ Псалтири) былъ не сѣверный, а кіевскій великороссіянинъ“ ²⁾. И что же! Спустя немного времени выяснилось, что Псалтирь 1397-го года писана тѣмъ же московскимъ великороссомъ, діакономъ Спиридономъ, который „бл҃гвеннымъ Киприана, митрополита всаѣ Роуѣси, повелѣніемъ бл҃гоукрѣнаго князя Колодімера Андреекнѣ(а)“, написалъ московское евангеліе „въ лѣто ꙗ҃з. ѿ индик(та) ѿ (6901,—т. е. 1393 г.)“ ³⁾. Другими словами, оказалось, что Псалтирь 1397-го года, которая, по увѣренію г. Соболевскаго (въ 1883 г.), *совершенно* отличается отъ рукописей московскихъ, есть какъ-разъ рукопись московская!... Г. Соболевскій не сразу исключилъ ее изъ числа памятниковъ кіевской рѣчи. Въ 1889-мъ году, въ первомъ изданіи своихъ „Лекцій“, онъ еще выразился уклончиво: „Кіевская Псалтирь 1397-го года написана *едва-ли* (курсивъ нашъ) не пришлымъ великороссомъ“ ⁴⁾. Только въ 1892 г. онъ ее рѣшительно вычеркнулъ изъ числа источниковъ для изученія старокіевской рѣчи ⁵⁾.

2) Евангеліе 1411 года. Сдѣлавши общее замѣчаніе, что всѣ пять кіевскихъ послѣмонгольскихъ памятниковъ не даютъ ясныхъ діалектологическихъ указаній, г. Соболевскій говоритъ въ частности о евангеліи 1411-го года, что „оно представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ *малымъ* количествомъ

¹⁾ См. указанное мѣсто II тома „Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца.“

²⁾ Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца 1883 г., т. II, стр. 224.

³⁾ Срезневскій: Древн. пам. 274; Лекціи Соболевскаго, 2-ое изд. 16; Воскресенскій: Евангеліе отъ Марка, 57; Серг. Пос. 1894.

⁴⁾ Стр. 199-ая 1-го изданія.

⁵⁾ 2-ое изд., стр. 254.

руссиизмовъ,“—слѣдовательно, по этой причинѣ для русской діалектологіи мало пригодно. Но надо кромѣ того добавить, что и тѣ немногія русскія черты, какія проскальзываютъ въ Евангеліи 1411-го года, говорятъ о некіевскомъ происхожденіи переписчика. Писано это евангеліе по заказу какого-то, должно-быть, великоросса (инока Іоны Балакирева), писцомъ-великороссомъ или бѣлоруссомъ, который говорилъ нарѣчіемъ акающимъ и фамилію своего патрона написалъ съ О („Болакиревъ¹⁾“; онъ не писалъ въ „гдѣ“ 144 об. и „нигдѣ“ 260²⁾, а эту черту самъ г. Соболевскій призналъ за антикіевскую³⁾.

3) *Вкладная записка князя Долгодата Долгодатовича 1427-ю года.* Никакихъ великоруссиизмовъ г. Соболевскій указать въ ней не можетъ, но, не желая признать ее за малорусскую, называетъ языкъ „официальнымъ западно-русскимъ“. Чтобы читатель яснѣе могъ судить о языкѣ этой записи, приведемъ ее цѣликомъ⁴⁾: „Се язъ кв[я]зь Долгод[ать Долгод]датовичъ м[и]л[ос]т[ю] б[о]жьєю, што есми выслужилъ оу Б[о]га и оу великог[о] кв[я]з[я] Витовта, г[осу]д[ар]я своего,—даю ѿ своее выслуги вѣрное по своен д[у]ши и съ своею гв[я]гинею с[вя]т[о]му Николе-пустыньскому Іюнину монастырю тую землю на имя Толсто-лѣвског[о] Конона. А идетъ с[ъ] нег[о] колода меду. И съ всеми пошлинами в бобры и с куницами и с полюд[ь]емь. А хто ся иметъ оуступат[и] оу мое придане, што я далъ с[вя]т[о]му Николе, любо моихъ детин, любо хто имѣетъ держат[и] по моеи животѣ, судится со мною передъ Б[о]гомъ. Псан[о]и дан[о] при

¹⁾ См. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о жаловѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникѣхъ,“ СПб. 1876, т. II, стр. 392. Запись издана и въ особомъ литографическомъ саникѣ. (Я нашелъ одинъ экземпляръ въ бумагахъ покойнаго Вѣлосерскаго).

²⁾ Отмѣчено у Соболевскаго въ Лекціяхъ, стр. 254.

³⁾ Лекціи, 1-ое изд. 37; 2-ое изд. 64; Исслѣдованія 2.

⁴⁾ По изданію Срезневскаго: Свѣд. и зам., II, 392, 6. Ради типографскаго удобства надстрочныя буквы перенесены въ строку. Въ скобкахъ поставлены буквы и слоги, подразумеваемые подъ титломъ.

державе г[о]с[у]д[а]ря великого кня[з]я Витовта въ лѣт[о] ѿ ѿ ѿ ѿ, м[ѣ]с[я]ца марта ѿ д[е]нь, индикта ѿ.“ Читатель видитъ, что языкъ этой вкладной чрезвычайно близокъ къ современному малорусскому. Конечно, малорусскій колоритъ былъ бы особенно явственъ, если бы у писца гдѣ нибудь вмѣсто е или о проскользнуло ю или ү (предвѣстники современнаго ї); но во-первыхъ такія описки, считаясь вульгаризмами, ни въ какомъ старинномъ малорусскомъ памятникѣ не часты, а во-вторыхъ—краткая вкладная Долгодата Долгодатовича представляла бы для нихъ только два случая (свои и моеи) и то въ такихъ словахъ, въ которыхъ удареніе бываетъ и на первомъ слогѣ (въ силу чего качество неударной гласной второго слова скрадывается); притомъ же сосѣдство словъ „ѿ своее“, „съ своею“, въ которыхъ звукъ е остается неизмѣннымъ, могло содѣйствовать сохраненію буквы е въ начертаніяхъ „свои“ и „моеи“. Кто знакомъ съ языкомъ галицкихъ и волынскихъ грамотъ, малорусскости которыхъ г. Соболевскій не оспариваетъ, тотъ замѣтитъ, что вкладная кн. Долгодата Долгодатовича отъ нихъ почти не отличается ¹⁾.

4) *Духовная князя Андрея Владиміровича 1446 г.* (Ольгердова внука, пріѣзжавшаго въ Кіевъ на поклоненіе въ 1446 г.) Великоруссизмовъ г. Соболевскій въ ней не находитъ, но говорить, что „она не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ.“ Г. Соболевскій забылъ

¹⁾ По поводу буквы е во «свои» и вообще по поводу частаго написанія малоруссами буквы е вмѣсто ж позволю себѣ мимоходомъ высказать достовѣрное предположеніе (отчасти уже прежде мотивированное г. Шахматовимъ), что въ старину книжная буква ж читалась иначе, чѣмъ выговаривался живой звукъ ж. По моимъ наблюденіямъ, у малоруссовъ только въ періодъ отъ второй четверти 17-го вѣка приблизительно до второй четверти ннѣ столѣтія буква ж читалась какъ ї; раньше же, подъ книжнымъ вліаніемъ бѣлорусскимъ, и позже, подъ вліаніемъ великорусскимъ, буква эта читалась какъ е, и потому малорусскіе писцы въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они въ живой рѣчи произносили и произносятъ звукъ ї, писали и пишутъ подъ книжнымъ вліаніемъ букву е.

прибавить, что писецъ (старецъ Кіево-Печерской лавры) былъ большой руки книжникъ, который старался писать по церковно-славянски и потому не могъ не заботиться объ устраненіи свѣтскихъ и простонародныхъ элементовъ изъ своего писанія. Въ значительной степени ему таки удалось свою рѣчь ославянить¹⁾, такъ-что сквозь этотъ чужой, напущенный на себя для большей важности, языкъ пробилась лишь нѣкоторыя, малохарактерныя черты родной рѣчи писца. Написавши род. падежъ „Богородицы“ съ ѣ, онъ по недосмотру написалъ рядомъ же: „одъ Владычици“, гдѣ и вмѣсто ѣ, подобно тому какъ онъ еще разъ написалъ и вмѣсто ѣ въ выраженіи: „у господи“. Проскользнули у писца и кое-какія другія особенности его родного языка: „одъ“, „зъ своею“, „были есмо“, «пръшою», „Каменне“ (=Каменное) и др., и самое свое имя онъ написалъ съ х: „Пахнутій“ вм. „Пафнутій.“ Если мы не можемъ рѣшить, малорусь или бѣлорусь писалъ эту духовную, то во всякомъ случаѣ можемъ съ увѣренностью сказать, что писалъ ее не великорусь.

Г. Соболевскій сперва хотѣлъ было ограничить изученіе кіевскаго говора XV вѣка только названными четырьмя документами²⁾, но П. И. Житецкій указалъ ему еще на одинъ, въ ко-

¹⁾ Понадаются въ этой духовной даже аористы: поклонихомся, размыслихъ (при чѣхъ и предлогъ „разъ“ написанъ по церковно-славянски вм. русскаго „розъ“; такъ и дальше: „разсудитсѣ“. Род. пад. прил. ж. рода имѣетъ окончаніе л: пречистия Богородици нашея, святая, ея. Виѣсто „л“ или „зъ“ пишется „аъ“. Множ. число прил. ср. рода на я (вся тая) и род. падежъ безъ „овъ“ (дѣдъ своихъ, отецъ своихъ, всѣхъ мученикъ, пророкъ, апостолъ) также являются скорѣе церковнославянскими, чѣмъ фактами русской рѣчи XV вѣка.—Духовная эта издана въ „грамматахъ великихъ князей литовскихъ“ Антоновича и Козловскаго, стр. 10—11 (Кіевъ, 1868, оттискъ, изъ „Универс. Извѣстій“). Вѣроятно, это—наиболѣе точное изданіе ея, хоть тоже оставляетъ много желать. Въ изданіи Я. Головацкаго есть много отличій отъ изданія Антоновича и Козловскаго, и возникаетъ вопросъ, гдѣ же печатный текстъ ближе къ оригиналу. Я. Головацкій, который въ „областныхъ разнорѣчьяхъ“ видѣлъ нарушеніе „чистоты общаго русскаго языка“, позволялъ себѣ въ своихъ изданіяхъ дѣлать исправленія на „настоящо-русскій“ ладъ (что отмѣчено уже г. Соболевскимъ. „Очерки“, стр. 60), такъ-что его изданіе, вѣроятно, гораздо менѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ изданіе Антоновича и Козловскаго, хотя послѣднее сдѣлано вовсе не въ филологическѣхъ цѣляхъ. А желательнo было имѣть хорошее филологическое изданіе.

²⁾ Чтенія въ Ист. Общ. Нест. Лѣт. 1883, II, 215.

торомъ малорусскіе элементы не робко прокрадываются (какъ въ двухъ предыдущихъ), а бьютъ живымъ ключемъ изъ каждой строчки ¹⁾. Это—

5) *Грамота кievскаго князя Семена Олельковича*, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ 1459-мъ г. Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для „возоставленья“ его „при всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его“, „которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали“ ²⁾. Приведемъ отзывъ г. Соболевскаго объ этомъ памятникѣ: „Грамота кievскаго князя Семена Александровича, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и писанная на оффиціальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣеть нѣкоторое количество малоруссизмовъ: всюи отчизнѣ, дидизинѣ, при томъ всюмъ, унѣ (=онѣ), притисъненъемъ, завипшенъемъ ³⁾, но ихъ присутствіе вполне можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человекъ, волынской уроженецъ“ ⁴⁾. Странно дѣлать такое голословное предположеніе, основанное исключительно на нежеланіи признать старыхъ кievлянъ за малоруссовъ ⁵⁾.

¹⁾ П. И. Житецкій прислалъ мнѣ для ознакомленія текста тѣхъ двухъ рефератовъ, которыми онъ въ засѣданіяхъ Общ. Нест. Лѣт. возражалъ г. Соболевскому на его рефераты о Кіевскихъ памятникахъ XV в. Нѣкоторыя сообщенія мною подробности о диспутѣ П. И. Житецкаго съ г. Соболевскимъ я заимствовалъ именно отсюда; впрочемъ существенныя чертъ этого диспута всѣ, вкратцѣ, сообщены въ „Чтен. Общ. Нест. Лѣт.“.

²⁾ П. И. Житецкій пользовался прозрачнымъ снимкомъ, хранящимся въ архивѣ Кіевской Археографической Коммисіи. Мнѣ же было доступно только печатное изданіе этой грамоты, сдѣланное В. В. Антоновичемъ и г. Ковловскимъ въ „Грамотахъ великихъ князей литовскихъ“ (оттискъ изъ „Унив. Изв.“), К. 1868, стр. 19—20.

³⁾ Малоруссизмовъ есть въ этой грамотѣ и больше,—въ ней смѣшивается и съ и: овими, малми, дидизни. Менѣе характерны: бугдегъ хогѣзъ, упадаеть (вмѣсто спадаеть), мзъ лѣсомъ, мзъ головою, мзъ стѣнъзамы, ознаймуюмо, дали есмо, съ обудуухъ.

⁴⁾ Лекція, 2-ое изд., стр. 255.

⁵⁾ Ниже мы увидимъ еще нѣсколько случаевъ, когда г. Соболевскій прибѣгаетъ къ тому же приему. Такъ, о Рязанской Коричей 1284-го года, списанной съ

Что же показывает обзор этих пяти памятников? Первые два, писанные не киевланами, для суждения о киевской рѣчи не годятся, а въ остальныхъ трехъ г. Соболевскій не можетъ указать ни единой черты великорусской; наоборотъ, въ нихъ проскальзываетъ то слабѣе, то сильнѣе малорусская рѣчь, присутствія которой, наконецъ, не рѣшается отрицать и самъ г. Соболевскій.

Сверхъ перечисленныхъ памятниковъ XV-го вѣка, къ Кіевщинѣ имѣютъ отношеніе и другіе. Одинъ изъ нихъ— *Грамота Стародубскаго князя 1400 года* Александра Патрикевича, данная польскому королю Владиславу и написанная „уъ Озера у Круды, межи Городна и Меречь, по Розствѣ Христовѣ у пятокъ, у канунъ святого Обрѣзанія Христова, по нароженіи Сына Божьего тысяча лѣтъ и чотыриста лѣтъ“¹⁾. Написана она, слѣдовательно, гдѣ-то въ Виленщинѣ²⁾, а такъ какъ тамъ малоруссы не жили, то естественно приходится заключить, что княжескій писарь пріѣхалъ съ княземъ изъ Стародуба³⁾. Достаточно взглянуть только на приведенную мной запись, чтобы увидѣть въ ней, сверхъ многихъ менѣе характерныхъ малорусскихъ чертъ, одну очень характерную—смѣшеніе *ы* и *и*: „тысяча“ и, вѣроятно, „у Круды“ (=въ Крудѣ, въ

киевского оригинала и полной „галицко-волынскихъ“ лѣтъ, г. Соболевскій заявляетъ, что писецъ киевской рукописи былъ галицко-волынский уроженецъ. Про надпись на крестѣ св. Евфросиніи Полоцкой, также служащую опроверженіемъ „галицко-волынскаго“ ѡ, г. Соболевскій тоже заявляетъ, что она писана галицко-волынскимъ уроженцемъ.

¹⁾ Исаева у Головацкаго въ „Памятникахъ дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго“ (Львовъ 1867, стр. 20). Можно подозревать, что по своему обычаю г. Головацкій исправилъ многіе малоруссизмы и что въ подлинникѣ ихъ есть гораздо больше.

²⁾ У меня нѣтъ подъ рукою подробной карты, гдѣ была бы обозначена Круда. Меречь лежитъ на рѣкѣ Меречанкѣ при впаденіи ея въ Нѣманъ, въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской г. П. И. Житецкій, изъ реферата котораго я почерпнулъ указаніе на Стародубскую грамоту, повидимому предполагалъ, что дата грамоты говоритъ о Городѣ Черниговской, находящейся недалеко отъ Стародуба. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли въ Черниговщинѣ Меречь.

³⁾ Да едва ли князь отправится въ дѣловое путешествіе, не захвативши съ собою своего писаря изъ Стародуба.

Круди); такое же смѣшеніе м и н появилось еще въ „слюбилъ есмь“ рядомъ съ „цѣловавъ есмь“ (1-ое л. ед. ч.). Ъ вмѣсто и написано въ „нѣкоторымъ (nullo)“. Характерно въ грамотѣ еще окончаніе мо (есмо). Важна Стародубская грамота 1400 года въ томъ отношеніи, что указываетъ на присутствіе малоруссовъ къ сѣверо-востоку отъ Кіева, на *моей* сторонѣ Днѣпра. Другой памятникъ—„*Повчѣнне Зарубскаго Черноризца*“ (Зарубская обитель—въ Кіевщинѣ, у Днѣпра); объ этомъ памятникѣ, изобилующемъ многими „галицко-волинскими“ ятами, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ при № 15.—Кіевскихъ памятниковъ XVI вѣка дошло до насъ достаточно, но такъ-какъ ихъ малорусскости, болѣе чѣмъ очевидной, г. Соболевскій не отвергаетъ, то мы о нихъ говорить здѣсь не будемъ.

Я показавъ читателю, до чего шатки и неосновательны всѣ соображенія г. Соболевскаго о великорусскости старыхъ кіевлянъ. Нужно замѣтить, что шаткость всѣхъ этихъ аргументовъ сдѣлалась за послѣднее время очевидною и для самого г. Соболевскаго. Совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ „Очерки“ и „Лекціи“, написаны имъ послѣдующія статьи¹⁾: въ нихъ постепенно онъ отказался отъ своей гипотезы о великорусскости кіевлянъ. Значительное вліяніе въ дѣлѣ перемѣны его взглядовъ имѣли предпріятыя имъ занятія въ области малорусской діалектологіи.

Въ той классификаціи малорусскихъ нарѣчій на три группы, которой мы придерживаемся въ практическомъ обиходѣ, много значитъ безсознательный принципъ большей или меньшей удобопонятности какого-нибудь малорусскаго нарѣчія для людей, говорящихъ другимъ нарѣчіемъ: чѣмъ легче малороссъ понимаетъ какое-нибудь малорусское нарѣчіе или говоръ, тѣмъ болѣе роднымъ оно ему представляется. Въ малой степени принимаются при этомъ въ соображеніе черты фонетическія: такъ,

¹⁾ Начиная печатать свое изслѣдованіе, я еще не успѣлъ прочитать тѣхъ статей; поэтому въ 1-ой главѣ я и не упоминалъ о нихъ.

рѣчь „литваковъ“ дышетъ для украинца чѣмъ-то чуждымъ не только за нѣкоторыя ея слова, близкія къ рѣчи великорусской, но еще больше за ея странное, неудобопонятное произношеніе. Однако главное вниманіе при обиходной классификаціи малорусскихъ нарѣчій обращаютъ (безсознательно, конечно) не на произношеніе (фонетику), а на словарный матеріалъ (лексику), на формы склоненій и спряженій (морфологию). Если объ одномъ и томъ же скажутъ а) галичанякъ: „пишлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, б) галицкій горець: „пушлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, в) полтавецъ: „мы пишлы зъ титвою до вогня“ и г) черниговецъ: „мы пушлы зъ тютвою до вогня“,—то нефилологу никогда не придетъ въ голову мысль о близости рѣчи б) и г); наоборотъ, онъ рѣчь галичанъ и галицкихъ горцевъ объединитъ въ одно цѣлое, а рѣчь полтавцевъ и черниговцевъ—въ другое цѣлое. Такимъ образомъ, практически, преимущественно на основаніи большей или меньшей удобопонятности для себя то въ одномъ, то въ другомъ отношеніи, малоруссъ¹⁾ отличаетъ въ малорусскомъ языкѣ три нарѣчія: 1) западное (рѣчь и галичанъ и галицкихъ *горцевъ*, *узрорусскую*, *подляскую*, *подольскую*, *волынскую*), 2) восточное (рѣчь *всей* Кіевщины, всю безъ разбора рѣчь *южно-черниговскую*, *полтавскую*, *харьковскую* и т. д.) и 3) сѣверное (рѣчь „литвацкую“, безъ рѣчи тѣхъ черниговцевъ, которыхъ легко понимаетъ полтавецъ). Въ сущности, такая утилитарная группировка малорусскихъ нарѣчій небезосновательна. Даже априорно нельзя осудить принципъ: „та рѣчь мнѣ наиболее близка, которую я наиболее понимаю“, потому

¹⁾ Я имѣю въ виду только тѣхъ малоруссовъ, которые, не будучи филологами, все же пытаются относиться къ диалектологическимъ вопросамъ осмысленно. А то вѣдь приходится встрѣчаться съ совершенно непонятной классификаціей: малорусская рѣчь дѣлится на рѣчь Украини Австрійской и рѣчь Украини Россійской, причемъ въ послѣдней надо отличать рѣчь чисто-украинскую отъ рѣчи литвацкой». Къ сожалѣнію, подобное классификаторство завоевало себѣ нѣкоторыя права гражданства въ печати, и иногда ему подчиняются даже ученые. Такъ проф. Колесса (*Archiv für slav. Phil.* XVIII, 220) видитъ въ рѣчи *модолыма* Руданскаго нарѣчіе «украинское», противоположное «нарѣчію галицкому и буквинскому». Между тѣмъ языкъ Руданскаго чрезвычайно близокъ къ галицкому, а отъ кіевскаго и полтавскаго имѣетъ важные отличія.

что понятность обуславливаться может только близостью строя языка. И филологъ, сознавая, что дѣленіе малорусскихъ нарѣчій на три группы дѣйствительно не лишено филологическихъ основаній (то со стороны морфологии и лексики, то со стороны фонетики), легко можетъ примириться съ такимъ дѣленіемъ; только, принявши въ расчетъ тонкія черты фонетическія, значенія которыхъ не спеціалистъ не можетъ понять ¹⁾, онъ произведетъ подлежащія модификаціи и перетасовки, перенесетъ извѣстные говоры изъ одной группы въ другую, а о нѣкоторыхъ сдѣлаетъ соответствующія оговорки; прекрасная, всѣмъ извѣстная статья К. П. Михальчука (Чуб., VІІ) представляетъ собою образецъ филологическаго отношенія къ малорусскимъ говорамъ при группировкѣ ихъ на три вѣтви. Но гораздо удобнѣе для филолога, разъ онъ желаетъ изучать *исторію* малорусскаго языка, положить въ основу классификаціи не лексическіе и не морфологическіе признаки ²⁾, а фонетическіе, и прежде всего—произношеніе звуковъ *о* и *е*. Въ старыя времена эти звуки во всѣхъ малорусскихъ нарѣчійхъ произносились какъ двугласныя или какъ *у*, *ю*; затѣмъ изъ нихъ образовался звукъ *ї*, въ однихъ говорахъ раньше, въ другихъ—позже; а въ иныхъ и теперь еще нѣтъ *ї*. Современныя нарѣчія малорусскаго языка, если не принимать въ соображеніе ихъ словарнаго запаса и морфологическаго и основываться только на произношеніи, распадаются на двѣ группы: 1) такія, въ которыхъ *о* и *е* звучатъ еще по-архаичному, т. е. или какъ двугласныя *уо*, *юо*, *їэ* съ ихъ варіаціями, или какъ *у*, *ю*, и 2) такія, въ которыхъ *о* и *е* произносятся *ї*; параллельно съ этимъ обѣ группы обладаютъ нѣкоторыми другими фонетическими особенностями, отличающими одну группу отъ другой. (Между той и другой группой

¹⁾ Напримѣръ, большую или меньшую мягкость звука *з*, происходящаго изъ *о*.

²⁾ Особенно неустойчивый критерій—запасъ лексическій, потому-что подъ вліяніемъ политическихъ и культурныхъ обстоятельствъ онъ сравнительно легко поддается переиначиванію: старыя слова забываются, а усваиваются многія слова той чужой культуры, которая въ данный моментъ имѣетъ перевѣсъ. Поэтому филологъ, не игнорируя, конечно, лексическихъ показаній, все таки не низъ относитъ первое мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи языка.

есть и промежуточные стадии). Языкъ первой группы можно назвать нарѣчіемъ сѣверно-малорусскимъ, языкъ второй группы — нарѣчіемъ южно-малорусскимъ. Въ Россіи первымъ нарѣчіемъ, архаичнымъ, говорятъ малоруссы сѣверные (и въ томъ числѣ жители Черниговщины), жители кievскаго и волынскаго Полѣсья, жители сѣверной части Кіевщины. Кіевъ теперь граница этого нарѣчія; средняя Кіевщина говоритъ ужъ рѣчью болѣе новоразвившеюся (съ і), но ясно еще сохраняющею многіе слѣды своей близости къ рѣчи сѣверной. Вторымъ нарѣчіемъ, гораздо болѣе освободившимся въ фонетическомъ отношеніи, говоритъ Австрійская Малорусь (безъ нѣкоторыхъ горныхъ частей), Волинь въ собственномъ смыслѣ, Подолія¹⁾; но наиболѣе типичный представитель этой группы есть рѣчь т. н. украинская, т. е. рѣчь южной окраины Кіевщины, большей части Полтавщины, Слобожанщины,—словомъ, тѣхъ мѣстностей, въ которыя, по свидѣтельству исторіи, была направлена колонизація съ запада (изъ Подоли, Волини, кажется—отчасти и Галичины). Такимъ образомъ, діалектологическія данныя служатъ подтвержденіемъ данныхъ историческихъ. При этомъ отдаленность украинской морфологіи и лексики отъ галицко-подольско-волинской и ея близость къ фактамъ рѣчи собственной Кіевщины, Черниговщины и Полѣсья ясно напоминаютъ, что сѣверно-малорусскіе элементы играли въ образованіи украинскаго населенія также немаловажную роль, будучи его основой.

Въ 1893 году, ужъ послѣ своихъ занятій въ области малорусской діалектологіи²⁾, г. Соболевскій написалъ рецензію³⁾

1) Я здѣсь указываю только приблизительныя границы нарѣчій, только главнѣйшія группы.

2) Въ 1892-мъ году, въ „Живей Старинѣ“ (вып. IV, стр. 1—61) г. Соболевскій помѣстилъ статью о малорусской діалектологіи. Несмотря на порядочное количество неточностей, проистекающихъ отъ незнакомства съ какимъ-нибудь малорусскимъ нарѣчіемъ практически, статья эта въ высшей степени важна какъ сводъ свѣдѣній, разбросанныхъ во множествѣ мелкихъ статей, изъ которыхъ большинство—библиографическая рѣдкость. Статья эта свидѣтельствуегъ, что г. Соболевскій познался малорусской діалектологіей очень основательно, хотя самой то рѣчью малоруссовъ не вполне овладѣлъ.

3) Живая Старина 1893, вып. III, ст. 396—399.

на сочиненія Яблоновскаго: „Kolonizacya Ukrainy za ostatnich Jagellonów“¹⁾ и „Etnicka postać Ukrainy w erose zjednoczenia jej z Kogoną“²⁾). Воспользовавшись показаніями малорусской діалектологіи и письменными данными памятниковъ XVI в., г. Соболевскій высказалъ въ упомянутой рецензіи слѣдующее заключеніе, съ которымъ мы можемъ не соглашаться только въ мелочахъ: „Несомнѣнно, что въ 16-мъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ Волинскомъ Полѣсьи съ частями выѣшней Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины,—тамъ, гдѣ слышатся теперь; но, вѣроятно, ихъ территория тогда простиралась *дальше на югъ*, чѣмъ въ наши дни, такъ-что на мѣстѣ переходныхъ говоронъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губерніи и юго-восточную окраину Волинскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры вполне сѣверно-малорусскіе. Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающей къ нимъ частью Волинской губерніи (собственно Волянью). А въ какую группу входилъ говоръ обитателей Украины³⁾ 16-го вѣка? Особенности украинскаго говора—имѣетъ особенности подольско-галицко-волинскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое⁴⁾. Главная масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украину изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волинской губерніи,—масса, въ

¹⁾ Kwartalnik Historyczny 1893, вып. I.

²⁾ Тамъ же, вып. IV.

³⁾ Въ настоящее время, благодаря развитію малорусскаго націонализма, слово „Украина“ прииъняется ко всякой малорусской области: саломъ да рядомъ мы слышимъ, что и Черниговщина—Украина, и Кіевщина—Украина, и Волянъ—Украина, и Галичина—Украина или Русь—Украина. Поэтому считаю лишнимъ напомнить читателю, что г. Соболевскій, подобно историкамъ, подъ Украиною разумѣетъ далеко не всю область малорусскаго племени, а только степное пространство, къ которому старая Кіевщина не относится и къ которому изъ территорій современной кіевской губерніи принадлежатъ только южная окраина, къ югу отъ р. Роск.

⁴⁾ Г. Соболевскій имѣетъ въ виду, конечно, только особенности фонетическія, но, какъ мы увидимъ дальше, при изложеніи новѣйшей статьи г. Шахматова, даже въ фонетическомъ отношеніи рѣчь названныхъ западныхъ областей отличается кое въ чемъ существенномъ отъ рѣчи Украины. Есть основанія не отождествлять старой подольской рѣчи съ современною.

которой исчезло безслѣдно то *сравнительно* ничтожное количество колонистовъ, которое дали Украинѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія¹⁾. Полѣшукки направлялись не столько въ Украину, сколько на востокъ въ Запднѣпровье, въ древнюю Сѣверщину, гдѣ было населеніе, конечно, великорусское“. Последнее утверждение г. Соболевскаго (о великорусскости *Черниговщины*), вполнѣ бездоказательное, не можетъ быть принято безъ значительныхъ оговорокъ²⁾, но оно не существенно для того вопроса, кото-

¹⁾ Едва ли оно было ничтожнымъ даже сравнительно. Документальныя данныя, которыя собраны, между прочимъ, и у г. Яблоновскаго, говорятъ, что приливъ колонистовъ съ сѣверо-запада былъ порядочный; морфологія и лексика украинскаго нарѣчія, какъ это было нами отмѣчено выше, устраняютъ мысль о чрезвычайномъ преобладаніи колонистовъ волынскихъ и подольскихъ, а тѣмъ болѣе—галицкихъ. Да и фонетической близости рѣчи украинской съ рѣчью галицко-волынско-подольскою нельзя придавать *чрезвычайно* значенія, потому что произношеніе *o* и *e* за *i* могло бы развиться на Украинѣ даже вполнѣ органически (такъ же, какъ оно развилось и въ Галичинѣ, гдѣ сперва также слышались дугласныя, или *u*, *ü*), при минимальномъ вліяніи рѣчи выходцевъ западныхъ.

²⁾ Одну часть Черниговщины, вѣроятно, исключаетъ и г. Соболевскій: онъ употребляетъ терминъ „Сѣверщина“, а не „Черниговщина“,—слѣдовательно ничего не говоритъ о жителяхъ той преднѣпровской полосы современной черниговской губерніи, которая входила въ составъ древней Кіевщины и имѣла, очевидно, однородное съ кіевскимъ населеніе, т. е. полянское, или сѣверно-малорусское. Но великорусскимъ ли, зато, было населеніе прочей части Черниговщины и—что интереснѣе всего—населеніе города Чернигова? Пока не будутъ представлены серьезныя доказательства, мы принуждены думать, что старинные черниговцы были предки тѣхъ малоруссовъ, рѣчь которыхъ проявилась, напримѣръ, въ стародубской грамотѣ 1400-го года, и тѣхъ, которые живутъ тамъ теперь. Г. Соболевскій въ пользу своего мнѣнія ссылается на тотъ фактъ, что „названіе сѣверной столицы звучитъ у малоруссовъ по-великорусски: Черниговъ, а чисто малорусская форма должна бы звучать Черниговъ“ (съ огорченіемъ отмѣтимъ въ скобкахъ, что и занятія малорусской діалектологіей не научили г. Соболевскаго малорусскому нарѣчію: вѣдь по-малорусски окончаніе *ОКЪ* переходитъ въ *ИЪ*, и фонема Черниговъ никакъ не была бы „чисто малорусской“). Очевидно, г. Соболевскій не знаетъ, что у малоруссовъ существуютъ параллельно двѣ равноправныя фонемы: Чернигивъ и Чернигивъ; чередованіе *ы* и *и* (т. е. старинныхъ *и* и *ѣ*) объясняется тѣмъ, что малоруссы вообще любятъ двойную огласовку суффикса (и окончанія) *ИГД*,—напримѣръ: чепига и ченига (рукоять у плуга), судига и сущига (прѣйдохъ), цапига и данига (козлице), кацапига и кацапига, сонига и сонига (въ этомъ словѣ *ѣ* очень употребительно, срв. фамилію князей Солѣгъ), кустерига и кустерига (*Festuca ovina*), драпига-

рмиъ мы заняты сейчасъ, т. е. для вопроса объ этнографическомъ составѣ *киселлянъ* княжескаго періода. Намъ интересно только отмѣтить, что въ 1893-мъ году г. Соболевскій усматривалъ галицко-волынско-подольскихъ пришельцевъ уже только въ Украинѣ; Кіевщину, наоборотъ, онъ дѣлаетъ не колоніей, а одною изъ метрополій колонизаціи.

Въ январѣ 1897 года г. Соболевскій рецензировалъ ¹⁾ статью А. М. Лазаревскаго объ украинской южно-лѣвобережной колонизаціи: „Лубенщина и князя Вишневецкіе“ ²⁾. А. М. Лазаревскій въ началѣ своей статьи указываетъ, что Посулѣ (южная или точнѣе средняя Полтавщина) въ XVI вѣкѣ было почти пустынею, и кіевская Украина (т. е. южная окраина Кіевской губерніи, не входившая въ составъ древняго Кіевскаго княжества) была въ XVII вѣкѣ тоже почти пустынею. Ни одинъ изъ историковъ Малороссіи не забывалъ сообщить объ этомъ ³⁾,

облуинга и дриинга-облуинга (обарало), остринга и острига, вочадига (напоротникъ) при кочаджынкѣ,—слѣдовательно, УЪРИНГА и УЪРИНГА (д. б, увеличительное отъ УЪРИНЬ). Произношеніе Чернигивъ (съ И, не Ш) преобладаетъ именно въ самой Черниговщинѣ, гдѣ неизвѣстно твердое Ш, такъ-что И и Ш смѣшиваются тамъ и во многихъ другихъ словахъ.

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просв. 1897, Январь, 175—176.

²⁾ Перепечатка изъ „Кіевской Старины 1896 г. январь, февраль, мартъ.

³⁾ Ограничимся выписками изъ монографіи „Кіевъ“ В. В. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, январь). „Звенигородскій и переяславскій повѣты были въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами замки разорены, и князья перестали даже посылать наместниковъ въ эти опустѣвшія области“ (стр. 31). „Между ногайскими кочевьями (расположенными Менгли-Гиреемъ) и между заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, простиравшееся отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизанская война между удальцами татарскими и русскими, и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южно-русская колонизація изъ Кіевской области. Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена“ (стр. 27). „Въ XVI вѣкѣ новыя выходы изъ кіевскаго Полѣвья занимаютъ новыя мѣста: съ одной стороны вновь заселяется поддѣйровская часть бывшаго Переяславскаго княжества, съ другой стороны заселяются „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство официально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII в. назначаетъ комиссію для осмотра края и опредѣленія его пространства“ (стр. 34).

хотя г. Соболевскій въ своей рецензіи и говоритъ, будто кievская школа историковъ это отрицаетъ¹⁾; но г. Лазаревскій отличается отъ нихъ постановкой вопроса о метрополіи украинской колонизаціи, послѣ уніи 1569 года. Предыдущіе изслѣдователи приходили къ заключенію, что въ XVI и XVII вѣкѣ Украина колонизовалась, съ одной стороны, по прежнему сѣверными элементами, съ другой стороны—изъ Волыни и Подоліи, особенно въ эпоху Руины. Г. Лазаревскій, пользуясь „помощью однѣхъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ“²⁾, рѣшаетъ, что въ степной Украинѣ не могли бы селиться выходцы изъ Черниговщины, Полѣсья и Волыни, привыкшіе къ лѣсной природѣ, а такъ-какъ Украина Кіевская сама тогда еще заселялась, то „двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра повидимому изъ Подоліи“³⁾; но такъ-какъ и въ Подоліи разгаръ колонизаціонной дѣятельности приходится именно на вторую половину XVI и самое начало XVII вѣка (другими словами: такъ какъ сама Подолія была въ то время далеко не вся заселена), то г. Лазаревскій считаетъ возможнымъ—метрополію украинской колонизаціи предположить въ Руси Галицкой⁴⁾. Не трудно

¹⁾ Названная рецензія, стр. 175.

²⁾ „Дубешица“, Кіев. Стар. 1896, янв., стр. 123.

³⁾ Тамъ же, стр. 125.

⁴⁾ Стр. 126. Дозволю себѣ мимоходомъ высказать многоуважаемому А. М. Лазаревскому свое мнѣніе о его гипотезѣ. Что среди прочихъ выходцевъ съ запада могло прійти на Украину въ XVI—XVIII в. нѣкоторое количество колонистовъ изъ Галичины, противъ этой догадки спорить незначѣно; но считать Галичину за метрополію украинской колонизаціи и вовсе не признавать въ Украинѣ притока (и притомъ большого) колонистовъ изъ сѣверно-малорусскихъ областей не позволяетъ филологическое изслѣдованіе украинскаго нарѣчія: оно сходно съ галицкимъ нарѣчіемъ только въ главнѣйшихъ фонетическихъ чертахъ (и то въ такихъ, которыя, какъ извѣстно изъ исторіи развитія малорусскаго языка, могли бы развиваться въ украинскомъ нарѣчій органически, самостоятельно, безъ малѣйшаго воздѣйствія не только галицкаго, но, пожалуй вообще, всякаго западно-малорусскаго), а другіи фонетическими чертами, морфологіей и лексикой украинское нарѣчіе стоитъ чрезвычайно близко, напримѣръ, къ рѣчи черниговской и сѣверно-кіевской. Галицкое нарѣчіе, свѣдѣніи съ другимъ нарѣчій западно-малорусскими, могло только участвовать въ образованіи нарѣчій украинскаго, но украинское нарѣчіе не можетъ быть произведено изъ галицкаго. Для филолога это должна быть аксіома: такъ и Максимовичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ указалъ на это обстоятельство Погодину;

замѣтить, насколько гипотеза А. М. Лазаревскаго о галицкой колонизаціи Украины (а не Кіевщины) въ XVI—XVII в. (а не послѣ Батю) отличается отъ прежней гипотезы г. Соболевскаго. Тѣмъ не менѣе г. Соболевскій написалъ въ редакціи вотъ что: „Таково мнѣніе г. Лазаревскаго. Оно, вообще говоря, не ново, и между прочимъ мы сами говорили то же, что и авторъ, пользуясь отчасти историческими, отчасти лингвистическими данными (послѣднія г. Лазаревскому, повидимому, не доступны). Слишкомъ десять лѣтъ назадъ мы говорили о слабости населенія

такъ и акад. Ягичъ въ 1884 году повторялъ то же г. Соболевскому; такъ и ак. Шахматовъ въ тѣ времена, когда еще держался мнѣніе о безслѣдномъ исчезновеніи старшихъ кіевлянъ, не рѣшился населить Украину галичанами и хотѣлъ вывести ея нарѣчіе изъ Волини (Русск. Фил. Вѣсти. 1894, кн. IV, стр. 1—12; теперь ак. Шахмаровъ стелъ и это немислимымъ); да и самъ г. Соболевскій называетъ сѣверную часть въ Украинѣ не просто ничтожной, а „сравнительно ничтожной“. Соображеніе г. Лазаревскаго, будто въ степной Украинѣ не могъ бы поселиться выходецъ изъ лѣсной мѣстности, совершенно неубѣдительно. На нашихъ глазахъ переселенцы сплосъ да рядомъ идутъ въ мѣста съ иной природой, чѣмъ на ихъ роднѣ; плодородная степь, не лишняя притомъ лѣса въ балкахъ, могла быть сѣверцамъ даже привлекательнѣе, чѣмъ ихъ родная страна. А если бы было правильно мнѣніе г. Лазаревскаго, что степь могла заселиться не иначе, какъ выходцами изъ *однохарактерныхъ* мѣстъ, то все равно пришлось бы и Галичину исключить изъ числа украинскихъ метрополій, потому что ея природа тоже не однокarakterна съ украинской. Что общаго было у горной, лѣсной Коломни съ южной Молтавиной? а между тѣмъ г. Лазаревскій какъ-разъ изъ Коломни хотѣлъ бы видѣть колонистовъ въ южной Молтавинѣ. Онъ вѣдоетъ, что о колонизаціи, направившейся изъ Коломнщины, свидѣтельствуетъ прозвище „Коломонецъ“, которое часто встрѣчается въ южной лѣвобережной Украинѣ. Но вѣдъ слово „коломонецъ“ значить по-малорусски просто „солеваръ“, „солянопромышленникъ“ и можетъ указывать (если дѣйствительно имѣетъ связь съ именемъ города Коломни) на старинную общезвѣстность Коломнскихъ привсоновъ (уже у чернеца Климентія, т. е. при Мазевѣ, слово „Коломонецъ“ является нарицательнымъ), а вовсе не на колонизацію Украины Галичиною. По-малорусски, впрочемъ, и слово „коломни“ оказывается не только именемъ собственнымъ (города въ Галичинѣ и рѣки, впадающей въ Прутъ), но прежде всего именемъ нарицательнымъ, съ разнообразными значеніями: такъ называется и особое растеніе, и родъ сумки, и колдобина, откуда, вѣроятно, также соляная лава; значить, слово „коломонецъ“ могло возникнуть на Украинѣ даже безъ всякаго отношенія къ г. Коломнѣ. Вообще же въ вопросѣ объ украинской колонизаціи строить какія-либо догадки на прозвищѣ „коломонецъ“—совсѣмъ не позволительно. Далѣе, г. Лазаревскій говоритъ: „По недостатку историческаго матеріала исследование вопроса о происхожденіи колонистовъ южной лѣвобережной Малорос-

кіевской области въ XVI и въ началѣ XVII вѣка и о движеніи населенія въ приднѣпровскія степи съ запада, изъ галицво-волынской земли. Три года назадъ, по поводу статей г. Яблоновскаго, мы повторили свое мнѣніе, указавъ на рѣшающій вопросъ лингвистическія данныя*. Итакъ, въ 1897-мъ году у г. Соболевскаго настолько ослабѣла его прежняя погодневская гипотеза, что ему самому она начала представляться не въ видѣ гипотезы объ истребленіи кіевского великорусскаго населенія Батнею, а просто въ видѣ утвержденія „о слабости населенія кіевской области въ XVI—XVII в. и о движеніи галицво-волынскаго населенія въ приднѣпровскія степи“.

Вполнѣ ясно высказалъ г. Соболевскій свои новыя воззрѣнія на этотъ предметъ въ маѣ 1897-го года въ статьѣ: „Изъ исторіи русскаго языка“ (Ж. М. Н. Пр.). Въ ней ужъ не-

сѣ можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и таковыми же обрядами жителей преимущественно Полтавской губ.* (Кіев. Стар. 1896, янв., 126). Такого сличенія г. Лазаревскій еще не произвелъ, но оно и не подтвердитъ его догадки о Галичинѣ, какъ одной метрополіи. Что въ пѣсенномъ репертуарѣ украинскомъ есть близость къ галицкому, это вѣрно; но такая же близость существуетъ у него къ репертуару Подолія, Волыни, сѣверной Малороссіи и даже Вѣлороссіи; при этомъ между пѣснями украинскими и сѣверно-малорусскими нѣтъ той разницы въ формахъ, словахъ и оборотахъ языка, которая такъ ощутительна при сравненіи пѣсенъ украинскихъ съ галицкими. (Сопоставленіе пѣсеннаго малорусскаго матеріала отчасти уже произведено: г. Довнаръ-Запольскій въ „Пѣсняхъ Пинчуковъ“ (Ж. 1895) и г. Гринченко въ III томѣ своихъ „Этнографическихъ матеріаловъ, записанныхъ въ Черниговщинѣ и сосѣднихъ губерніяхъ“ (Ч. 1899) указываютъ параллели въ всѣхъ прочихъ мѣстахъ Малороссіи. Слѣдуетъ, что г. Лазаревскій обращается также къ географической номенклатурѣ Украины. Онъ указываетъ, что многія села Полтавщины носятъ такіе же названія, какія имѣются въ Галичинѣ. Но вѣдь въ Полтавщинѣ есть также много другихъ селъ, съ названіями восходящими не къ Галичинѣ, а къ другимъ мѣстностямъ; потому только тѣ одноименныя съ галицкими украинскія села могутъ считаться колоніями Галичины, имена которыхъ повторяются исключительно въ Галичинѣ и не существуютъ ни въ Подоліи, ни на Волыни, ни въ сѣверной Малорусіи, ни въ Вѣлорусіи,— словомъ, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. Если такіе села окажутся (а нельзя ранѣе предугадывать, что не окажутся), то хоть невозможно будетъ вывести, будто одна Галичина была метрополіей украинской колонизаціи, но за то возможна будетъ увѣренность, что кроме подолянъ, волынянъ, вѣлорусовъ и сѣверныхъ малоруссовъ шла на Украину и галичане.

Филология и погодневская гипотеза.

11

только ничего не говорится объ исчезновеніи старокіевскаго населенія отъ Батыева погрома и приходѣ галичанъ или волянчанъ въ Кіевъ, но, напротивъ, кіевскій говоръ XI—XVI вѣка равсматривается какъ одно преимственно развивающееся цѣлое, и только для XV—XVI вѣка предполагается (на основаніи, понятно, документальномъ) нѣкоторая чужая примѣсь, но ужъ не галицкая и не волинская, а сѣверная: бѣлорусская или великорусская. Вотъ заключительныя слова г. Соболевскаго: „Старый кіевскій говоръ былъ изъ нынѣшнихъ (великорусскихъ) говоромъ особенно близокъ къ говорамъ Орловской и Курской губерній¹⁾, которыя, по всей вѣроятности²⁾, до движенія въ Сѣверщину малоруссовъ, занимали всю ея территорію, но онъ едва ли былъ чистымъ великорусскимъ говоромъ. Трудно сказать, былъ ли онъ переходнымъ говоромъ отъ великорусскаго нарѣчія къ малорусскому (въ родѣ тѣхъ бѣлорусскихъ говоромъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи), или (для XV—XVI вѣковъ) говоромъ смѣшаннымъ“³⁾. Зная уже предыдущую рецензію г. Соболевскаго (по поводу Яблоновскаго) и его діалектологическія характеристики „тѣхъ бѣлорусскихъ говоромъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи“⁴⁾, мы видимъ, что г. Соболевскій относитъ старый кіевскій говоръ къ числу сѣверно-малорусскихъ. Противъ такого мнѣнія не рѣшится по существу спорить, вѣроятно, ни одинъ историкъ малорусскаго нарѣчія⁵⁾; спорить можно только о томъ, былъ

¹⁾ Въ этихъ говорахъ смѣшиваются К и Ч, спорадически М и Н, Ъ и И; слышится Ъ, а не Г; произносится ХК вм. Ф; удваивается согласная передъ Ъ (замирення); смягчаются гортанные (на даровѣ, на рудѣ); образуется 3-ье л. ед. ч. безъ „тъ“ (онъ знае), и т. п. По замѣчанію акад. Шахматова (Ж. М. Н. Пр. 1899, апр., 369) рѣчь орловцевъ настолько своеобразна, что у исследователей являлось желаніе считать орловцевъ не великоруссами, а чистѣйшими бѣлоруссами.

²⁾ Это нужно доказать чѣмъ-нибудь.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 50.

⁴⁾ См. „Очерки русской діалектологіи“. Живая Старина 1892, вып. III, стр. 3—4; вып. IV, стр. 12.

⁵⁾ У Потебни, Житецкаго, Огоновскаго, Ягича и др. можно встрѣтить болѣе или менѣе прямое заключеніе, что старокіевское нарѣчіе принадлежало къ типу

ли старый кievский говоръ изъ числа такихъ, каковъ, на примѣръ, современный говоръ пинскій¹⁾, или это былъ тотъ же говоръ, который и теперь господствуетъ въ сѣверной Киевщинѣ. Первое предположеніе маловѣроятно.

Эти строки были уже написаны, когда въ апрѣльской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ появилась замѣчательная статья акад. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“²⁾. Научной неподкупности г. Шахматова мы не смѣли заподозривать даже тогда, когда онъ держался прежней, ярко невѣроятной гипотезы г. Соболевскаго³⁾. Теперь, на основаніи внимательнаго изученія древнерусской исторіи и современной діалектологіи⁴⁾, г. Шахматовъ съ истинно академическимъ безпристрастіемъ рѣшительно отказался отъ той гипотезы и заявилъ объ исконной малорусскости жителей Киевской области. Приведемъ извлеченія изъ его статьи.

архангелскому, сѣверно-малорусскому. Вполнѣ ясно высказано это у того лица, которое наиболее компетентно въ вопросахъ малорусской діалектологіи,—у К. П. Михальчука. Онъ, говоря объ исконномъ дѣленіи южно-руссовъ на группу сѣверо-восточную и юго-западную, къ первой группѣ относятъ древланъ и полянъ кievскихъ и перелаславскихъ (Кiev. Стар. 1893, сент., стр. 460). „Современное полѣшское, или сѣверно-малорусское поднарѣчіе является лишь незначительнымъ осколкомъ прежней обширной отрасли южно-русской рѣчи сѣверо-восточнаго (полянско-древлянскаго) типа... Украинское же поднарѣчіе образовалось на почвѣ древней полянско-древлянскій рѣчи подъ продолжительнымъ вліяніемъ изъ нее рѣчи волынянъ и подоланъ, а можетъ быть, отчасти и галичанъ“ (Тамъ же, стр. 460). Е. Я. Коршъ, необыкновенная филологическая проникательность котораго общезвѣстна, сообщилъ мнѣ, что, по его исслѣдованію, старая кievская рѣчь была полѣшская. То же на дняхъ высказалъ акад. Шахматовъ въ своей статьѣ (Ж. М. Н. Пр., апр.). Такимъ образомъ, говоря, что никакой филологъ не будетъ причислять старый кievский говоръ къ южно-малорусскимъ, я руковожусь вовсе не субъективнымъ предположеніемъ.

¹⁾ Г. Соболевскій склоняется именно къ этому, но вѣроятно, не долго будетъ настаивать на своемъ предположеніи.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1899, апрѣль, 324—384.

³⁾ Срв. Кiev. Стар. 1898, июль, 355.

⁴⁾ А съ показанными памятникомъ онъ ужъ раньше былъ прекрасно знакомъ.

Для современныхъ малорусскихъ нарѣчій г. Шахматовъ принимаетъ сперва дѣленіе на три группы¹⁾: Эти три группы: сѣверно-малорусская, восточно-украинская, западно-украинская²⁾. Изъ нихъ наиболѣе противоположны другъ другу въ фонетическомъ отношеніи — нарѣчіе восточно-украинское и нарѣчіе сѣверно-малорусское. Западно-украинское занимаетъ средину между ними: хотъ оно, подобно восточно-украинскому (полтавско-харьковскому), не имѣетъ двугласныхъ, все таки оно пронноситъ звукъ *i* (изъ *ó*) болѣе твердымъ, болѣе архаичнымъ способомъ, чѣмъ восточно-украинское; что касается другихъ фонетическихъ чертъ западно-украинскаго нарѣчія, то во многихъ оно приближается, пожалуй, къ восточно-украинскому, но одновременно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя черты сѣверно-малорусскаго нарѣчія, несвойственныя восточно-украинскому³⁾. Характеръ западно-украинскаго нарѣчія говорятъ филологу о томъ, что оно возникло отъ воздѣйствія сѣверно-малорусскаго нарѣчія на восточно-украинское. При *нынѣшней* географической группировкѣ малорусскихъ племенъ такое происхожденіе западно-украинскаго нарѣчія казалось бы физически невозможнымъ. Но вѣдь мы знаемъ изъ исторіи народа, что восточные украинцы (напримѣръ, харьковцы и полтавцы) не всегда жили въ Харьковщинѣ и Полтавщинѣ, а пришли туда

¹⁾ Онъ, какъ и г. Соболевскій, руководится въ своей классификаціи исключительно фонетическими чертами, однако для него служатъ критеріемъ (и совершенно основательно) не только произношеніе *ó* за *i*, но также степень твердости или мягкости этого *i*. Кромѣ того онъ считается съ большей или меньшей твердостью *ы* (кулишевскаго *и*), мягкостью или твердостью *р* (прямо и премо), отвердѣніемъ или неотвердѣніемъ *ть* (внѣ ходыТЬ, внѣ ходыТЬ), суженіемъ *я* въ *е* (взаеты, вьзаты) и т. д.

²⁾ Отдѣльной діалектической особи червонорусской г. Шахматовъ не признаетъ, а относитъ одни галицкіе говоры къ сѣверно-малорусскому нарѣчію, другіе — къ западно-украинскому. Такимъ образомъ, терминъ „Украинна“ у него имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ принято у историковъ. См. назв. статью стр. 328, 344.

³⁾ Отвердѣніе, хотъ и опорадическое, мягкаго *р*; отвердѣніе, хотъ и не самостоятельное, окончанія *т* въ 3-мъ лицѣ обояхъ чиселъ; произношеніе *ы* вмѣсто восточно-украинскаго средняго *и*; суженіе *я* въ *е*, и т. д.—Стр. 328 и 344.

съ запада, изъ-за Днѣпра, гдѣ географическое положеніе трехъ малорусскихъ группъ могло быть иное. Изъ какого же Правобережнаго мѣста пришли они на востокъ Днѣпра? Особенности современнаго восточно-украинскаго нарѣчія, сложившагося (это ясно филологу) непремѣнно такъ же давно, какъ и другія малорусскія нарѣчія¹⁾, показываютъ, что лѣвобережные колонисты (полтавцы, харьковцы) въ тѣ времена, когда они жили еще на Правобережьи, жили тамъ не иначе, какъ въ *самой южной* его части. Скажемъ то же иными словами: большая противоположность восточно-украинскаго нарѣчія сѣверно-малорусскому и смѣшанный, посредствующій характеръ западно-украинскаго нарѣчія показываютъ, что на первоначальной родинѣ малорусскаго языка, въ Правобережьи, передъ началомъ движенія малоруссовъ за Днѣпръ, область сѣверно-малорусскаго и область восточно-украинскаго нарѣчія не примыкали другъ къ другу непосредственно, но были разъединены областью нарѣчія западно-украинскаго; слѣдовательно, къ югу отъ области сѣверно-малорусскаго нарѣчія лежала сперва область нарѣчія западно-украинскаго, а ужъ къ югу отъ послѣдняго—область восточно-украинскаго нарѣчія (предка нынѣшней харьково-полтавской рѣчи). Но такъ-какъ въ этой группировкѣ срединное (по нынѣшнему „западно-украинское“) нарѣчіе можно считать не самостоятельно возникшимъ нарѣчіемъ, а просто переходной стадіей между двумя остальными малорусскими нарѣчіями (между самымъ сѣвернымъ и самымъ южнымъ), то формулировать результаты всего предыдущаго филологическаго анализа можно такъ: „На пространствѣ, лежащемъ по правую сторону Днѣпра, малорусское нарѣчіе, въ самую древнюю свою эпоху, гораздо раньше начала колонизаціоннаго движенія на лѣвый берегъ Днѣпра, дѣлилось только на двѣ вѣтви—сѣверную и южную; но отъ продолжительнаго сближенія сѣверной вѣтви съ южною получился еще рядъ смѣшанныхъ говоровъ, какъ въ современной Украинѣ, такъ и въ Галиціи²⁾. Позже произошло выселеніе

¹⁾ Стр. 328.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ г. Шахматовъ Галичину уже противопоставляетъ Украинѣ.

той части южной вѣтви, которая сохранилась въ чистотѣ и не смѣшалась съ сѣверной, на востокъ—въ Полтавщину и Слободскую Украину“¹⁾.

Эта картина лишена еще отчетливости: она какъ бы не ретуширована и набросана только въ общихъ контурахъ. Сопоставивши показанія языка съ показаніями исторіи народа, г. Шахматовъ устанавливаетъ ужъ болѣе подробныя, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія по вопросу объ образованіи малорусскихъ народностей. Восточною границею южнорусской (иначе—малорусской) вѣтви русскаго народа былъ Днѣпръ, который южноруссы перешли, повидимому, не ранѣе XIV вѣка²⁾; сѣверною границею была приблизительно Припеть, которую южноруссы, впрочемъ, перешли еще въ доисторическую эпоху; южная и западная границы часто колебались и измѣнялись. Эта территория, ограниченная съ востока Днѣпромъ, была занята малоруссами въ эпоху доисторическую: мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Придѣпровье лишь въ историческое время³⁾. Лѣтописецъ называетъ на этой территоріи не одно, а нѣсколько южнорусскихъ племенъ: полянъ, древлянъ, волынянъ, бужанъ, тиверцевъ, дулѣбовъ, хорватовъ, уличей. Но такъ-какъ потомки южно-руссовъ современные малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ, то мы должны признать единоплеменность тѣхъ южныхъ племенъ,

¹⁾ Стр. 329.—Рискуя надѣсть читателю многократнымъ повтореніемъ того, что уже было сказано выше, я все таки сдѣлаю нѣсколько замѣчаній къ выводамъ г. Шахматова. Невозможность производить, напримѣръ, полтавцевъ отъ галичанъ у него основана только на фонетическихъ чертахъ восточно-украинскаго нарѣчія. Напоминаю, что о той же невозможности вопіютъ черты морфологическія и лексическія. Эти же черты указываютъ, что засельниками лѣвобережной Украины были колонисты не только изъ самаго южнаго Правобережья, но также изъ области сѣвернаго малорусскаго нарѣчія.

²⁾ Стр. 338. Исключеніе г. Шахматовъ дѣлаетъ для той узкой береговой полосы Придѣпровскаго лѣвобережья, которая еще прежде XIV вѣка принадлежала южноруссамъ кievскимъ. (Стр. 344).

³⁾ Стр. 339.

о которых повѣствуетъ лѣтописецъ. Южноруссы издавна дѣлились на лѣсныхъ и степныхъ; такое дѣленіе обусловливалось природою занятой ими страны. Лѣсныя пространства лежали къ сѣверу, степныя къ югу. Вотъ почему г. Шахматовъ принимаетъ *исконное* дѣленіе южно-русовъ (иначе—малоруссовъ) на вѣтви—сѣверную и южную¹⁾. Къ сѣверной вѣтви южно-русовъ принадлежали хорваты, бужане (жившіе по Западному Бугу), дулѣбы (жившіе нѣкогда по южному Бугу), древяне и, наконецъ, поляне; къ южной вѣтви южно-русской группы относились тиверцы, уличи и волыняне²⁾. Но въ историческую эпоху удары степняговъ (печенѣговъ и половцевъ,—съ конца X в.) повліяли на южныя малорусскія племена: они должны были двинуться къ сѣверу и потѣснить племена сѣверныя³⁾: сначала, на востокъ малорусской территоріи, волыняне потѣснили древянъ и дулѣбовъ⁴⁾; не покидая излюбленнаго юга, уличи, сидѣвшіе внизъ по Днѣпру (очевидно, до самаго моря), удаляются къ западу и поселяются между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ⁵⁾; а на самомъ западѣ малорусской территоріи, южно-малорусское племя тиверцевъ, оттѣсненное отъ Дуная и отъ моря, двинулось въ область сѣверно-малорусскаго племени хорватовъ, въ бассейнъ Днѣстра, и частью оба племени сливаются, а частью хорваты оставляютъ свои прежнія жительства и углубляются въ Карпаты⁶⁾. По поводу культурнаго полянскаго центра—Кіева—г. Шахматовъ замѣчаетъ, что его общерусское значеніе создано не одними мирными земледѣльцами—цолянами, но и военно-торговымъ движеніемъ по Днѣпру. Кіевъ былъ центромъ, объединявшимъ нѣкоторые изъ

¹⁾ Стр. 344.

²⁾ Стр. 339.

³⁾ Стр. 341.

⁴⁾ Стр. 348. На уличей читателю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, такъ какъ (это мы увидимъ ниже) именно отъ нихъ г. Шахматовъ выводитъ современное восточно-украинское нарѣчіе.

⁵⁾ Стр. 344 и 350. И теперь мы находимъ въ Карпатахъ такіе говоры, которые несомнѣнно должно относить къ сѣверно-малорусской группѣ (срв. переходъ ъ въ у), а галицкое, или червоно-русское нарѣчіе представляетъ на южно-малорусской основѣ рядъ сѣверно-малорусскихъ особенностей.

⁶⁾ Стр. 351.

русскихъ племенъ и всего вѣроятнѣе—полянь съ сѣверянами¹⁾. „Вотъ почему нѣкоторые древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, не содержатъ тѣхъ рѣзкихъ діалектическихъ особенностей, которыми отличаются памятники новгородскіе или даже сосѣднихъ съ Кіевомъ городовъ деревской, волинской, можетъ быть, даже самой полянской земли: очевидно, въ общерусскомъ городѣ создано такое нарѣчіе, которое утратило или сгладило наиболѣе рѣзкія діалектическія черты... А. И. Соболевскій сначала допустилъ въ Кіевѣ присутствіе великоруссовъ, а впослѣдствіи—одного изъ тѣхъ племенъ, которыя со временемъ образовали великорусское племя²⁾. Конечно, предположеніе о смѣшанномъ характерѣ Кіевскаго (городскаго) населенія дѣлаетъ совершенно излишней гипотезу Соболевскаго, въ значительной степени вызванную теоріей Погодина, признававшего возможнымъ переселеніе русскаго племени изъ Приднѣпровья въ при-окскую область послѣ татарскаго нашествія. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія не признавать кіевскаго населенія южно-русскимъ, хотя оно было въ самомъ городѣ значительно разрѣжено другими русскими племенами и всего вѣроятнѣе сѣверянами“³⁾.

¹⁾ Стр. 351.

²⁾ Я въ этой же главѣ, выше показалъ читателю, что тѣ „нѣкоторые“ кіевскіе памятники, на какиихъ г. Соболевскій строитъ свою гипотезу о великорусскости Кіева, писаны или вовсе не въ Кіевѣ, или не кіевлянами. Наоборотъ, памятники, писанные кіевлянами, проявили въ себѣ тѣ малорусскія особенности, какія существовали въ малорусскомъ языкѣ стараго времени.

³⁾ Стр. 345—346.— Въ выносѣ (на стр. 345) г. Шахматовъ замѣчаетъ, что «говоръ низшей и дружиннѣе имѣлъ, несомнѣнно, общерусскій характеръ, благодаря ихъ постояннымъ передвиженіямъ». Навѣрное, и среди кучества, думается намъ, бывали часто некіевляне, прїѣзжавшіе нажитья въ такой торговый городъ, какъ Кіевъ. Кіевъ привлекалъ къ себѣ немалоруссовъ еще и потому, что сдѣлался общерусской религіозной святиней, расадникомъ христіанства въ областяхъ къ сѣверу отъ него. Кіево-печерское монастыство, этотъ цѣлѣнный иеросвѣщеніа, несомнѣнно заключало въ своей средѣ и некіевскіе элементы, такъ-какъ нельзя же предположить, чтобы никто—ну, хоть, изъ вятичей—не послѣдовалъ примѣру своего аястола Кукии Кіево-печерскаго и не поступалъ въ монахи Даври. Впрочемъ, это и безъ предположеній вѣдѣстно,—по Патерику; то же видно изъ записей на кіево-печерскихъ рукописяхъ (вспомнимъ хоть вышеупомянутую Псалтырь Смирдона (Москвича) 1397 го года; заказанное Іоной Бадакиревичемъ Евангеліе 1411-го г.; хранищійся въ Московской Духовной Академіи, но писанный въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ Златоуструй

Переходя къ нашествію татаръ, г. Шахматовъ говоритъ: южно-руссы въ Задніпровьи подверглись жестокому и страшному удару со стороны татаръ: ихъ орды заходили такъ далеко, куда цоловцы могли проникнуть только въ качествѣ союзниковъ русскихъ царей. Всѣ историки согласны въ томъ, что Кіевская земля была совершенно опустошена татарами: конечно, невѣроятно, чтобы они превратили ее въ безлюдную пустыню, но во всякомъ случаѣ значительная часть населенія должна была искать болѣе безопасныхъ поселеній и, конечно, двигалась при этомъ къ сѣверу и западу. вмѣстѣ съ тѣмъ остатки кіевского (сѣверно-малорусскаго) населенія должны были принять совершенно иной харак-

Ондра Тфертина 1474 года). Дѣлая эти указанія, я тѣмъ самымъ подтверждаю мысль о чужой примѣси въ рядахъ (віт верія вербо) „интеллигенціи“ стараго города Кіева. Однако, ничто намъ не указываетъ, чтобы рѣчь принадлецовъ не подтверждалась мнѣнію рѣчи кіевского простонародья. Если и теперь, при строгой системѣ обрусенія, простой народъ Кіева не терлетъ своего малорусскаго языка и даже оказываетъ извѣстное мнѣніе на рѣчь кіевской общерусской интеллигенціи, (Соболевскій: Діалектологія—Жив. Стар. 1892, I, 9), то во сколько же разъ сильнѣе было это мнѣніе въстарину, когда о принудительной системѣ денационализаціи никто и понятія не имѣлъ! Примѣры у насъ на лицо: дьякъ Іоаннъ, великокняжескій переписчикъ Изборниковъ 1073-го и 1076-го года, принадлежалъ къ кіевской интеллигенціи, вращался въ великокняжеской сферѣ; однако его невольныя опіеки показываютъ намъ, что говорилъ онъ не по-общерусски, а по-кіевски.—Г. Шахматовъ говоритъ еще: «Отгяду, што словарный составъ надшихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевского говора: лѣтописецъ употребляетъ слово коньба, неизвѣстное южно-русскому племени; онъ влагаетъ въ уста Мономаха слово лошадь, описывая Долобскій сѣздъ: въ этой формѣ оно не извѣстно въ малорусскихъ говорахъ (стр. 345)». Слово «коньба» (теперь произносится и „кадьба“, и „каба“) не извѣстно только въ некоторыхъ говорахъ Малороссіи (тамъ говорятъ „ката“), а въ архангелскихъ волиахъ извѣстно (см. Желеховскаго I, 327; Kolberg I, 102). То же скажемъ и о словѣ „лошадь“. Для обозначенія понятія „добрый конь“ оно въ нашей козацкой странѣ не употребляется (какъ не употреблялось и въ древней Руси; Владиміръ Мономахъ говорилъ о лошади смерда—пахара); но обыкновенныя лошади до сихъ поръ помалорусски называются „лошницами“, „лошничками“, „лошунями“ (последнее сообщено И. Франкомъ Желеховскому, в. в.), а жеребита—„лошатами“, „лошатками“, „лошукани“ и т. д. Вообще же словарный матеріалъ кіевской лѣтописи отличается поразительной близостью къ современному малорусскому, и когда будетъ изданъ историческій словарь малорусской рѣчи (надъ которымъ много лѣтъ трудился И. И. Житецкій и надъ которымъ продолжаю теперь работать я), то преимущественная близость малорусской рѣчи къ древней южно-русской не будетъ ни въ комъ вызывать малѣйшихъ сомнѣній.

теръ, сравнительно съ прежнимъ временемъ: рубежъ русской земли съ лѣвой стороны Днѣпра переносится на правый, и Кіевская земля, постоянно угрожаемая съ востока и юга, становится новою украинною земли русской; порубежники быстро мѣняютъ прежній образъ жизни и привычки, такъ какъ имъ уже не приходится предаваться мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Весьма вѣроятно при этомъ, что население Кіевской земли (т. е. сѣверно-малорусское) ассимилируется¹⁾ тому южно-малорусскому населенію, которое издавна сосѣдило на югъ со степью,—жителямъ Поросья и Побужья; въ Побужьѣ жили потомки уличей, которымъ событія на югѣ отарыли новую историческую роль. Въ XIII вѣкѣ уличи, пользуясь слабостью южныхъ князей, стремятся къ самостоятельности; у нихъ появляются самостоятельные князья, а территория ихъ выдѣляется изъ сосѣднихъ княженій подъ именемъ Болоховской земли. Нашествіе татаръ, съ которыми они вошли въ особое соглашеніе, еще болѣе отдѣлило ихъ отъ остальной Руси, при чемъ упорное сопротивленіе Данилу Галицкому показываетъ многолюдство и могущество Болоховской земли. Такимъ образомъ, на юго-западѣ Руси нашествіе татаръ вызываетъ явленіе сходное съ тѣмъ, которое послѣдовало (два съ половиною вѣка тому назадъ) за вторженіемъ печенѣговъ въ наши южныя степи: южное населеніе вступаетъ въ борьбу съ сѣвернымъ. Подобно тому какъ древляне и дулѣбы отступили тогда въ результатѣ этой борьбы къ сѣверу, такъ точно, послѣ вторженія татаръ, населеніе Кіевской земли и, вѣроятно, также Волынской отлило въ Полѣсье²⁾,

¹⁾ Выраженіе „ассимилируется“ употреблено здѣсь г. Шахматовымъ крайне сбивчиво. Если онъ хочетъ сказать, что рѣчь Кіевщины приняла много южно-малорусскіе признаки, то съ этимъ согласиться можно; но о *безусловной* ассимиляціи не можетъ быть и рѣчи: рукописные (отчасти и печатные) памятники обнаруживаютъ присутствіе сѣверно-малорусскихъ чертъ къ югу отъ Кіева вплоть до 18-го вѣка; да и теперь говоръ средней Кіевщины не вполне южно-малорусскій.

²⁾ Сѣверная Кіевщина сама есть ужъ Полѣсье, да и изъ средней Кіевщины (по причинамъ, указаннымъ выше) нельзя предположить уходъ сѣверно-малорусскаго населенія. Уличи могли занять только Поросье и мѣста къ югу отъ Роси. Требуется, чтобы г. Шахматовъ выразился здѣсь точнѣе.

оставляя просторъ для сидѣвшихъ южнѣ жителей Понизовья (мѣстность между Богомъ и Днѣстромъ)¹⁾.

Съ XIV вѣка,—продолжаетъ г. Шахматовъ сопоставлять показанія языка съ показаніями исторіи народа,—южно-руссамъ, страна которыхъ, кажется, не ранѣе XIII вѣка получаетъ названіе Малой Руси, открывається новая задача—колонизовать югъ и юго-востокъ Россіи. Подъ охраной литовскихъ князей и кievскихъ Олельковичей, малоруссы двигаются въ Полтавщину²⁾, что можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ противъ предположенія о слишкомъ сильной разрѣженности южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія. Кіевское княжество уже въ XV вѣкѣ нашло возможность расширить свои предѣлы до Чернаго моря и Дона; ясно, что собственно Кіевщина не могла въ то время нуждаться въ колонистахъ изъ Галиціи или Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи новыя событія на востокѣ и въ особенности образованіе крымскаго ханства привели Кіевъ ко вторичному упадку: „широкія границы, начертанныя для Кіевщины Битомъ, говоритъ Антоновичъ, исчезли черезъ польѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды“. Прочное колонизаціонное движеніе малоруссовъ въ Полтавщину и Черниговщину возобновляется не ранѣе XVI вѣка; впослѣдствіи, уже подъ охраною московскаго государства, заселяются южныя степи бѣжавшимъ отъ польскихъ порядковъ малорусскимъ крестьянствомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка малоруссы занимаютъ современную Харьковскую, западную часть Воронежской и южную часть Курской губерній. Колонизаціонное движеніе съ праваго берега Днѣпра шло, кажется, преимущественно изъ южной Украйны, изъ Побережья, т. е. мѣстности между Богомъ и Днѣстромъ: населеніе этой части южной Руси, захвативъ сначала, какъ мы видѣли выше, Кіевщину³⁾, двигалось затѣмъ большими волнами въ заднѣпровскія степи⁴⁾.

¹⁾ Стр. 357—358.

²⁾ Сперва въ сѣверную.

³⁾ Конечно, только Кіевщину южную.

⁴⁾ Стр. 367—368.

Резюмируя свою обширную статью, г. Шахматовъ по поводу группы малорусскихъ современныхъ нарѣчій говорить: Малорусская группа цѣльнѣе, чѣмъ всѣ остальные (т. е. чѣмъ бѣлорусская и великорусская), сохранила свою связь съ древней группой соответствующихъ ей говоровъ: южно-русская группа X—XI вѣка вполне представлена современной группой—малорусской¹⁾, и подобно тому какъ древняя южно-русская племенная группа дѣлилась на племена сѣверныя и южныя, малорусское нарѣчіе можно раздѣлить на сѣверное и южное поднарѣчіе²⁾; смѣшеніе древнихъ племенъ сѣверныхъ и южныхъ на ихъ пограничныхъ полосахъ отразилось въ нынѣшнемъ малорусскомъ нарѣчій говорахъ переходными. Какъ ни цѣнны всѣ дальнѣйшія частныя замѣчанія г. Шахматова по поводу каждой группы: сѣверно-малорусской, южно-малорусской и переходной, я ограничусь сообщеніемъ лишь самаго необходимаго³⁾.

Въ старину (и даже лѣтъ двѣсти-триста тому назадъ) на Правобережьи, т. е. въ западномъ бассейнѣ Днѣпра, въ бассейнѣ Бужскомъ и въ бассейнѣ Днѣстровскомъ, слышались всѣ три малорусскихъ нарѣчій, или поднарѣчій:—на югѣ чистое южнорусское, въ центральной полосѣ—южномалорусское смѣшанное, на сѣверѣ—сѣверномалорусское. Теперь ихъ группировка иная.

1) Чистаго южномалорусскаго нарѣчій теперь на правомъ берегу Днѣпра уже нѣтъ. Этимъ чистымъ южномалорусскимъ нарѣчіемъ говорили жители Понизовья (между Бугомъ и Днѣстромъ) и, подъ конецъ, жители южной Кіевщины. Отъ сѣверныхъ малоруссовъ эти чистые южномалоруссы были отдѣлены широкой полосой смѣшанныхъ говоровъ и, какъ видно изъ событій XIII вѣка, не вполне втянулись въ общую политическую малорусскую жизнь. Эти чистые южномалоруссы уже выселились изъ Правобережья и занимаютъ теперь Полтавскую губернію (кромѣ сѣверной полосы), Харьковскую (безъ сѣверозападной полосы),

¹⁾ Стр. 368.

²⁾ Стр. 369.

³⁾ Изъ стр. 369—377.

южную часть Курской, юго-западную часть Воронежской,—вообще Слободскую Украину и южные степи; поэтому, основываясь на ихъ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, ихъ чистую южnomалорусскую рѣчь приходится теперь называть восточно-украинскимъ нарѣчіемъ. Мѣста, оставленныя ими въ Правобережьи, были послѣ ихъ ухода заняты ихъ сосѣдями съ сѣвера, т. е. южnomалоруссами смѣшанными ¹⁾.

2) Южnomалорусское нарѣчіе *смѣшанное*, усвоившее нѣкоторыя немаловажныя черты сѣверныя, уже не есть теперь по своему географическому положенію нарѣчіе срединное, а просто—западно-украинское, или западно-малорусское. Имъ говорятъ въ Галичинѣ, въ Подоліи (откуда чистые южnomалоруссы уже выселились на Лѣвобережье); въ западной Волини, въ южной и отчасти средней Кіевщинѣ (откуда чистые южnomалоруссы тоже выселились); путемъ колонизаціи (начавшейся раньше, чѣмъ у чистыхъ южnomалоруссовъ) это смѣшанное южно-малорусское нарѣчіе распространилось въ южной Черниговщинѣ и сопредѣльной сѣверной Полтавщинѣ, въ сѣверозападной полосѣ Харьковской губерніи и въ западномъ углѣ Курской губерніи ²⁾.

3) Сѣверно-малорусское нарѣчіе занимаетъ сѣверъ малорусской территоріи, отступая отъ юга то больше, то меньше; самый западный пунктъ—Русь Угорская, самый восточный—Чернигов-

¹⁾ Т. е. типа галицкаго, западно-волинскаго, среднекиевскаго. Если какое-нибудь количество чистыхъ южnomалоруссовъ не выселилось, а осталось въ Правобережьи, то ихъ рѣчь должна была ассимилироваться съ рѣчью новопришедшихъ срединныхъ (смѣшанныхъ) южnomалоруссовъ. Точное изслѣдованіе современнаго языка тѣхъ правобережныхъ мѣстностей, которыя покинуты чистыми южnomалоруссами, быть можетъ, позволитъ уловить тамъ какіе-нибудь пережитки отъ прежней южnomалорусской рѣчи. Къ изслѣдованію должны быть привлечены глагольныя образованія типа *носю, воюю, лютю, годю* (подчеркнутыя еще К. П. Михальчукомъ), мѣстоименіе *цей, ял*, (=сей, ся) и т. д.

²⁾ Всестороннее изслѣдованіе языка перечисленныхъ частей Лѣвобережья показываеъ, что въ образованіи ихъ населенія участвовали также чистые сѣверно-малоруссы и, быть можетъ, даже бѣлоруссы. Съ другой стороны, то же изслѣдованіе не указываетъ, чтобы изъ числа смѣшанныхъ южnomалоруссовъ приходили въ названныя мѣста Лѣвобережья колонисты изъ Галичины и смежной Западной Волини; если-же они и приходили, то слѣда въ языкѣ не оставили,—значить, ихъ и не могло быть много.

щина. Говоры сѣверномалорусскаго нарѣчія отразили на себѣ судьбы сѣверномалорусскихъ племенъ: тѣснимые съ юга южно-малоруссами (волынянами и уличами), древяне, дулѣбы и бужане переходятъ на территорію дреговичей (бѣлоруссовъ) и смѣшиваются съ ними; но южныя племена продолжаютъ уступать къ сѣверу при всякомъ усиленіи степныхъ кочевниковъ, татарское нашествіе даетъ послѣдній ударъ въ этомъ направленіи,—ясно, почему южныя малоруссы преслѣдуютъ сѣверныхъ и въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, и тамъ, гдѣ они успѣли смѣшаться съ дреговичами. Такимъ образомъ, самыя сѣверныя изъ сѣверномалорусскихъ говоровъ имѣютъ примѣсь бѣлорусскихъ особенностей: здѣсь сѣверныя малоруссы сблизились съ бѣлоруссами, которыхъ они вытѣсняли. Наиболѣе устойчиво сѣверномалорусское племя сохранило свои поселенія на востокѣ, хотя и уступило южнымъ малоруссамъ въ болѣе раннюю эпоху южную часть древянской земли, а въ болѣе позднюю—территорію полянъ; отступая къ сѣверу, древяне смѣшивались съ дреговичами; вотъ почему на сѣверѣ восточныхъ поселеній сѣверныхъ малоруссовъ мы найдемъ бѣлорусскія, а на югѣ—южномалорусскія особенности. Изъ числа сѣверномалорусскихъ поселеній особенно для насъ интересенъ Радомысльскій уѣздъ Кіевской губ., Овручскій, Житомирскій, Новоградъ-Волинскій и Ровенскій уѣзды Волинской губ. Въ ихъ говорѣ сѣверномалорусскія черты смѣшиваются съ южномалорусскими, но бѣлорусскихъ особенностей нѣтъ,—слѣдовательно полѣхи сѣверной части Кіевской и указанныхъ уѣздовъ Волинской губерніи продвинулись сюда не съ сѣвера ¹⁾. Иными словами: типъ старыхъ домонгольскихъ кіевлянъ наиболѣе чисто представленъ теперь жителями Радомысльскаго уѣзда и названныхъ сосѣднихъ уѣздовъ Волыни.

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я привелъ такія обширныя извлеченія изъ статьи г. Шахматова ²⁾:

¹⁾ Стр. 370.

²⁾ Она мною приведена преимущественно въ видѣ буквальныхъ извлеченій изъ наиболѣе существенныхъ мѣстъ, а кое-гдѣ желая сдѣлать ее вразумительной для средняго читателя—неспеціалиста, я постарался изложить ее даже популярно, за что многауважаемый академикъ не будетъ, надѣюсь, на меня въ

она вполне этого заслуживаетъ. Конечно, нѣтъ сомнѣнй, что со временемъ г. Шахматовъ произведетъ въ ней еще немало улучшенй: и со стороны чисто исторической—спеціальная разработка отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ не разъ внесетъ въ эту статью многія полезныя дополненя и болѣе точную формулировку нѣкоторыхъ положенй; и со стороны филологической—дальнѣйшя работы въ области изученя современныхъ русскихъ нарѣчй и говоровъ также придадутъ иную формулировку нѣкоторымъ выводамъ и обобщенямъ¹⁾; но главнѣйшя, существенныя идеи работы г. Шахматова останутся непоколебленными, потому что онѣ не легкомысленно схвачены съ воздуха, а представляютъ собою продуманное, необходимое логическое заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, которыя были приготовлены г. Шахматову многими серіозными трудами многихъ серіозныхъ ученыхъ, предшественниковъ нашего талантливаго академика.

Итакъ, гипотеза о великорусскости старыхъ кievлянъ уже погребена: отъ нея отказались и г. Соболевскій, и г. Шахмаковъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вовсе небезполезнымъ для исторіи малорусскаго нарѣчя оканчивать печатаніе своего изслѣдованія: очень важно выяснитъ, дѣйствительно-ли въ Галичинѣ и на Волини писаны тѣ памятники, которые г. Соболевскій называлъ галицко-волинскими. А не то исторія малорусскаго языка будетъ изучаться по немалорусскимъ памятникамъ, и произойдутъ ошибочныя выводы.

превензія. Съ цѣнными изслѣдованіями г. Шахматова очень полезно знакомиться широкой публикѣ, между тѣмъ стиль его иногда бываетъ тяжеловатъ. (Даже специалистъ филологъ проф. Р. Э. Врандтъ говорилъ о сочиненіи г. Шахматова: „Изслѣдованія въ области русской фонетики“, что оно изложено „чрезвычайно тяжело“;—„чтеніе разбираемой книги настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь завзятымъ грамматистамъ“. Этв. Обзорніе 1895, кв. ХХІV, стр. 143).

¹⁾ Такъ, рѣчь малоруссовъ Черниговщины и выясненіе вопроса объ отношеніи полянъ къ сѣверянамъ еще требуетъ очень долгихъ изслѣдованій. Говоры Воронѣжчины крайне мало анализированы. Нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Шахматова сдѣланы мною теперь же, поутру, при изложеніи статьи.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

Предисловіе стр. I—XXXVI.

Дополненія и поправки (стр. I—XX).—Вопросъ о стилѣ (стр. XX).—Образцы стиля русской критики по отношенію къ работамъ г. Соболевскаго (стр. XXII—XXXVI).

Гл. I: Что такое галицко-волынская гипотеза и какъ смотрять на нее ученые? стр. 1—11.

Ощутительная разниа между малорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіемъ.—Гипотеза Погодина о доисторическомъ происхожденіи малорусской рѣчи, великоруссиямъ стараго Кіева и переселеніи малоруссовъ въ Кіевскую Русь изъ Карпатъ ужь послѣ татарскаго погрома (стр. 1—3); отрицательное отношеніе русской историографіи къ этой гипотезѣ (стр. 4—7).—Возобновленіе этой гипотезы г. Соболевскимъ на діалектологической почвѣ при помощи подбора многоятевыхъ рукописей (стр. 7—8) и разборъ Потемни, показывающій некомпетентность г. Соболевскаго въ діалектологіи (стр. 8 и стр. II); система опроверженія, выставленная противъ г. Соболевскаго акад. Ягичемъ, построенная на признаніи тѣхъ же многоятевыхъ памятниковъ, на основѣ которыхъ г. Соболевскій возобновилъ Погодинскую гипотезу, и послѣдовавшее общее отрицательное отношеніе серьезной филологіи къ этой гипотезѣ о великоруссиямъ стараго Кіева (стр. 8—9); кратковременная приверженность къ ней акад. Шахматова (стр. 9) и полный его отказъ отъ нея послѣ внимательнаго вникновенія въ древне-русскую исторію и русскую діалектологию (стр. 96—107); смягченіе своихъ воззрѣній самимъ г. Соболевскимъ (стр. 84—95).—На самомъ ли дѣлѣ доказательна система опроверженія, выставленная акад. Ягичемъ? (стр. 9—10); рабски-ученическое развитіе его системы г. Колессою, доведеніе ея ad absurdum и очевидная безысходность его результатовъ; помимо личной филологической неподготовлен-

ности самого г. Колессы (стр. III—VII) въ получившейся безысходности виновата основная неправильность, допущенная г. Ягичемъ вслѣдъ за г. Соболевскимъ, а именно—диалектологическая классификація старо-русскихъ памятниковъ на основаніи употребленія буквы **ѣ** вм. **є** (стр. IV—V).—Необходимость подвергнуть древнерусскіе памятники новому повѣрочному анализу (стр. 10—11).

Глава II: Отношеніе г. Соболевскаго къ малорусской рѣчи и степень его знакомства съ нею стр. 12—19.

Въ какомъ смыслѣ малорусская рѣчь есть языкъ и въ какомъ смыслѣ нарѣчіе? (стр. 12—13); филологическое удобство, съ исторической точки зрѣнія, смотрѣть на рѣчь малоруссовъ и великоруссовъ, какъ на два родственныя нарѣчія одного прежняго общаго русскаго языка-предка, хотя между ними успѣли образоваться очень серіозныя и существенныя различія (стр. 14): яркая нелогичность посылокъ, положенныхъ въ основу того же вывода г. Соболевскимъ (стр. 14—16)—Незнаніе г. Соболевскимъ элементарнѣйшихъ фактовъ малорусскаго нарѣчія, о судьбѣ котораго онъ берется писать; курьезныя примѣры такого незнанія (стр. 16—19; предисл., стр. VIII).

Глава III: О способахъ, которые г. Соболевскій предложилъ; сверхъ сличенія рукописей, для поддержанія своей гипотезы о великорусскости кіевлянъ стр. 19—51.

Попытки г. Соболевскаго стать на почву исторіи и опроверженіе его историческихъ соображеній г. Антоновичемъ и г. Грушевскимъ (стр. 19—20).—Стремленіе поддержать гипотезу о великоруссизмѣ кіевлянъ кіевскими именами на IIIA, якобы не свойственными малоруссамъ; произволь въ подборѣ такихъ именъ и основная методологическая невѣрность въ постройкѣ филологическаго силлогизма при оперированіи ими (стр. 22—25); присутствіе такихъ же именъ на IIIA у старинныхъ домонгольскихъ волынянъ и галичанъ (стр. 25), обильное присутствіе именъ на IIIA у малоруссовъ въ эпоху литовскую, польскую и россійскую, вплоть до настоящаго времени (стр. 26—33); анализъ этого же суффикса IIIA въ малорусскихъ именахъ нарицательныхъ, какъ окончательное доказательство исконной малорусскости этой черты (стр. 33—40)—Попытка г. Соболевскаго увидѣть въ старой Галичинѣ и Волыни уменьшительныя имена на *сѣ, сѣя*, якобы чуждыя великоруссамъ совмѣстно съ старыми кіевлянами, и сдѣлать отсюда выводъ о великорусскости кіевлянъ (стр. 40) методологическая, априорная недопустимость такого вывода (стр. 40) и фактическая невозможность считать имена на *сѣ, сѣя*, за исключительно малорусскія; присутствіе ихъ также въ нарѣчій бѣлорусскомъ и великорусскомъ (стр. 41—42);

поддѣлки, вносимыя г. Соболевскимъ въ галицко-волынскую лѣтопись (имена Блусь, Ольдрихъ и Митуса, стр. 42—46)—Стараніе г. Соболевскаго усмотрѣть въ малорусскихъ насмѣшливыхъ прозвищахъ „буць“ и „гуцало“ имена галицкихъ горцевъ: „бойковъ“ и „гуцуловъ“, переселившихся на Украину (стр. 46); филологическая нелѣпость этимологіи г. Соболевскаго и истинное значеніе словъ „буць“ и „гуцало“ (стр. 47—48 и предисл. стр. XI—XIV) и методологическая невѣрность его посылокъ (стр. 48—49, предисл. стр. XIV).—Объ имени „Малая Русь“, одинаково принятомъ въ XIV вѣкѣ и галичанами и близкими къ нимъ кievлянами въ отличіе отъ имени „Великая Русь“, которое успѣли усвоить себѣ сѣверо-руссy (стр. 49—50).—Антиисторическій принципъ г. Соболевскаго—признавать за фактъ то, что, по его мнѣнію, „должно было“ случиться, а не то, что дѣйствительно случилось (стр. 50), и полное отсутствіе у него научнаго метода при его тенденціозныхъ усиліяхъ (стр. 51).

Глава IV: Кіевскіе и мнимо-кіевскіе памятники XI—XV вѣковъ стр. 51—84.

А) Домонгольскіе:

а) подлинныя: Изборники Святослава 1073 и 1076 г. Отсутствіе въ нихъ великорусскихъ чертъ; переходъ **є** въ **я** есть не только не противомалорусская черта, но (чего не знаетъ г. Соболевскій) особенно характерная черта малорусская (стр. 53—58). Общая ясность малорусскости писца Изборниковъ Святослава, несмотря даже на то, что сохранность глухихъ гласныхъ въ XI вѣкѣ не дала еще развернуться главной малорусской чертѣ—замѣстительному удлиненію (стр. 58—59); смѣшеніе **ж** съ **н** (стр. 59—60), смѣшеніе **ы** съ **и** (стр. 60) и зачаточное смѣшеніе **в** и **оу** (стр. 60—61).

б) Десять рукописей, произвольно навязанныхъ домонгольскому Кіеву г. Соболевскимъ:

1) Новгородскіе Пандекты Антіоха XI—XII в (стр. 62—63).

2) Метиславово евангеліе новгородской Благовѣщенской церкви (стр. 63).

3) Евангеліе Юрьевскаго Новгородскаго монастыря, 1119—1128 (стр. 63).

4) Юрьевская грамота 1128—1132 г.; комическое, особо тенденціозное отношеніе къ ней г. Соболевскаго; замѣтка о мнимо-кіевскихъ начертаніяхъ типа „изоостанеть“ (стр. 64—66 и предисл. стр. XVI).

5) Успенскій сборникъ XII—XIII в. съ произведеніями Нестора, переписанными неизвѣстно гдѣ; въ немъ есть, впрочемъ, малоруссиазмы, но они свидѣтельствуютъ только о малорусскости

автора—кіевлянина Нестора (XI в.), а не болѣе поздняго переписчика сборника (стр. 66—69).

6) Архангельское новгородское евангеліе XI—XIII в. (стр. 69—70).

7) Румянцевская лѣствица XII—XIII в. и курьезный принцип діалектологической классификаціи рукописей, высказанный по этому случаю г. Соболевскимъ (стр. 70).

8) Псковское Сказаніе Ипполита объ антихриствѣ XII—XIII в. (стр. 71).

9) Оршанское сѣверное или сѣверо-западное евангеліе XIII в., пожертвованное изъ Орши въ Кіевскій Церковно-Археологическій музей (стр. 71—73).

10) Тріодъ новгородца Моисея Кіянина XIII в.; недостойныя продѣлки и фальсификаціи, допущенныя по отношенію къ ней г. Соболевскимъ (стр. 73—77).

Б). Памятники послѣмонгольскіе:

а) Два памятника, которые надо исключить въ силу ихъ завѣдомаго некіевского происхожденія: 1) Псалтирь 1397 г., писанная въ Кіевѣ завѣжимъ москвичемъ Спиридономъ; курьезно-беззащитное отношеніе къ ней г. Соболевскаго и степень достовѣрности его палеографическихъ утверженій (стр. 77—78); —2) Евангеліе некіевлянина 1411 г. (стр. 78—79).

б) Обзоръ достовѣрныхъ кіевскихъ памятниковъ:

3) Вкладная запись князя Долголдата Долголдатовича 1427 г.; ея малорусскій характеръ (стр. 79—80).

4) Духовная князя Андрея Владиміровича, пріѣхавшаго въ Кіевъ на богомолье въ 1446 г.; сквозящіе въ ней малоруссиазмы писца, несмотря на его стараніе писать строго по церковно-славянски (стр. 80—82).

5) Грамота кіевского князя Семена Олельковича 1459 г., въ которой малорусскость такъ и брызжетъ (стр. 82—83).

6) Грамота Стародубскаго князя 1400 г., свидѣтельствующая о малорусскости также Черниговщины (стр. 83—84).

7) Повѣчье приднѣпровскаго Зарубьскаго Чернориздъ (стр. 84), Общій выводъ: всѣ подлинныя кіевскія памятники XI—XVI в. отличаются ясными малорусскими чертами, которыя преименно развиваются (стр. 84).

Приложеніе I стр. 84—95.

Постепенная перемѣна въ воззрѣніяхъ г. Соболевскаго на рѣчь старыхъ кіевлянъ, подъ вліяніемъ его занятій русской діалектологіей, и послѣдовавшее сознаніе, что они не могли быть чистыми великоруссами (стр. 89—94). —Онъ сталъ считать рѣчь старыхъ кіевлянъ за близкую къ пинской; однако она (полянско-

древлянская) очевидно была обыкновенная сѣверно-малорусская (полѣсская) и была чужда всякихъ великоруссимовъ и бѣлоруссизмовъ (стр. 94—95 и предисл., стр. XVІІІ—XІХ); по сознанию г. Соболевскаго, область полѣскаго нарѣчія простиралась по старой Кіевской землѣ значительно далѣе на югъ, чѣмъ теперь (стр. 88).

Приложеніе II стр. 95—107.

О статьѣ акад. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“ 1899 г.; цѣнность этой статьи акад. Шахматова, равно какъ его послѣдующихъ работъ по этому вопросу, особенно компактнаго очерка: „Русскій языкъ“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (стр. 95 и предисл., стр. XX).—Исслѣдованіе современной малорусской діалектологіи приводитъ г. Шахматова къ выводу, что „древне-кіевскіе памятники писаны на малорусскомъ нарѣчій, принявшемъ нѣкоторыя древне-сѣверскія черты (населеніе столичнаго города Кіева было смѣшаннаго характера)“ и что малорусская рѣчь прежней, домонгольской Кіевской области вплоть до самаго ея юга была сѣверо-малорусская (полѣсская); постепенно вытѣсняемая съ юга напоромъ нарѣчія южно-украинскаго, старая кіевская рѣчь сохранилась теперь наиболѣе чисто въ сѣверной части Кіевской губерніи (Радомыслскій уѣздъ) и въ прилежащей части Волынскаго Полѣсся (уѣздахъ Овручскомъ, Житомирскомъ, Новоградъ-Волынскомъ и Ровенскомъ;—стр. 106).

U. C. BERKELEY LIBRARIES

051335444

YC 72347

M293495

PG 41
K79

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

